

НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ»

Ходюк Есения

Зимняя пора

Зима, зима – чудес пора!

И снова за окном метели.

Из снега лепит детвора

Отряд снеговиков у ели.

Снежинки ловит черный пес,

Кусает за пальто мальчишку,

А тот, прикрыв рукой свой нос,

За ухо вел домой братишку.

А дома, там, где вся семья

Поднимет точно настроенье,

В камине мягкий треск огня,

Любимый чай и хлеб с вареньем.

Серкова Анастасия

Размышление о жизни

Огромный мир вокруг меня,

А кто же в этом мире я?

Ребенок должен взрослым стать,

И многое о жизни знать.

Я тоже этот путь пройду,
Не струшу и не упаду.
Я в этом мире не одна.
Со мной всегда моя семья
И школа, и учителя.
Я знаний накоплю так много,
Что станет легкою дорога.
Возьму с собой в дорогу счастье, доброту.
Я справлюсь, я не пропаду!

Свой край люблю, его я сердцем выбирала

Хорькова Анастасия

Свой край люблю, его я сердцем выбирала,
Всю красоту лесов, полей и рек.
И хруст снегов, и радугу желаний,
улыбку солнца с золотых небес.
Сосновые леса и горные просторы ,
Как ты прекрасен, мой родной Урал!
Ковры цветов, березки, ели, клены
-все создает красу моих краев.
Как дорог запах мне черемухи душистой
В родном селе весеннею порой,
И маленькая речка , и крылечко
родного дома с искренней душой.
Урал, Артемовский, село родное!
Какое счастье жить среди этих мест,
И наслаждаться милой красотой
Чарующих, таинственных чудес.
Свой край люблю, его я сердцем выбирала

И майскую грозу, и полевых ромашек блеск
Желаньем жить и наслаждаться родным краем
полна моя душа, и в этом мой секрет.

Завьялова Дарья

КРЫМ

Бескрайнее небо нависло над морем,
И солнце смеётся в просторах своих.
В Крыму есть богатство природы такое,
Что сложно подобное где-то найти.

Влечёт полуостров своей красотой,
Такой душевной и очень родной.
И чайки летают над синей волною,
Зовут в край чудесный меня за собой.

Морские богатства, песчаные косы,
Лазурно-жемчужной волны чистота.
Всё это сокровища Крыма родные!
Всё это России моей красота!

Краморенко Марк

ПОЧЕМУ Я ЭТИМ ЛЕТОМ НЕ НА МОРЕ?

Почему я этим летом не на море?
Потому что слишком много горя.
Потому что матери и сёстры плачут,
На передовой решающих задачи.

Я этим летом не на море, потому что
Жена двухсотого ревет в его подушку
И потому что гладит маленькой ручонкой
Ребёнок фото папы с чёрною каемкой.

Я этим летом не на море, потому что
Столетний дед вздыхает грустно.
Фашиста в сорок пятом он прогнал,
А тот сегодня вновь покой отнял.

Я этим летом не на море, потому что
Во время СВО мне это чуждо.
На берегу своей или чужой страны
Ещё сильнее стоны раненых слышны.

Я этим летом не на море, потому что
Смотреть на кайф людей мне тошно.
Идёт, друзья, народная война.
Поэтому в тылу героям помогаю я!

Камешкова Мария

Йозеф Гуггенмос

Из стекла.

Я представляю иногда,
Лишь для забавы, без вреда,
Что я прозрачен, как вода
И будто из стекла я сделан...

Все кто по улице идут
Остолбенеют и замрут,
И взгляды их как нож, пройдут
Сквозь моё тело.

Мне даже дети вслед кричат
Что быть кристальными хотят.

Прекрасно это! – говорят.

Такая честь.

Но вдруг какой-то идиот
Толкает в спину. Дзынь! И вот
Я падаю...разбился лёд!
Осколков звон, их целый взвод...
Ах, лучше буду я таким, как есть.

Балкин Михаил

Задача

Шуточное стихотворение.
Я однажды после школы
Сел уроки выполнять
И хотел, решив задачу,
Получить назавтра «пять».
По условию задачи:
Люди, поезд, самолет –
Все спешат, летят куда-то,
То ли взад, то ли вперед.
Ну, такая неудача!
Не решается задача!
Поезд едет еле-еле,
Самолет за ним идет.
Ну, а люди, в самом деле,
Обгоняют самолет!
Нет, неверное, решенья.
Дай, смению я уравненье!
Ой, ребята, я заплачу!
Вы послушайте задачу:
Поезд птицею летит,

Самолет совсем стоит,
Ну, а люди, как ракеты,
Превышают скорость света.
Вот такое наваждение!
И какой же вывод здесь?
У задачи нет решения!
Я устал..., хочу поесть!

Криволапова Лия

А у меня самой семья большая!

Что важно для любого человека?
Свобода. Родина. Любовь. Друзья.
Мы эти ценности несём от века к веку,
Но главное, конечно же, семья.

Родные люди, дом, тепло, уют –
Поддержка безусловная и счастье!
Семья, где тебя любят, ценят и ждут
И защищают от любых ненастий.

А у меня самой семья большая!
И, значит, больше в ней тепла и света!
И что бы ни случилось, точно знаю,
Быть на плаву поможет это!

В моей семье есть сказки перед сном,
А утром есть улыбки, завтрак вкусный!
Я знаю, всё изменится потом!
От этого немного даже грустно...

Я вырасту. И пусть пройдут года,
Тепло родного дома не забуду.
Любовь семьи со мною навсегда,

Я все традиции хранить и помнить буду.

И для меня семья – не просто слово.

Это гораздо глубже, больше, шире.

Семья – это для каждого основа!

Нет ничего важнее в этом мире.

Чернышева Анна

**Стон будущего гения,
или кое-что об учёбе в 11 классе**

Вергилий (в белой тоге):

— *Кто это? Почему в Аду им весело?*

Данте (в лавровом венке):

— *Это российские одиннадцатиклассники.*

Спустились передохнуть от подготовки к ЕГЭ.

Разговор во сне.

Свой школьный путь устало завершая,

Я перешла в одиннадцатый класс.

Открылся мир наук,

Дремучий и грозный.

Оставь надежду, всяк сюда входящий!!!

Неделю каждую по 305 уроков!!!

А может, ну её... домашку, и лечь спать?!

Но тут в ушах: *«Не нарушаем сроков,*

А то вам аттестата не видать!»

...Пересчитала у жука все хромосомы,

Речь Черчилля перевела сама,

Перечитала Горького все томы,

Ой, сплю опять... не томы, а тома!

Одиннадцатый класс – прекрасный повод

Раскрытия во мне потенциала,

Таков учителей железный довод,
Про конкурсы чтоб я не забывала.

Инфоплакаты, фотопостановки,
Агит-рисунки для ГИБДД,
Я в Wordе сию делаю листовки.
«Мы творчески готовимся к ЕГЭ!»

Творю спираль генома человека,
И с рук стекает липкая гуашь,
От пластилина руки не очистишь,
Прилип к подмышке клея карандаш.

Никак не завершу модель Вселенной:
Планеты лежат как-то вразнобой,
А я должна добиться непременно,
Вращались чтоб они любой ценой.

И шепчут мне прям в душу круги ада:
«Бездельница! Всё это надо! Надо!! Надо!!!
Гордись, балда, ты человек творящий».
Оставь надежду, всяк сюда входящий!!!

Перевела с санскрита текстов пять,
Готов доклад, как бобр плотину строит,
Законы оптики мне надо повторять.
Сама себя программа не освоит!!!

Не прекращается моё образование!
Как сутки коротки – ученью то преграда!
...Сигнал из дневника!.. И новое задание:
До завтра выучить поэму «Илиада».

В беспамятство впадаю, очи натирая.
Шепчу призыв, усталость отгоняя:

«Отверзните мне веки, духи знания,
Не все вкусила я плоды образования...
... Не всех паронимов я знаю толкованье...
.....Забыла функции у знаков препинанья...
.....Не вычислен у волн период колебанья...
.....Не помню все Петра завоеванья...»
.....
...Стоп! Кажется, теряю я сознание!.....

Рассвет встречаю на литературе –
Пишу стихи о круга квадратуре,
И мысль свербит: «Ты человек неспящий!»
Оставь надежду, всяк сюда входящий!!!

Я высчитала все дифференциалы,
Слезой омыла quadro-интегралы.
Считаю вакуоли у микроба.
... Мы с ноутбуком разрядились оба!

* * *

Меня экзаменует Цицерон,
Грозит сожженьем заживо Нерон,
Мой жуткий сон прервал Энштейна глас:
*«Не пережил бы я у вас одиннадцатый класс!..
Кто возместит тебе год, жизнь сокративший?..
Лечи невроты, всяк сюда входивший!..»*

Мясникова Ксения

Мечты о мире

Каждый ребенок мечтает о мире,
Где можно жить, как в отдельной квартире:
В мире мечты или в мире общенья,
В мире любви или приключений,

В мире идей, мире танца, природы,
В мире фантазий и мире погоды...
-Разве, возможно, так? - спросите вы.
-Да, если этот мир без войны!
Мир без оружия, страха и гибели,
Тот мир, который не все люди видели!
Мир, о котором мечтает с пелёнок
Каждый родитель и каждый ребёнок.

Замараева Диана

От реальности в сон.

Окунувшись в сновиденья,
Чувствуешь себя такой:
Нет ни страха, ни паденья,
А лишь радость и покой.

Ты, уснувши, смотришь прямо,
Не боишься вдруг взлететь,
Ты играешься упрямо
Не боишься умереть.

Смотришь сон приятный очень,
Наслаждаешься ты им.

Ты на нем сосредоточен,
Сон твой жизненно храним.

Прячешься во сне от мира,
Там спокойно и светло.
Жизнь реальная другая,
Но нам с нею повезло.

Повезло: в реальной жизни
Ты любил и ты любим,
Это смысл всей Вселенной,
Он не может быть другим.

Да, сон может и прекрасен,
Заворожил вдруг он тебя,
Но пойми бывает он опасен.
Для тебя и для меня.

НОМИНАЦИЯ «ПРОЗА»

Баженова Валерия

«Детские воспоминания»

Лето

На улице стоит жара. Маша сидит на красном детском одеяльце и глядит вдаль. На краю одеяла стоит глиняный кувшин с компотом из яблок, которые выросли в саду. По кромке кувшина ползает муха и иногда останавливается для того, чтобы потереть лапки. По всей видимости, ей тоже нравится этот напиток. Рядом с Машей присели отдохнуть бабушка и дедушка. Они весь день были заняты прополкой картофеля. На душе тепло и спокойно, потому что родные люди рядом. Вечером, после дойки коров, будет скромный ужин: свежеспеченный хлеб и парное молоко. Как же это вкусно! Макаешь хлеб в яблочное варенье и запиваешь молоком.

Осень

Дни стали холоднее. На улице все чаще идет дождь. Пришла пора убирать овощи, выращенные на огороде. В сухую погоду родители занимаются уборкой картофеля: папа выкапывает из земли огромные клубни, а мама набирает полные ведра и несет их под крышу. Работа кипит! Дочь бегает вокруг них и пытается помочь, но ей дают «важные задания», так тогда казалось. По факту Машу пытались отвлечь, чтобы она не мешала работать. Урожай собран и убран в подполье. Можно отдохнуть. После трудного дня наступил долгожданный вечер. Дедушка приготовил печенки на костре. Мы едим их на свежем воздухе и любимся первыми звездочками. Красота!

Зима

Она всегда приходит неожиданно. На улице закружились в хороводе белые мухи. За окном трещит лютый мороз. Маша сидит у теплой печки и с удовольствием вдыхает аромат березовых дров. Мама с бабушкой с утра хлопочут над тестом и начинками. Дедушка и папа рубят дрова во дворе. Как хорошо! Ты под надежной защитой и в тепле. Вечером вся семья соберется за столом.

Весна

Дни стали длиннее. На улице тепло. Все чаще хочется бегать без куртки, но мама не разрешает дочери. Она все время говорит: «Весеннее тепло обманчиво». Папа смастерил кораблик из дерева. Как же быстро он уплыл от Маши в кругосветное плавание! Впереди у него жизнь, наполненная приключениями.

Так и наша жизнь, как быстроменяющиеся времена года, идет своим чередом и дарит нам радость. Детские воспоминания наполняют нас теплом, и от них приятно щемит сердце. Но, к сожалению, это чудесное время уже не вернуть! А жаль!

Туполева Валерия

Леся ходила по квартире, быстро собирала фантики от конфет и тихонько ворчала. Нет, она их не разбрасывала. Просто мама уверена, что «Костик у нас маленький и не может убирать за собой».

- Ага, а разбрасывать он может. Я вообще-то тоже еще ребёнок, - подумала Леся и пошла спать.

Утром она проснулась в хорошем настроении. Сегодня всего пять уроков, значит, можно будет погулять.

- Кровать сама себя не заправит! – крикнула мама из комнаты.

Она собирала Костика в садик и успевала раздавать указания.

- Вот и начинается у тебя, Костик, новая жизнь, а у меня старая, полная забот, - вздохнула Леська и поставила кружку в раковину.

Ей тоже хотелось, чтобы мама помогла ей собраться, но она промолчала.

- Леся, посуда! Снова забыла?

Настроение потеряло пару-тройку положительных баллов.

- Шапку не забудь надеть, сегодня прохладно, – добила мама.

Леся хлопнула дверью.

В школе девочки весь день обсуждали, во что будут играть после уроков. Они даже уже решили, где оставят портфели. Вдруг Леська вспомнила, что у нее сегодня кружок по танцам и проект по биологии не готов. Сколько дел! Когда все успеть? Еще минус двадцать баллов по шкале «настроение» обеспечено.

После уроков задержали. Пятиминутка была раз в пять длиннее обычного. Леся опоздала на танцы и заработала штрафной балл на предстоящий экзамен по классике в наказание за опоздание.

-Препарасьон, два деми плие, - диктовала Наталья Петровна. – Гранд плие... Леся! О чем ты думаешь?

А Леська думала, что градус её настроения приближается к нулю.

После танцев Леся бежала до дома, очень хотела успеть поиграть с подружками. Успела! Все ещё здесь! Леська бросила рюкзак с формой на землю и ...

- Леся, домой! Уроки!

- Это конец, - подумала Леська. - Хочу быть взрослой! Никаких тебе уроков, никаких кружков, никаких забот! Сходил на работу, пришёл домой и занимаешься своими делами: хоть телевизор смотри, хоть рисуй, хоть читай. А мне и отдохнуть некогда, даже в телефоне вечером не посидеть! С мамой поругались. Уровень настроения - ноль.

Вечером Леся с мамой пошли в магазин. На проект по биологии были нужны семена.

- Алло. Да, конечно, я всё отдала. Всё, как ты просила.

Это звонила бабушка. Леська сразу понимала, когда она звонит: по маминому голосу было всё понятно. Она сразу разговаривала как-то по-другому, «по-послушному». А бабушка всегда всё хотела контролировать.

- Я не забыла. Хорошо, если хочешь, принесу другой.

- Похоже, у мамы тоже небольшие проблемки, - подумала Леся. - Ведь мама тоже ребенок, только бабушкин.

От этих мыслей Леське стало как-то теплее. Она крепко сжала мамину руку и подмигнула ей, будто в поддержку. Они улынулись друг другу.

Градус настроения медленно, но верно пополз вверх.

Олькова Анастасия

Рассказ

Рождественское чудо

Пушистый мягкий снег медленно опускался на землю. В мире всё было спокойно и тихо. Все готовились к великому празднику – Рождеству. Пекли вкусные печенья, украшали елку и свои дома, развешивали красивые игрушки и гирлянды.

И в маленькой комнатке, в маленьком домике маленькая девочка тоже ждала праздник. Ее звали Анютой. Она сидела у окошка и ловила глазами пролетающие снежинки, стол в их с мамой комнате был пуст, у них не было денег, чтобы купить сладости и украшения.

Вдруг послышался скрип двери – это мама пришла. Анюта побежала ей навстречу, крепко обняла и уткнулась в мамин живот, он был мягкий и теплый. Мама была грустная, у нее не было гостинца для дочки. Тогда она предложила:

- Анюта, пойдем погуляем и посмотрим красивую нарядную елку на площади. А еще можно прокатиться на горке.

- Ура! Гулять, гулять! – обрадовалась Анюта.

Сочельник был очень теплый, ветра почти не было, поэтому гулять было одно удовольствие. Когда они подходили к площади, то услышали тоненький писк. Тут же стали

искать, кто это питит. И вдруг увидели крошечного котенка, такого беззащитного, худого, голодного. Конечно, Анюте сразу захотелось взять его домой, а мама подумала, что им и самим порой есть нечего, чем же они будут его кормить. Но Анюта стала умолять:

- Мамочка, пожалуйста, давай возьмем. Он такой несчастный. Мне его так жалко.

И мама сдалась. Прогулку пришлось отложить, они поспешили домой, чтобы отогреть и накормить котенка.

Когда же они пришли домой, то на шее у котенка разглядели ошейничек, тоненький, а на нем кулончик, а в кулончике записка с адресом. Анюте не хотелось отдавать котенка, но мама сказала:

- Только представь, что где-то такая же, как ты, маленькая девочка плачет, потому что потерялся ее любимый котенок.

Анюте не хотелось, чтобы кто-то плакал, и она согласилась с мамой.

Они нашли дом. Это был большой красивый дом со множеством больших окон и, наверняка, с просторными светлыми комнатами. Они постучали, и им открыла высокая женщина со светлыми вьющимися волосами, узнав, что они нашли котенка, она так обрадовалась и закричала:

- Марусенька, Пушистик нашелся!

В прихожую выбежала маленькая девочка. Она была похожа на ангелочка. У нее такие светлые вьющиеся волосы, розовые пухлые щечки, только глазки ее были заплаканные. От восторга она всплеснула пухлыми ручками и сказала:

- Мамочка, это Боженька помог! Я молилась, и он послал нам этих добрых людей.

А потом все вместе пили вкусный чай, ели разные сладости, а Маруся снова и снова просила Анюту рассказать, как они нашли Пушистика.

И все верили, что эта дружба на всю жизнь, потому что их соединило рождественское чудо!

Удилов Арсений

Маленькие радости тяжелой войны: Новый год по-сталинградски

Новый год – самый волшебный и долгожданный праздник для детей и взрослых. Ваня Петров с нетерпением ждал новогодних каникул, чтобы отдохнуть вместе со своей семьей и самыми лучшими друзьями на свете. Но, перед самым Новым годом, все изменилось. Родители Вани решили переехать в другой город, чтобы ухаживать за больным дедушкой. Ваня сначала очень расстроился, но потом понял, что если будет встречать Новый год с дедушкой, то обязательно сделает его счастливым.

В ожидании новогоднего чуда Ваня гулял во дворе. Он очень надеялся встретить новых друзей и вместе с ними провести новогодние каникулы. Шел пушистый снежок, казалось, что вся природа готовится к волшебному Новому году. Ваня сел на скамейку и

увидел в окне грустное лицо дедушки. В его глазах можно было прочитать многое: боль от потерь близких, радость от встречи с нами, усталость от болезни и даже чувство вины, что пришлось нарушить наши планы. Мне стало его очень жаль, и я поймал себя на мысли, что веду себя как эгоист, обижаюсь на всех и жалею только себя. «Нет, так нельзя!», - подумал я и отправился домой сделать что-то хорошее для дедушки.

- Добрый вечер, дедушка. Ты тоже скучаешь? – спросил Ваня.

- Уже нет! – радостно ответил дедушка. - У меня появился маленький друг, с которым я могу поделиться своими мыслями и чувствами.

Дедушку звали Иван Николаевич. Ему скоро должно было исполниться 95 лет. Ваня и Иван Николаевич оказались тезками, поэтому быстро нашли общий язык. Ваня рассказал дедушке о переезде и грустном настроении. Иван Николаевич его выслушал и сказал:

- Для меня Новый год – это память о тяжелой войне, когда мы встречали праздник в ледяных окопах и загадывали одно - единственное желание - победить врага и вернуться домой к своим близким и родным людям.

Ваня с удивлением посмотрел на Ивана Николаевича и спросил:

- А как это праздновать Новый год на войне?

- Встреча Нового 1943 года для советских солдат, воевавших в Сталинграде, проходила с ощущением близости большой победы. В окопах воодушевленные солдаты громко обсуждали решающий удар по противнику. Всем хотелось приблизить долгожданную победу. В часть привезли посылки от родных и трудящихся тыла, поэтому настроение у солдат было приподнятое. Все отправились в землянки разбирать посылки с гостинцами. Теплые вещи, кисеты с махоркой, письма, новогодние открытки – все это грело душу в морозные новогодние вечера.

Ветеран Сталинградской битвы посмотрел куда-то вдаль, как будто заглянул в далекое прошлое, чтобы еще раз вспомнить Новый год по-сталинградски...Иван Николаевич сильно менялся в лице, когда начинал описывать те тяжелые, но счастливые моменты ожидания новогоднего праздника...

- Я сидел в землянке и вспоминал, как встречал Новый год в последний раз. От счастливых воспоминаний казалось, что тело наполняется теплом, и ноги уже не мерзнут. Оглушительный взрыв прервал приятные моменты и напомнил о жестокой войне. Вспомнил последний день перед отправкой на фронт. Мы не спали всю ночь, не могли наговориться друг с другом. Жenuшка моя, Клавдия Афанасьевна, несколько раз собирала и разбирала вещевой мешок. Ей все время казалось, что она что-то забыла положить. Сыночек мой, Алешенька, тоже готовился на фронт, собирал в рюкзак игрушки, книжки, машинки и важным голосом говорил: «Ты не бойся, папа! Я с тобой!». Утро настало как-то неожиданно. Мы все вместе отправились на вокзал. Посадка, суматоха, песни под баян, крики, слезы.... Алешенька всерьез собрался со мной на войну и пытался заскочить на ступеньку поезда. Жена еле-еле его оттащила от вагона. Он еще долго бежал за поездом, плакал навзрыд и кричал: «Папа! Возьми меня с собой! Па-па-па-па!». До сих пор слышу его голос...Где они сейчас, мои дорогие? Как живут? Не хочу думать о плохом! Они сильные и точно справятся! Другого и быть не может!

Ко мне подсел лейтенант Касаткин, обнял за плечи:

- Иван Николаевич, какой-то вы грустный?

- Да так, нахлынули воспоминания.

- А я вам письмо принес. Сейчас настроение вмиг поднимется!

Я взял письмо дрожащими руками и стал жадно читать. В глазах смешались радость и слезы. Лейтенант осторожно спросил меня:

- Ну как там?

- Все живы и здоровы! Даже елку стали украшать. Только сынок Алешка весь клестер из муки съел, осталась елка без игрушек. Был-бы я там, обязательно бы что-нибудь придумал!

- А где ваш дом, лейтенант Касаткин?

- А у меня и дома даже нет. Все немцы отняли. И дом, и мать, и жену, и двух детей.

- А как они погибли?

- Одна бомба и нет никого.

Удилов Арсений

Лейтенант встал, нервно закурил и затянул протяжным голосом, постепенно переходящим в всхлипывания, песню: «Враги сожгли родную хату, убили всю мою семью...». И вся рота тут же подхватила душевные строки. Каждый пел о своей семье, пел и плакал, утирая слезы рукавом гимнастерки. Это были слезы мужества и стойкости русских солдат, воевавших за свой дом, белую березку под окном, колодец с родниковой водой.

Вдруг забежал неугомонный Сидоров и как давай частушки голосить:

Новогодние подарки Дед Мороз врагу несет!

От которых в стужу жарко, а в жару мороз берет!

Все громко засмеялись и вспомнили о Новом годе, стали обниматься и целоваться, как малые дети. А больше всего мне запомнился новогодний салют для врага! В новогоднюю ночь, за несколько минут до полуночи, поступила команда: «По фашистам, в честь Нового года, батарея залпом огонь!». И засверкали огни из всех видов оружия! Говорят, что немцы, уцелевшие в Сталинградском котле, вспоминали этот праздничный салют, как страшный сон!

- Дедушка, а у вас в землянке была новогодняя елка? – спросил Ваня.

- Конечно была, только украшали мы ее не конфетами и мишурой, а бинтами, ватой, проволокой и даже стреляными гильзами. Когда люди сталкиваются со смертью каждую минуту, даже простые вещи, как праздничный стол с еловым чаем и сухарями кажется чем-то совершенно невероятным, каким-то осколком мирной жизни.

- Вот, Ванюша, так мы и встречали Новый год в окопах. Не буду скрывать, тяжело всем пришлось, но мы каждый раз верили, что в этом году война точно закончится!

Мы долго сидели молча и смотрели в окно. Я понял, что Новый год – это не просто праздник, это время, когда нужно остановиться и подумать о своих поступках и добрых делах, научиться быть милосерднее и радоваться мирному небу над головой. Сегодня мало, кто задумывается о том, какое значение имело празднование Нового года во время Великой Отечественной войны. В условиях возможности внезапной смерти его встреча была символом мирной жизни, к которой мечтали, как можно скорее вернуться.

Вскоре дедушки не стало, тяжелые боевые ранения дали о себе знать, да и болезнь никак не отступала. Мы снова вернулись в свой родной город, но каждый год в новогодние

каникулы обязательно приезжаем на родину дедушки. Я сажусь на старую скамейку и смотрю в окно. Вдруг там появится знакомый силуэт и помашет мне рукой...

Перминова Полина

Рассказ «С полки»

Мастерская кукольника еле освещалась горящим камином. Сам кукольник сидел за своим столом и тщательно проклеивал волосы одной из моих сестёр. Я уже несколько дней стою на полке в ожидании, когда меня передадут хозяйке. Моей первой хозяйке. К нам в мастерскую, за все время пока я стояла тут, завезли несколько потрепанных, уже побывавших в нескольких руках куколок. В их растрёпанности было столько привлекательности, но они так не считали. Разве можно себе не нравиться, когда тебя так любят, что носят на все приёмы с собой? Такие куклы почему-то себя не любили. Их привозили счастливыми, а когда забирали, они очень сильно тускнели.

Небольшое подвальное помещение до верха забито различными тканями, новенькими глазками и ресничками, множеством стеков и шпателей и всем-всем, что могло бы понадобиться в нашем изготовлении и реставрации. Мне здесь было уютно и тепло, несмотря на сырость, которая всегда с собой приносит прохладу. И я думаю, что везде так. Везде для кукол прекрасные условия, везде нас ждут и любят. Пока я стою на полке, ко мне в голову стали пробираться предположения, какие бывают хозяйки. Единственный вывод – все хозяйки похожи на кукольников. Наверное, у них и комнаты такие же. Меня переполняло волнение каждый раз, когда я думала об этом, или когда кто-то стучал в дверь. Однажды к нам постучали. Все куклы, ожидающие хозяев, встрепенулись. А куклы полкой ниже, оставленные на реставрацию, испуганно замерли.

- Гораций! – в подвал спустился юноша, отряхивающий свой капюшон от снега, - Там такая метель! Я еле до тебя добрался!

Мужчина что-то подал кукольнику и уселся на стул рядом. Без капюшона я его сразу узнала. Это был брат нашего мастера. Он частенько приносил кукольнику что-нибудь, что он обычно забывал дома.

- Спасибо, - буркнул Гораций и откусил зубами нитку от нового платья, - Как мама?

- Кашляет, - парень взял в руки катушку голубых ниток, - Ей бы лекарства другие...

- Скоро заберут вон ту куклу, - кукольник сразу понял, к чему клонит брат, и тыкнул на полку пальцем, даже не повернув головы. Я сразу поняла, что речь обо мне, - Богачи одни заказали. Я с них потребовал чуть больше, чем с других.

- Да, куклу ты им сделал красивую! - брат уже стоял около меня и, спрятав руки за спину, разглядывал платье.

- Тьфу ты, - Гораций выплюнул нитку и соскочил со стула, - Ни эту! А вот эту.

Приблизившись, кукольник указал на мою соседку. Она была в розовом платье и до ужаса похожа на меня. Разве что волосы у неё рыжие и веснушек много.

- Эта тоже не плоха, только глаза у них у всех такие пустые, - парень почесал макушку и передёрнулся от пробежавшего по спине холодка, - А эта тогда чья?

- Эта для Одетты, - смущённо пробубнил усевшийся на место и вновь закусивший в зубах нитку кукольник.

- Шутишь? Она же замужем и у неё недавно малышка родилась! – брат кукольника быстро переместился обратно на стул. Он говорил с таким энтузиазмом, будто узнал что-то новое и совершенно секретное. Но нового в этой информации было лишь имя моей будущей хозяйки. Я давно заметила, что мой кукольник влюблен. Ещё с самого начала моей жизни. Он буквально сделал меня из этого переполняющего его чувства.

- Ну и что? – Гораций от возмущения всплеснул руками и ударился о деревянную поверхность стола, - Это не мешает мне дарить ей подарки на Рождество.

- Мешает, если ты её бывший почти жених! – ещё с большей долей возмущения выкрикнул юноша.

- Перестань! – оборвал его Горации.

- А вот и не перестану. Ты же знаешь кто её муж. Это же гора. Такая здоровая гора, да ещё и богатая, - брат развел руками, чтобы во всей красе показать масштаб надвигающихся проблем, - Если он увидит твои вот такие вот подарки, он точно тебя когда-нибудь где-нибудь убьёт! И кто тогда деньги в семью приносить будет?

Брат кукольника как бы грозил пальцем все то время пока говорил. Он встал со стула, накидывая на голову капюшон.

- А попробуй-ка ты сам, Юсеф, хотя бы сущие гроши добыть! – вспылел кукольник, соскочив со стула, и чуть не столкнулся лбом с братом. Тот лишь, нахмутив лоб, посмотрел на него.

- Я пошёл, - высокомерно отчеканил братец.

- Уходи, - крикнул ему в след Гораций, сел на место и продолжил шить. Все его движения были рваными и резкими. Он буквально перебрасывал нитки с места на место. Противостоять брату не было ни сил, ни времени, однако подступающий к горлу гнев, пытался вырваться наружу. У него это получалось очень плохо. Кукольник, хоть и вспыльчивый человек, умеет быстро остыть. В его деле злость только мешает. Куклы

получаются все с нахмуренными бровями и надутыми губками, а таких никто брать не желает.

- Не возмущайся, - Юсеф остановился у самых дверей и обернулся, - Ты старший. Тебе и работать.

Братец еще раз окинул мастерскую взглядом, хмыкнул и вышел. Он с таким нахмуренным носом посмотрел на меня, что перехотелось иметь какой-либо контакт с этим парнем в дальнейшем. Как резко его взгляд изменился с приятного на грозный. Ох, наивный Гораций, как же ты не видишь, что он спешит растрепать о твоём подарке всему городу? Братец только предлог искал, чтобы уйти. Я никогда не любила этого сплетника Юсефа. Он за несколько дней моего существования здесь приносил Горацию столько слухов, что все я даже не припомню. Юсеф будто воспламенялся, когда слышал что-то новенькое из частной жизни горожанина. В такие моменты его и без того огненные волосы загорались ещё ярче. Один раз я наблюдала это своими глазами. Мастер рассказал ему, что один богатый мужчина, очень известный в нашем городке, заказал куклу. Но у него нет ни жены, ни дочери. Юсеф тут же, как услышал такое известие, быстро собрался и убежал. Хотя до этого он вел довольно милую беседу с братом и точно никуда не собирался.

- Одетта, Одетта, - тихо протянул Гораций, отойдя от неприятного диалога с братом и протягивая ко мне руки. Он аккуратно переместил меня с полки на стол. Кукольник каждый вечер что-то во мне поправляет. То кудряшку подовьёт, то блеска на губах добавит. Все ему кажется, что я не достаточно красива. В этот раз он нежно провёл рукой по моей голове и застыл с улыбкой на лице.

- Достаточно, - прошептал он, обводя тёплыми руками мой силуэт, - Достаточно, Гораций, достаточно.

Мастер повторял это с каким-то волнением, дрожью в голосе и улыбкой на лице. Он будто убеждал себя больше ничего не добавлять в мой костюм, не подвигать и без того отличные локоны и не покрывать мои губы лаком, чтоб они сияли ещё ярче. Ещё через несколько «достаточно», он достал из-под стола коробку. Таких по всей мастерской было много. Куда ни посмотри, везде найдёшь деревянную коробку с куклой или без. Кукольник положил меня на мягкую синюю подстилку и стал что-то искать. Когда он достал с одной из полок перо и чернильницу, я поняла, что ему нужна бумага. И я видела небольшой листочек на столе, до того, как меня положили в коробку. Ох, как хочется помочь. Как жаль, что я могу лишь лежать и смиренно ждать, пока Гораций осмотрит весь стол, переберётся на пол, потом снова вернётся к деревянной поверхности и, всплеснув руками, наконец, найдет листочек.

«Дорогая Одетта, поздравляю с Рождеством и рождением дочери. Очень надеюсь, что она вырастет здоровой девочкой. Живи в любви и согласии с мужем. Будь счастлива!»

Он быстро и тихо диктовал себе слова. Когда Гораций поставил точку, его глаза бегло пробежались по бумаге. Кукольник свел брови и, недовольно поджав губы, скомкал листок. Уже через несколько мгновений, комочек летел в стену напротив стола мастера. Потерев лоб и проведя рукой по коричневым, на свету отливавшим рыжим, волосам, Гораций откинулся на спинку стула и стал совсем не виден мне. Да уж, обзор в коробке крайне мал. А хотелось бы видеть его лицо. Лицо безнадежно влюбленного кукольника, который уже не первый день переставляет меня с полки на полку, перекладывает из коробки в коробку и пытается понять, что же ему делать с самим собой.

Для кукол время идет куда дольше, чем для людей. У нас нет возможности поспать или даже просто полежать с закрытыми глазами. Мы всегда следим за нашими хозяевами. Чувствовать течение времени – это наше наказание за вечную жизнь. Так, глядя в кирпичный потолок, я провела всю ночь. Я не видела Горация, но отчетливо слышала его сопение. На некоторое время мной овладела зависть - я тоже хочу видеть сны, страстно любить кого-то и найти друзей.

Наверное, моим другом должна стать та сама Одетта. Кто она? У меня есть чувство, что мы уже давно знакомы и не раз встречались. Однако я уверена, что она никогда не заходила в мастерскую. Её имя сегодня впервые прозвучало в мастерской так громко и четко. До этого Гораций лишь несмело шептал похожее слово. Так любопытно, что Одетта такого сделала, чтобы всё время о ней думал кукольник? В голове крутилось столько вопросов. Казалось, что я на них знаю ответ, но не могу вспомнить.

Проснувшись, Гораций первым делом вынул меня из коробки и поставил обратно на полку. Моё лицо, конечно же, ничего не выражало, однако это не доказательство того, что мне было обидно за ночь, проведённую в замкнутом пространстве деревянной коробки. Опустив голову, кукольник добрался обратно до стола, попутно прихватив с полки несколько потасканных кукол. В его глазах не было ни капли той нежности. Тех кукол Гораций чинил без интереса. Он так же мягко прикасался к их волосам, так же заботливо зашивал платья, но это был лишь заказ. Это не его творение, рождённое под наплывом чувств. Иголлка сама собой затягивала нитки, расческа сама расчёсывала запутанные кудри. Он отрешён, но все равно заботлив.

Уже под конец дня, когда две мои сестрички были готовы и красовались на полке, в дверь постучали и без приглашения не вошли, как бы это сделал Юсеф. Тогда я подумала, что это один из заказчиков и совсем не проявила никакого интереса. Меня же все равно не заберут.

- Войдите! – громко сказал Гораций.

Тихо, словно крадясь, в мастерскую вошла девушка в тёплой длинной накидке. Она заперла за собой дверь и скинула с головы капюшон. Ровная фарфоровая кожа, завитые в кудри волосы – она была похожа на одну из нас. Только не идеальные черты лица выдавали её человеческое происхождение. Она так же на носочках, двинулась вперёд. Так же нежно, как кукольник затягивал последний узелок, она ступала по каменному полу. Девушка оглядела полку, где стояла я. Мы с ней на секунду встретились взглядом. Мне удалось разглядеть её магические глаза, слегка прикрываемые густыми ресницами.

- Я закончил, чем могу помочь? – Гораций повернулся к гостье уже после того, как закончил фразу. Кукольник тут же встал с неммым вопросом в глазах. Я увидела столько счастья и растерянности на его лице.

- Здравствуй, Гораций, - тихо, словно пропевая, сказала она.

- Одетта, добрый день, - с легкой улыбкой протянул он.

И тут мне стало все ясно. Вот та, которая свела моего кукольника с ума. Вот та, к которой он испытал самое нежное и трепетное чувство.

- Я пришла не за куклой, милый, - и снова мягко, снова нежно, - До меня дошли нехорошие слухи.

- Какие? Я не помню, чтоб совершал что-то, что станет поводом для сплетен.

- Гораций, милый мой Гораций, - Одетта сделала шаг вперёд, навстречу мастеру, - Ты влюблён в замужнюю женщину, это ли не повод?

Кукольник слегка опустил голову, щёки его запылали, а брови встретились на переносице. Я точно знала, на кого он сейчас злиться. Юсеф не тот человек, с кем стоило делиться своими планами, но ничего уже не исправить.

- Нельзя так, - подвела итог Одетта и замолчала, - Я желаю забыть тебя, чтоб сердце моё больше не рвалось на кусочки. Ты бы знал, как сильно мне хочется быть твоей женой, милый Гораций.

Одетта, не снимая перчатки, прикоснулась к щеке мастера. По её щеке еле заметным ручейком сбежала вниз слеза. И так мне плохо стало в этот момент. Будто тысячи рук рвали меня на кусочки, но я продолжала безвольно стоять и смотреть.

- Нельзя послушаться родителей, нельзя сбежать, мне нельзя тебя любить... - шептала она,

Девушка отпустила руку и повернулась к кукольнику спиной. Я видела, как слёзы стекали по её щекам, и слышала, как она тяжело вздыхает. Гораций долго пытался пересилить себя. Я чувствовала, что кукольник так хочет коснуться её. Он протянул к ней руку, но резко одёрнул её, будто это была не Одетта, а раскалённый уголь.

- Прощай, мой милый Гораций, - Одетта надела капюшон и стремительно вышла. Все так затихло и снова потускнело, будто её и не было здесь никогда, будто призрак прошлого заглянул на секунду, чтоб всколыхнуть то тлеющее чувство в груди кукольника.

Гораций не сходил с места. А вот я уже стоять не могла. Такого быть не может, но меня пошатнуло. Эти секунды полёта показались ещё длиннее, чем любая ночь, проведённая здесь. Я так мечтала о хозяйке, но оказалось, что я создана не для этого. За эти секунды я успела оглядеть всех своих сестёр, которые замерли от ужаса, увидев падающего на колени и пытающегося поймать меня кукольника. Но не надо меня спасать - я готова и разбиться.

Звон бьющегося фарфора о бетонный пол, и тёплые слёзы на моих осколках.

Ответы на тысячу моих вопросов пришли в голову сами собой в одно мгновение, пока я ещё одним глазом могла видеть растерянного кукольника. На одно мгновение мне показалось, что всё сон, тот самый, о котором я так мечтала. Нет, это был кошмар. Вот она. Одетта. Стоит передо мной ещё совсем ребёнок. Такой беззаботный взгляд. Такие лёгкие движения. Она убегает, я бегу за ней. Где мы? Мы вбегаем в сад. Под старыми вязами темно. Вот она уже взрослая. Она так красива и беззаботна. Одетта садится на скамейку и приглашает меня присесть с ней. Мы смущаемся. Мы подростки. Я чувствую, как щёки пылают, как меня щекочет что-то изнутри. Она снова убегает. Я бегу за ней. Почему я не могу не бежать? Впереди что-то светлое. Я бегу к алтарю. Бегу к моей прекрасной Одетте... Перед алтарём она и кто-то другой... Её родители сделали выбор за нас. Глаза Одетты заливаются слезами, мои – закрыты. А внутри только боль. Все разбито и режет осколками душу.

Я видела всё. Будто просмотрела его жизнь как короткометражный фильм. Только теперь я поняла, что за ветер сбросил меня с полки – ветер от закрывающейся двери, за которой скрылась Одетта, а с ней и вся жизнь кукольника...

Всё стало мутно. Не видно Горация. Не видно мастерской. Темно... Пусто...

Что такое детство? Это небо, бескрайнее и огромное, куполом охватывающее все стороны горизонта. Это поля ржи, поля пшеницы и цветущие луга с коровами. Это стрекозы, парящие над озерцом в тиши песчаных берегов с редкими сухими кустиками, это жуки, жужжащие под босыми ногами. Детство - это вечное лето. Это сосновый лес, это неизведанные тропки с новыми загадками. Детство - это старый дом у дороги с голубым облупленным частоколом, это древний сарай, в котором пылятся непонятные вещи: от настоящего меча тевтонского рыцаря, до гранаты без чеки времён Великой Отечественной войны.

Это разговорчивые курицы, жёлтые цыплята, грациозные лебеди и задиры-индюки. Это смешные телята, таинственно пропадающие каждую осень. Это огромные лошади, на которых смелые взрослые уезжали в поле.

Детство - это большой дом с одним этажом и погребом. Это стеклянные шкафы с хрустальными сервизами, фигурками лягушек с монеткой во рту и турками со смешной гулькой на голове. Это мудреные люстры, кружевные шторы и пыльные диваны. Это кровать с пружинами и тяжёлым колючим одеялом. Это белая печка, такая тёплая и большая.

Это бабушка, её мягкие теплые объятия и толстые, натруженные пальцы. Это темные короткие волосы под платком. Это светлые голубые глаза и широкая, немножко кривая улыбка. Это цветочные просторные сарафаны на пуговицах. Это немного косолапая и покачивающаяся походка, словно медвежья.

Это дедушка, высокий, под потолок мужчина, широкоплечий и грозный. Это рубашка в клетку, широкие штаны и высокие рыбацкие сапоги.

На мне, помню, была белая маечка, немного пожелтевшая от времени и неугомонного детского характера. Я был бос: нечего бояться поранить ноги - в селе всё строго с порядком. Хоть и заправлял селом какой-то набожный дядька, тучный и широкий, как пышная ватрушка, но дедушку моего уважали больше. Уральские горы знаете? Это его пояс. Байкал знаете? Он выкопал. Им только детей не пугали перед сном, хотя кто знает... И я искренне верил, что дедушка моего деда - великий герой русского народа, что погромил подлых литовцев, потопил крестоносцев и построил Москву вновь после пожара 1812 года...

Я покачал ногами в воздухе, не доставая до травы, и огляделся, будто ждал кого-то. Когда я один, на меня накатывает страшная тоска. Я перевёл взгляд далеко-далеко, ведь с холма всё видно. Сосновый бор, железная дорога прямо у подножия. Я часто гулял на этой железной дороге. Смотрел на эти огромные поезда и надеялся, что там окажется кто-то родной и знакомый. Что поезд остановится прямо рядом со мной, дверь со скрипом откроется и появится знакомая фигура... правда, чья, не могу вспомнить до сих пор.

Я покрутил головой, отгоняя мушек. На озере начали квакать лягушки - значит, спускается вечер.

-Ме-е-еля!!! - приглушённо послышалось за спиной. Я тут же оглянулся на крик. Это бабушка.

Я кувырком упал с качели и припустил с холма. Заходящее солнце слепило глаза, я прищурился и, запнувшись, покатился по холму вниз, принимая на спину и живот каждый встречный камешек. Нисколько не огорчившись, даже не пискнув, встал на ноги и пролез под забором.

Уже совсем темно. Бабушка приготовила вкусную жареную картошку и пирог с капустой. Мне она всегда наливала до краев парное молоко, ведь она знала: я хотел скорее стать сильным и крепким, как дед.

Дед. Великан, атлант. Силён, угрюм и справедлив. Я был похож на него. У дедушки, правда, от старости не такие золотые волосы и яркие зелёные глаза, но это не мешало каждому прохожему сравнивать нас. Дедушка Константин был очень суров, для него я не ребенок, а маленький взрослый. При нём я не плакал. Никогда. Я же будущий мужчина.

Помню: я бежал - бежал куда-то, в место далёкое и неизведанное. Там, где ты один, но тебе не одиноко. Где солнце светит ярко, трава стелется зелёным ковром и переливается как атлас. Где можно кататься со склонов, перебегать ручьи, не боясь тиши леса, прыгать от берёзы к берёзе. Не страшно. Дедушка говорил когда-то, что никогда не страшно остаться одному, ведь если ты чист перед самим собой - ты всегда найдешь себе родственную душу. Я не понял смысла фразы, а одиночества я не боялся никогда. Я как лис прыгал среди высоких трав, вдыхал их терпкий аромат, и это для меня - жизнь.

Как-то раз я даже нашёл под кустом маленького стрижа. Тоже одного и беззащитного.

- Маленький, где твои мама с папой, а? - я упал на коленки и навис над птенцом, - Че-о лежишь, ты же сильная птица, э!

Я поднял голову к небу и увидел взрослых стрижей, кружащих над ним. Я взял птичку в руку и погладил её маленькую мягкую головку. Она завертелась, запищала.

Это был сильный, красивый и здоровый на вид птенец. Я, любопытствуя, расправил левое крыло и посмотрел на переливчатое чёрное оперение. Оно как будто бархатное.

-Ну, не рвись, отпущу! - Смеясь, я встал, разбежался и с размаху запустил пичужку прямо в небо. Она запищала, а, почувствовав ветер в пёрышках, тут же расправила крылышки и полетела вместе с двумя другими птицами.

Эх, мне бы крылья!!! Я бы взлетел над полем, как орёл, как ястреб! Да я, да я бы...ах!

И всё, что мне осталось - лишь прикрывать глаза от солнца, смотреть сквозь пелену слёз вдаль удаляющейся фигурке птички и радоваться за неё.

Таким я и запомнил детство.

Мельникова Карина

Учитель, которого нет...

Лена машинально ударяла большим пальцем по экрану смартфона и перед ней проносилась лента новостей о содержании дома экзотических животных, о фильмах, выходящих в прокат, о новинках компьютерных игр и происшествиях, в которых замешаны представители молодежных субкультур... Неизвестно, сколько бы времени это продолжалось, если бы не знакомый сигнал. Лена нехотя перевела взгляд на компьютер, стоящий на письменном столе. Во всплывающем жёлтом окне появились надпись: «Учитель математики начал урок» и кнопка «Присоединиться к занятию». Лена поняла, что времени позавтракать, переодеться и расчесаться у неё уже нет. Это её ничуть не расстроило. Ведь у монитора можно сидеть и в пижаме, и с растрёпанными волосами, а за чаем и бутербродом легко сходить во время занятия. Из компьютера раздался знакомый голос Натальи Валерьевны, замелькали слайды о том, как складывать и вычитать обыкновенные дроби. Кто-то из одноклассников коряво водя мышкой вписывал ответы в примеры на экране. Неожиданно Наталья Валерьевна попросила всех поставить в чате знак плюс. Она часто проверяла так присутствие своих учеников на онлайн-уроке, но каждый

раз, находились те, кто, нажав кнопку «Присоединиться», засыпали или уходили по своим делам. После проверки присутствующих учительница начала перечислять номера для самостоятельной работы, но в этот момент раздался хлопок и во всем доме погас свет, только компьютер продолжал работать. В голосе Натальи Валерьевны появился металлический скрежет, слова звучали прерывисто и заглушались шумами. Вдруг монитор стал корчиться и изгибаться, его начали обвивать провода, а из центра экрана на Лену поползло какое-то тёмное существо. Оно состояло полностью из проводов и тянуло к девочке свои щупальца. Когда Лена вскочила со стула и попятилась назад, проводной монстр вылез из компьютера уже наполовину. Девочка вскрикнула и побежала, монстр, перекатываясь и гремя, ковылял за ней. Лена постоянно натыкалась на стены, как будто квартира превратилась в лабиринт. Неожиданно она поняла, что зашла в тупик, прижалась к стене и в ужасе закрыла глаза. Лена почувствовала, что холодные провода коснулись ее руки, но в этот момент где-то совсем близко закукарекали петухи...

Звук будильника, на который Ленин папа ради смеха поставил кукареканье, чтобы дочь вставала с первыми петухами, прогнал ночной кошмар. «Приснится же такое», - подумала Лена, выключая будильник. Она быстро переоделась, расчесалась, позавтракала и отправилась в школу. После ночного кошмара Лена шла в школу с особой радостью. Она хотела снова увидеть своих одноклассников и учителей, которые всегда поддержат и помогут, сделают легкой даже самую сложную тему. На уроке русского языка в этот день ребята изучали разноспрягаемые глаголы. Учительница объясняла новый материал понятно и интересно, ребята приводили примеры, работали в парах, выполняли творческие задания и не заметили, как пролетел урок. На математике дети превратились в юных ученых, которые искали решение неизвестной им задачи под чутким руководством Натальи Валерьевны, которая улыбалась и шутила, и была совсем не похожа на проводного монстра из Лениного сна. На уроке физкультуры учитель вместе с ребятами пробежал кросс «Золотая осень», после чего они отправились готовиться к городским соревнованиям. На следующем уроке Лена и ее одноклассники в очередной раз убедились, что многие фокусы можно объяснить, зная физику, они изучали реактивное движение, проводили опыты с воздушными шарами, а в конце урока учитель запустил ракету из пластиковой бутылки, которая при поджигании топлива взмыла вверх, совсем как настоящая.

Последним уроком в расписании был английский. В школе не хватало учителей иностранного языка и уроки проводились онлайн. Дети сидели в классе, а учитель из другого города объяснял им тему. Он подключал презентацию, комментировал ее, включал видеосвязь, задавал вопросы ученикам. Иногда его было плохо слышно, ребятам приходилось настраивать колонки и просить повторить объяснение материала еще раз.

Иногда ребята отключали микрофон, в классе начинался беспорядок, и завуч, услышав шум, приходил успокаивать детей. Ребята никогда не видели этого учителя вживую, не знали, что он за человек. Они смотрели на экран и ждали, когда же закончатся эти длинные 40 минут с учителем, которого нет.

Это правда, которая страшнее сна. Чтобы прервать сон достаточно всего лишь проснуться. А как остановить реальность, в которой всё чаще встречается учитель, которого нет.

Мизева Мария

На фронт я уходил, будучи семнадцатилетним мальчиком. Тогда я был молод и очень самоуверен, меня переполняли мужество и горячая смелость. Через два года я потерял интерес к жизни, мне девятнадцать, а на моей голове уже три седых волоса.

Я видел всё: смерть товарищей, предательства, сожжённые сёла. Я встречался с врагом в рукопашном бою. К этому привыкнуть нельзя, хотя со временем мне и стало казаться, будто моя жизнь всегда была такой. Из дня в день, из года в год становилось только хуже. Через два года войны под обстрелом умерла моя мама, и я остался один, потеряв всякую волю к жизни. Поддерживала меня только мысль, что война рано или поздно закончится, и я вернусь домой, в Ленинград. Вернусь молодым, измученным стариком со слабым умом. Я вернусь в никуда, ведь теперь там никто не ждёт меня. Я останусь ненужным и одиноким, так какой смысл в такой жизни? Каждый день погибают ребята: неделю назад погиб Толик, у него осталась сестрёнка, три дня назад погиб Сашка, у него в Ленинграде целая семья. А меня каждый раз что-то отводило, спасало. Я столько раз был на грани смерти, но всё ещё жив. Почему судьба сберегает меня, для чего хранит?

Бывало, принесут почту и вызывают по порядку. Парни счастливые, взволнованные, не терпят им прочитать письма от своих родных и горячо любимых, получить свой кусочек семейного тепла, бережно запрятанный в треугольничек. А я стою и молчу. Знаю, что меня не вызовут больше. А душа-то трепещет, волнуется, ждет - вдруг назовут? Вдруг кто-то вспомнил безымянного солдата? Но ни разу мне не отдали письма. Я ухожу, махнув рукой, а душа продолжает причитать: «Может, затерялось?»

Так было вплоть до сорок третьего. На улице стоял жуткий мороз, ноябрь выдался суровым. Я сидел на большом бревне, вытянув ноги вперед, и слушал, как вдалеке разговаривают люди. Уставшими от бессонных ночей глазами я осматривал горизонт. Было

пусто и тихо, лишь белый снежок аккуратно падал на землю. Серое небо грозно склонилось над нами. Я выставил ладонь и с упоением наблюдал, как снежинки падали на поверхность моей руки и тут же таяли. Внезапно, послышался громкий хруст промерзлой земли и быстрые шаги. Кто-то направлялся к нам. Я напрягся и прислушался. Шаги становились все ближе, и я уж мог разглядеть человека, бегущего среди голых березок. Это наш, Мишка Сильвестров, бежал, держа что-то в руках, прижимая к себе, словно младенца.

-Мужики-и, почта! - закричал он так радостно, так громко, что где-то в стороне тут же закопошились, загудели.

Вокруг меня начала сгущаться толпа. Солдаты окружили бревно, на котором я сидел, кто-то присел рядом.

-Где-то там должна моя Нинка написать,- сказал один.

-А мне невеста из Смоленска письма шлет. Говорит, как вернусь, сразу же свадьбу сыграем,- промолвил другой, совсем еще молодой солдат.

Я, от скуки, продолжал наблюдать за снежинками. Рядом со мной присел Рома Смирнов, приветственно кивнул мне. Я кивнул в ответ. Познакомились мы с ним недавно, хороший парень, общительный очень, анекдотов много знает.

-Я вот все хотел спросить, Ромка,- я начал разговор, пытаясь отвлечься.- Отчего у тебя пятно такое не шее?

-Какое? А, это!- он рефлексивно провел пальцами по пятну.-Так это от скрипки! Я ведь до войны скрипачом был, в оркестре служил. А потом вот как вышло, стали добровольцев набирать...Я и пошел в первых рядах. А пятно осталось, как напоминание.

Он протянул мне ладонь и указал на подушечки пальцев.

-Видишь, и здесь мозоли.

-А я бы и не подумал, что ты музыкантом был.

-Я тоже никогда бы не подумал, что пальцами, которыми я зажимал струны, я когда-то буду нажимать на курок.

Но тут назвали его фамилию, и он, радостно забрав треугольник, ушел. Я продолжал сидеть, пока поле вокруг меня пустело. Никого уж не осталось, но у Мишки в руках оставалось еще одно письмо.

-А это...тебе, Романов.

-Что?- я не поверил своим ушам.

-Письмо тебе пришло!- и тянет его мне.

Я обомлел. Это, верно, ошибка. Другому Романову написали, не мне. Сердце забилось быстро-быстро, голову закружило. Я медленно протянул руку, забрал помятое письмецо из его небрежных рук.

-Представляете, там Романову письмо пришло!- закричал Сильвестров, но я уж его не слышал.

Я так и сидел, смотря широко раскрытыми глазами на это чудо, настоящее чудо, лежащее в моих руках. Я трепетно, с аккуратностью ювелира, работающего с самым дорогим алмазом, начал раскрывать письмо. Оно и вправду было для меня. «Получатель: Андрей Романов». «Отправитель: Татьяна Левина». Татьяна? Таня... Это имя погрузило меня в воспоминания.

Мне двенадцать. Рядом со мной высокая худощавая девочка с длинными косичками. Моя одноклассница и подруга - Танюша, как ласково звала ее мама. Девочка хватается палку и бежит за мной, размахивая ею и злобно ругаясь. А вот мы сидим за столом, и Танюша помогает мне чистить яблоки, которые мама привезла из сада. Вот мы сидим на скамейке, и я признаюсь ей в любви, стыдливо опустив глаза. А она смеется. Так радостно, по-детски, не зная, что через несколько месяцев моя мама получит квартиру, и мы переедем на другой конец города. Я торопливо всучу ей листочек с новым адресом, пообещаю писать письма, пообещаю, что мы еще обязательно встретимся! Не встретились. Да и письма от нее перестали приходить совсем скоро. Милая Танюша исчезла из моей жизни также неожиданно резко, как и появилась.

Она писала:

«Здравствуй, Андрей. Ты, наверное, уж меня и не вспомнишь. Я твоя бывшая одноклассница и подруга, раньше мы много времени проводили вместе, но потом вы с Антониной Петровной переехали, и мы перестали общаться. Недавно, я нашла нашу фотографию и вспомнила о тебе. Мне стало интересно, как сложилась твоя судьба. Я нашла адрес и поспешила туда. Долго стучалась, думала уже уходить, но вышла ваша соседка и рассказала мне обо всем, что случилось, дала адрес твоей полевой почты. Андрей, Антонина Петровна была добрейшей души женщиной, и я выражаю тебе свое глубокое сочувствие.

Сейчас наш родной город Ленинград находится в кольце блокады. Но мы не сдаемся, работаем, не покладая рук. И вы не сдавайтесь.

Если ты получил мое письмо, пожалуйста, напиши в ответ. Пиши обо всем, что придет в голову.

Таня».

Мои руки задрожали. Я столько прошел, столько пережил, что, казалось, уже ничего не может тронуть меня, но эти слова заставили меня вспомнить о той части моей души, о которой я заставил себя забыть. Частичка обычного парня, а не бесчувственного солдата. То ли от холода, то ли от душевного трепета, по коже пробежали мурашки. Мне стало интересно, как сейчас выглядит эта бойкая девчонка. Оставила ли она свою длинную косу или все же остригла? Глаза у нее сейчас такие же большие и выразительные? У меня было к ней столько вопросов, что я решил написать ей ответ. Письмо стало для меня спасательным кругом. Я тут же нашел, на чем и чем написать, и переживания, ожившие в моем сердце, полились на бумагу.

«Здравствуй, Таня. Конечно, я не забыл тебя. В моих воспоминаниях ты останешься навсегда. Спасибо за сострадание. Мы делаем все, чтобы небо над нашими головами стало мирным как можно скорее. Надеюсь, что получу от тебя еще письма. Расскажи, как ты поживаешь. Оставила ли ты свою длинную косу? Все еще такая же бойкая девчонка, какой я тебя помню?

Андрей».

Письмо от Тани не было последним. Теперь, когда приносили почту, я с замиранием сердца, словно ребенок, бежал и протягивал руки в ожидании своего треугольничка. Моя жизнь заметно преобразилась. Я перестал думать о смерти, перестал скучать. Все мои мысли занимала она. Таня стала для меня стимулом жить. Жить! Чтобы прочитать ее письмо и ответить. Косы у нее теперь действительно не было, она мешала работать на заводе. Характер, хоть Таня и не признавала, изменился. Писала она скромно, с уважением и почтением. Я представлял, как она с такой же радостью открывает мое письмо, зная, что она в этом мире не одна, что где-то в поле, в окопе, сижу я, и тоже думаю о ней. У меня из головы не выходила мысль о том, как она подросла, и я дал себе обещание: увидеть ее, во что бы то ни стало. Сделать так, чтобы война закончилась, и Танюша снова смогла отрастить длинные волосы. Чтобы она не терзала себя непосильным трудом на холодном заводе, а работала учителем, как она когда-то мечтала. Чтобы она улыбалась всегда, а не только когда получала мои письма.

«Я хочу, Таня, чтобы, когда война закончилась, мы встретились. Хочу крепко обнять тебя, поднять и закружить. Хочу гулять с тобой по набережной. Хочу купить тебе мороженое».

Да, может мои мечты и не реальны, но они помогали мне. Я начал что-то чувствовать. Что-то теплое, трепетное. Я больше не был гранитной статуей. Теперь у меня была Она. Каждое ее письмо, как глава из книги о героически сильной девушке. Я поражался, Таня никогда не жаловалась, верила в светлое будущее, в нашу с ней встречу. У нее всегда все было «хорошо», «терпимо», но никогда не «плохо». А я прекрасно знал, какие ужасы творятся в блокадном Ленинграде. Какие только истории не были на слуху, но Таня молчала об этом.

«Представляешь, Андрей, а ведь в Ленинграде до сих пор работает зоопарк! А на улицах уже нет ни собак, ни кошек. Летом совсем не было травы.

Когда на улице так холодно, голод ощущается острее. В печки бросают все, что находят, и то не помогает. Руки сильно обмерзают, пока по утрам на работу бежишь. Мне хлеба хватает, а вот у соседей, например, дочурка маленькая, совсем плоха, бедняжка, еле ходит. На днях соседка прибежала, вся в слезах, спросила, нет ли чего поесть, хотя бы крошки, девочка уже не встает... Я отдала ей весь хлеб, что был. Зато теперь малышка поправляется! Я не знаю, что будет завтра, но верю, что скоро, нашими общими усилиями мы добьемся победы. И снова все вокруг будут румяными и счастливыми. Молись Богу, Андрей. Наша вера - единственное, на что мы можем надеяться», - написала она. И завернула мне в треугольник маленькую иконку, которая поселилась в моем кармане, и теперь повсюду меня сопровождала.

Я читал это и не мог поверить! Бывшая пионерка, комсомолка отправила мне иконку, просит молиться... Крепко я задумался, но иконку спрятал в карман, ближе к сердцу. День выдался морозным и светлым, кому-то удалось развести костер. Впервые за долгое время вокруг была тишина. Действительно тишина. Лишь ветер пересвистывался меж голых березок. А Мишка Сильвестров, сидящий рядом и туго наматывающий портянки, тихо пел мимо нот:

«Верю в тебя, в дорогую подругу мою,

Эта вера от пули меня тёмной ночью хранила...»

С того момента прошло уже много, очень много лет. Многие воспоминания стерлись из моего сознания, остались пылью времени. Но те события я не забуду никогда.

Они заставили пройти через страшные испытания, оставив на сердце огромный отпечаток. Но благодаря им я нашел свою любовь.

В феврале сорок четвертого я получил письмо, где Таня написала, что блокада была снята в январе, и радости моей не было предела. Я не верил ей, не верил, что она не голодала, не верил, что все у нее было хорошо. Я знал, что скорее всего она сильно похудела, и некогда детские, пухлые щеки ее впали. Чувствовал, что домой она приходит полуживая, а наутро встает, и, собирая волю в кулак, спешит на завод. Ее стойкость передавалась и мне. Я гнал прочь мрачные мысли, во мне проснулось небывалое стремление сражаться, я мечтал о победе. Каждый день - новый шаг, и мы все ближе к цели.

В марте сорок пятого случился последний, самый тяжелый бой. Это было очень неожиданное наступление, нас почти загнали в тупик. Вокруг падали снаряды, взрывались бомбы, слышались крики. Вдруг мою ногу обожгла боль, я упал. Осколок. Попытки встать оказались напрасными, рана была серьезной. Я чувствовал, как холодная, мокрая земля холодит спину. Шум вокруг приглушился, в ушах зашумело. Промелькнуло: «Неужели это конец?» А где-то там, в Ленинграде, моего письма ждет она. Будет ждать месяц, два, три, может и год. А я не напишу. Не вернусь. Не подхватю ее на руки, не закружу ее на набережной под звонкий смех... Рука сама нащупала пуговицу на кармане и извлекла деревянную иконку. Я крепко сжал ее в руке. Нет, я не умру. Пока Таня жива, буду жив и я, будет жить моя любовь к ней. Я был уверен, что это любовь. Таня стала для меня лучиком солнца среди грозowych туч. Я прижал иконку к груди, и перед глазами все померкло...

Очнулся я уже в госпитале. Я знал, что останусь жив. Что, несмотря на серьезное ранение, заново научусь ходить. Нужно было написать Тане письмо. Рассказал о ранении, о том, что я в госпитале, попросил за меня не волноваться. На реабилитацию ушло много времени, но, тем не менее, я уже мог вставать на поврежденную ногу.

Тот майский день я запомнил отлично. Светящаяся от счастья медсестра вошла в нашу палату, держа в руках ветви яблони. По ее щекам катились слезы, она утирала их и смеялась.

-Что случилось?

-Победа! Наши победили! Кончилась война!

После выписки из госпиталя я поехал в Ленинград. Выходя из поезда, я испугался, что в такой толпе могу ее и не найти. Вокзал был заполнен людьми, их слезами, любовью и прикосновениями. Но я сразу почувствовал ее взгляд и, обернувшись, увидел такие

знакомые, выразительные глаза. Хрупкий, тонкий силуэт коротко постриженной девушки стал для меня словно маяком, и я вновь побежал на свет, неуклюже, забывая о боли в ноге. Она побежала навстречу...

И вот, сейчас, она сидит рядом со мной и вяжет носочки правнукам. Мы живем душа в душу и ценим каждый день, проведенный вместе. События тех лет мы стараемся не вспоминать. Просто знаем, что наши письма однажды подарили надежду и смысл жизни отчаявшемуся солдату и одинокой девушке.

Дмитриева Алиса

Weil... Точка – не конец: за секунду до счастья

Точка. Всё просто. Конец предложения. На исходе день. Точка – звездочка серебряной шляпкой держит темно - синюю шаль неба. Дотянуться бы рукой... На запотевшем окне след от пальцев. Рисунок сердца. Точка и новая мысль.

- Катя, не отвлекайся! – это Катина учительница по немецкому языку, положив руку девочке на плечо, строго сказала:

- Будь внимательней, - когда Анна Георгиевна волнуется или нервничает, ее голубые глаза становятся цвета черники... Две точки...

- Я все понимаю, ты устала, но надо собраться Катя. У тебя олимпиада скоро, сосредоточься! Ты делаешь ошибки в письме. Вот смотри, тут ошибка и тут... После «weil» глагол ставим в конец предложения. А почему он у тебя сразу после «weil»?!

- Сейчас все исправлю, просто задумалась.

- О чем?

- Анна Георгиевна, у меня есть шансы победить?

- Шансы есть у всех, будь внимательнее, и все получится! А вообще, Катя – не в этом счастье. Не в баллах, не в победах.

- Нет, я хочу победить... это мое счастье!

- Катя, ты маленькая девочка, вот поживешь с моё, поймешь... Не в этом счастье... В твои годы я мечтала о другом...

- Вы не хотели побед в Олимпиадах?

- Weil..., - Анна Георгиевна задумчиво произнесла это слово и каким-то особым взглядом коснулась стекла на окне...а там, сердце, за ним – точка. А точка – это звездочка на фиолетовом небе...

- Когда я была маленькой, мне очень хотелось собачку. Я жила с бабушкой и очень просила её подарить мне щеночка. А бабушка ворчала, «самим есть нечего, еще пса кормить...». У бабушки была маленькая пенсия, и я...Я была у нее одна. Помню, мы часто садились вечером у окна, обнявшись, смотрели в звездное небо и мечтали...я думала о многом, хотела, чтобы наша жизнь стала богаче...Вот, дурочка, думала, что, если бы у бабушки пенсия была больше, у меня бы была собачка...Еще я всегда в конце года писала письма Деду Морозу, верила, что он их прочитает и принесет долгожданный подарок. Но он приносил шоколадки, мандаринки...и всё! Однажды я подумала, а что, если Деду Морозу не писать письма, а встретить его и попросить лично пёсика, а для бабушки большой пенсии, чтобы нам на все наши мечты хватило с ней...Нужно только не пропустить эту встречу. И вот 31 декабря 1978 год...Мороз был градусов сорок...Я ждала весь день у окна. Ждала весь вечер. Ждала ночь... Ждала и уснула... Не могу себе этого простить, не потому, что не встретила Деда Мороза, а потому, что бабушке в эту ночь стало плохо, а я проспала...Проснулась от дневного света и от того, что в квартире кто-то ходил, тихо разговаривал...Белые халаты. Соседи вызвали скорую...Потом я долго жила у бабушкиной сестры. Мы ходили с ней вместе в больницу. А потом...бабушки не стало. Мне было десять лет... Я осталась одна. Такое детское восприятие мира: все взрослые плохие, потому что...потому что...«weil»...Без объяснений...

Бабушкину сестру звали Клавдией. Она была хорошей, доброй, у нее не было детей, а её муж – дедушка Паша, он из русских немцев. Пауль Эдмундович хорошо говорил на немецком. Он меня и стал учить языку. Читал сказки братьев Grimm в оригинале...Я влюбилась в его звучание. Да, сначала в звук, а потом уже в сам язык...Такое восприятие...После седьмого класса, меня перевели в школу с углубленным изучением языка. Училась я легко, конечно же, во всех конкурсах и Олимпиадах тоже участвовала, но не ради высоких баллов. Я делала это в свое удовольствие. Говорить на немецком, выполнять задания – это как глоток воды в пустыне...я забывала про свои детские боли, переживания, страхи в такие моменты...Результат был не важен. Как правило, получала призовые места. Конечно, я часто вспоминала бабушку и иногда вечерами, когда небо было чистое-чистое и на нем появлялись звездочки, я садилась к окну и разговаривала с бабушкой, а еще с Дедом Морозом. Просила щенка... weil...

Задумалась...

- После «weil» глагол ставим в конец предложения. А почему он у тебя сразу после «weil»?!,
- Анна Георгиевна пробежалась глазами по Катиному письму, ее глаза стали цвета черники,
- «шансы всегда есть, но не в этом счастье»...

Позанимавшись с Анной Георгиевной, Катя побежала на остановку, но маршруток не было, пришлось переходить дорогу, чтобы успеть на трамвай, следом за ней вошла худая и уставшая собака.

- Билеты оплачиваем, - кондуктор подошла к Кате, - и собаку свою держи хорошо, не дай Бог, пассажиров мне покусает!

- Какая собака...

Собака смотрела на Катю. Катя на собаку. Так и проехали несколько остановок, глядя друг другу в глаза. Катя вышла, собака – тоже, Катя перешла на другую сторону улицы, собака – тоже, Катя ускорила шаг – собака тоже.

- Оставайся здесь, я скоро вернусь, тебя покормлю, к нам домой нельзя, - сказала Катя собаке, оставив ее в подъезде, у входа в подвал. Там она никому не мешает, - решила Катя.

Дома пахло едой. Мама сидела на кухне пила кофе.

- Как день прошел? – спросила, не выдавая своего волнения, Катя.

- Нормально, пустоголовые студенты и странные коллеги...

- А, ну, как обычно.

- А у тебя? - спросила мама.

- Ой, мам, я так проголодалась, можно я себе побольше наложу..., Катя ушла от ответа. Ей очень срочно нужно было накормить Герду. Герда – имя, которое Катя только что выбрала, перебирая в голове, как бы назвать собаку. Она еще не придумала, как сказать про собаку родителям. Куда же девать собаку, раз уж увязалась? Мама ушла из кухни, не допив кофе...

Катя положила три котлетки на тарелку. Подумала, что этого мало, отломала от батона половину, положила к котлеткам и пошла к двери...кормить Герду.

- Ты куда? – удивленно и растерянно прозвучал за спиной мамин голос.

- Собаку кормить, - от неожиданности вздрогнула Катя.

- Какую? – голос мамы стал тревожно-нервным.

- Герду..., - прошептала Катя. Потом собралась с силами и громко, четко произнесла: «Мама, там собака умирает, пожалуйста, помоги...»

Уже ночью Герду отвезли в деревню к Катиному дедушке. Ей оборудовали там конуру, утеплили. Сварили суп из говяжьей косточки. Косточку положили в чашку. Первый ужин на новом месте был сытным, сон сладким и крепким. И Катя в эту ночь крепко спала. Счастье оно тихое. На утро родители разместили везде объявления, вдруг ее кто-то потерял...Но Герду никто не искал. Прошла неделя, и месяц пролетел. Герда оказалась красивой молодой лайкой. Все мысли Кати теперь были заняты ей.

- Как там, Герда, - думала Катя, сидя на занятии.

- Будь внимательнее, - сердилась Анна Георгиевна, - что у тебя на носу?

- Что?

- Олимпиада! И ты хочешь, что...

- Что?

- Ну еще месяц назад ты говорила, что хочешь победить...Или уже не актуально? – удивилась Анна Георгиевна.

- У меня теперь есть Герда...целая большая собака...Это важно, а олимпиада – это испытание в удовольствие, как глоток воды на жаре...Вы же сами это говорили недавно.

- Да. Так. Вот и расскажи это на немецком...Давай, сосредоточься...

Катя знала, какие она ошибки допустила, прокручивала все задания в голове. «Может, не так страшно для баллов..., можно ведь и так написать, и вот так...», - думала Катя, ожидая в огромном холле вуза, где проводили Олимпиаду, свои результаты. Скоро появятся списки, их будут показывать на большом экране. Нужно будет найти свою фамилию и баллы. Апелляцию подавать тоже надо будет сразу, поэтому вся группа здесь. Катя ждала. Нервничали все. Все, кроме Кати. Она была удивительно спокойной. Три дня они в составе большой команды от школы выполняли индивидуальные задания на Олимпиаде по немецкому языку. Это был Региональный этап. На этом этапе возможен только один победитель. И дальше - пропуск на заключительный Всероссийский этап. Катя была внимательна, сосредоточена и счастлива. Мысли ее сейчас мчались в деревню, где её ждала похорошевшая Герда. А волноваться? Волновалась за Катю Анна Георгиевна. Учительница часто ее ругала, сравнивала с другими учениками: «Вот смотри, у Матвея 80

баллов за муниципальный этап! У него вот за письмо больше баллов и за лексику-грамматику!». Катя защищалась: «Зато я написала лучше страноведение! А письмо по баллу у меня выросло со школьного этапа». Но Анна Георгиевна не унималась: «Ты, конечно, молодец, но, чтобы отлично написать Олимпиаду, а потом сдать ЕГЭ, тренируемся, вот тебе четыре темы по письму!».

- Ой, - Катя повела плечами от неожиданности. Пришло уведомление на телефон. Дедушка прислал фото: вернулись с Гердой из леса. Счастливые, все в снегу. Катя начала увеличивать экран, чтобы рассмотреть Герду. Тут на нее как будто снежная лавина посыпались поздравления её начали все обнимать...

- Что случилось?

- 120 из 120...Катя подумала, что у нее двоится в глазах – от волнения все возможно...но нет...Это ее результат. Да! Единственный победитель. Она! Катя - победитель... Точка – еще не конец...Еще работать и работать, но это уже много, потому что... weil...

А потом был еще один этап, и была еще одна победа! И это тоже не точка. Weil...

Анна Георгиевна стояла у окна, смотрела на чисто голубое небо. Сегодня занятий с детьми не было. Выходной. Лучшие ученики уехали. Среди самых любимых и способных – Катя. Только она этого не знала. Кате всегда казалось, что Анна Георгиевна очень строгая и требовательная к ней. Так надо. Учитель знает, как надо.

Анна Георгиевна много лет проработала в педагогическом вузе на факультете иностранных языков, преподавала немецкий. Потом вышла на пенсию, стала заниматься репетиторством. Учеников у нее было много. Всегда. Все хорошо заканчивали школу, результаты показывали хорошие...Выпускались и уходили дальше в самостоятельное плавание. А у Анны Георгиевны появлялись новые дети, и она снова доводила их до выпуска. Точка, после точки запятая. Ведь точка - не конец. Это начало.

В каждого она вкладывала себя без остатка. Конечно, очень уставала, просто до отчаяния переживала за каждый промах своих учеников и бесконечно радовалась их маленьким победам. Ждала, встречала, спрашивала, журила за ошибки. Её любили ученики. Катя могла в любое время набрать ее номер, попросить совета.

В такие моменты невозможно спать. Счастье оно рвется в небо. И Анна Георгиевна просидела у окна, вспоминая разные моменты своей жизни. Было все. Потери, расставания, любовь. Её единственная дочь давно выросла, живет теперь на Дальнем Востоке. Она стала ученым – вулканологом. Видятся они очень редко. Анна Георгиевна не одинока. Нет. У нее

– ее дети, любимые ученики. Но иногда, так хочется стать маленькой Аннушкой, чтобы рядом была бабушка и маленькая собачка, и смотреть в окно на звезды... и загадывать желания. Сегодня почему-то особенно тоскливо. Кончиками пальцев на запотевшем окне начертили сердце. Сердце и две точки. На небе уже стали появляться первые звездочки. Скоро наступит полночь. И новый год. Осталась одна минута...пару секунд...до...счастья!

- Ой, - от неожиданности она вздрогнула, звонил домофон!

- Анна Георгиевна, с наступающим Вас. Мы Вас очень любим! Встречайте нас! Мы с Матвеем на минуточку, хотим успеть поздравить до...

У двери послышалась возня, хихиканье, потом все смолкло. Анна Георгиевна открыла дверь квартиры и замерла...

В прихожую тихо вошел маленький серый пушистый комочек, медленно переступая с лапки на лапку, пискнул, огляделся и сел на задние лапы, задрал мордочку. Точки – две чернички – вместо глаз...Сердце...

Потом ввалились счастливые шумные и розовощекие Катя с Матвеем. Обняли Анну Георгиевну.

- Это вам, это от моей Герды. Гарри Первый! Прошу любить и жаловать!

За секунду до...Били куранты.

Weil... - на руках Анны Георгиевны сопела маленькая лайка.

Кузнецова Дарья

Если бы не...

История о том, как вернуться к себе.

Если бы у человека не было фантазии, то весь мир из шкатулки с сокровищами превратился бы в пустую картонную коробку.

Татьяна Рэйн

- Очень талантливый - говорили о нём многие, - только ветреный он. Ещё с детства Вовка казался немного странным, непостоянным: слишком уж часто менялись его характер, привычки, иногда и друзья. С такой характеристикой он был даже почти согласен. Почти, ведь знал: единственное, что не изменялось в нём никогда - жажда творчества и его внутренний *perpetuum mobile*. Они жили и питались энергией друг от друга.

Фантазия любила изобразить движение и чувство смелыми мазками, а вечный двигатель помогал запечатлеть всё, что пожелает хозяин: стоит раз взглянуть на что - либо - тут же в голове возникает выверенный образ, преследующий всюду, пока не окажется на холсте.

- Там ещё пятно - лягушка было, да, да... Здесь, прямо здесь, - проговаривал Вовка, выводя кистью пестрые узоры на бумаге, - а у кувшинки лепесток вовнутрь заворачивался, вот так! «Красиво!» - с тихим восторгом шептал он, глядя на своё произведение. Объединяясь, плавная мечта с упрямой линией, даже на детских рисунках получали индивидуальность, характер, прямо как люди в танце.

С возрастом приходило ещё и осознание способностей, из-за которых называли его чуть ли не гением - «фотоаппарат» становился всё зорче, всё настойчивее требовал «проявить плёнку».

Он часто переезжал, иногда жил впроголодь, иногда в некотором достатке, в котором вообще может жить молодой художник - передвижник... и пытался не устанавливать тесных связей с людьми. Он их не только недолго любил, но даже не писал. Никогда. «Слишком!»

Неожиданно, как бы и незаметно для себя теперь уже Владимир очутился в Сибири, в сезон буйных и неуправляемых пожаров. Он не боялся ни пламени, жаром рубившего сосны и лакомившегося срубами изб деревни, где он остановился, ни едких туч, застывших небо. Скрежет внутреннего двигателя был страшнее.

- Нет, нет, что же я делаю! - отчаянно кричал он, крепче сжимая в обожженной руке кисть, - должно быть по - другому!

Долго пожар жёг его, не давал дышать, зато портрет получился правильным, будто застывшее отражение.

Счастливый случай позволил поехать к морю - поправить пошатнувшееся здоровье. Он был даже рад бросить старое место: больно тяжело было там оставаться.

Потертая, сбросившая свою рыжую кожу, сумка с «инструментами» недовольно лежала на сидении, её владелец смотрел в окно на поминутно набегающую и ускользающую кромку волн. С сожаленьем вздыхал он, терпя призывный звон в голове: «И здесь мне покоя не будет».

Дни тянулись неспеша: сначала художник брал холст и угрюмую сумку, потом выходил на берег и писал, рвал на себе волосы и уходил. Что-то было не так: может механизм в голове слишком «вопил», или погода не располагала к спокойствию. Особенно не нравилась ему одна женщина, которая почему - то была рядом с ним и казалась слишком знакомой, будто следовала за ним безмолвно, украдкой. Её несимметричное лицо с большими глазами, волнистые, качаемые ветром, волосы портили бескрайнюю неподвижность моря.

- Ты позабыл меня, талант свой оставил без водицы, - печально улыбаясь, сказала Она.

- Кто ты? - недружелюбно отозвался Владимир, желая поскорее закончить разговор.

- Нельзя так жить, правда? Запрятал меня далеко - далеко, за каменные стены, за железные засовы, а теперь себя ломаешь. Зачем?

Дрожь пробежала по его телу. Что такого она говорит, что так живо в самом нутре отзывается?

- А ребёнком таким славным был: любил меня и творил радостно и легко, а главное, счастливым был, - продолжала Она, - может, ты болен?

- Возможно и так. Это даже хорошо: пострадаю, тогда, картина и получится.

- Точно, болен! - всплеснула руками Она - как хорошо, что лекарство есть!

- Какое ещё лекарство? - с нетерпением бросил он.

- Приходи сюда вечером с холстом и красками - и узнаешь! Я буду ждать тебя здесь.

Сложно было дожидаться вечера. «Смеётся ведь, тешится только - негодовал Владимир, - кто же она? Русалка какая или бес... как знать всё может?» Лишь небо над его головой стало темнеть, а на горизонте наливаясь светом, он побежал на берег.

Она и правда была там, будто никуда и не уходила.

- Пришёл? - приветливо спросила Она, словно удивилась его приходу. - Хорошо, знаю я, чем тебе помочь: напиши меня, только искреннее, забудь, хоть на немного, про свои шестеренки в вечном двигателе!

- Написать? Тебя? Не поможет мне это! Сама видела, как я мучаюсь, а теперь говоришь «забыть про шестеренки»!

- Они не могут работать одни... Напиши, и всё поймёшь - успокаивающе просила Она.

Он начал с пятен, постепенно переходя к деталям. Ему совершенно не нравилось, что вырисовывалось: колышущиеся волосы, сверкающие глаза, приоткрытые губы...

Тем временем картина прямо на глазах всё больше оживала: волосы уже казались струящимися волнами, в глазах светилась чистота, красками счастливой улыбки заиграло лицо...

- Вспомнил! Фантазия! Вспомнил Тебя! - воскликнул Владимир, взволнованно глядя туда, где только что стояла она.

Перед ним было лишь море. Уже смерклось.

- Спасибо, я вылечусь, теперь уж точно - тихо произнёс он.

- Я рада, - прошептала Фантазия с холста.

Момот Михаил

Мысли.

Морозный зимний вечер. Маленькая рыжая собака по кличке Жучка, устроившись на диване, наслаждается всеобщей радостью и весельем. Гости и хозяева говорят тосты, угощаются и выпивают – в общем, делают все, что подобает делать накануне Нового года. Для собачки сегодняшний день был особенным. Всего раз в жизни она была на этом празднике, и сейчас, точно так же, как и впервые, ему радовалась, частично заимствуя этот настрой у своих хозяев.

Лежа на диване, она ушла в свои мысли. Зачастую они у Жучки были примитивные: такие свойственны каждому домашнему питомцу. Она думала о том, когда пойдет спать, что будет делать, когда уйдут гости, когда корм насыплют. Но Жучка не была обычной собакой. Она могла размышлять и о гораздо более сложных вещах. Иногда, в порыве размышлений, Жучке в голову приходили мысли, от которых ей становилось не по себе. Они, как тоненький, ручеек, постепенно набирая силу, пробирались в ее память, вымывали оттуда прошлые мысли и убеждения, заставляя задумываться иногда о совершенно странных вещах. Зачем ее забрали из приюта? Чем она заслужила любовь своих хозяев? Такие вопросы она вскоре старалась забыть, чтобы жить дальше спокойной собачьей жизнью.

Выбросив и теперь все лишнее из головы, собачка лежала и мечтала о новой еде, новых игрушках, веселых прогулках, ожидавших ее в новом году. В процессе блуждания по своим мечтам, Жучке пришла в голову мысль неожиданно приятная. Она представила, как сегодня пойдет спать у себя в квартире, а проснется в большом красивом доме, в котором ничего нет. Привыкшая к предметам и их наполнению, она даже немного растерялась. В квартире хозяев на стенах есть обои, в мисках еда, на полу ковер. А в том дом ничего. Представляя всю картину у себя в голове, она разглядывала новый субъект изнутри, снаружи, обнюхивала его, с удивлением осматривала замысловатую, но отсутствующую архитектуру. Ей конечно было не по себе от того, что хозяева там тоже отсутствуют, однако к ней в голову закралось ощущение, что когда-то давно она там была, была и по ошибке не

захотела оставаться, а потому, между квартирой и этим загадочным домом, наверное, непременно выбрала бы этот дом. От перенапряжения голова собачонки пошла кругом, и она решила передохнуть и поесть.

Попытавшись слезть с дивана, Жучка встретила напор рядом сидящих детей, тут же принявшихся за ласки. Это заставило ее остаться и вернуло прежний праздничный настрой. Жучка с прикрытыми глазами лизалась, играючи, легонько толкала лапками ребятню, а те отвечали ей поглаживаниями и тормошением красивой рыжей гривы. Дети были гостями в этом доме, что, впрочем, ничего не меняло. Собаке казалось приятным доставлять удовольствие другим людям, и она с радостью позволяла себя гладить.

Неожиданно для себя, Жучка вспомнила приют. Ей противно стало от воспоминания о том, как долго и однообразно шли ее дни, отягощенные ожиданием свободы. Там не было места для ласк с людьми... А когда ее забрали... Не было счастливее того дня! Все, что она видела было в новинку. Из своего детства, она знала, как выглядел мир снаружи. И вот тут он вновь предстал перед ней, представал каждый день на прогулке. Счастливым же псом она тогда была. Игры, еда, отдых и сон – все это было бесконечно приятно и это ждало ее в новом доме. Однако по привычке сравнивая все с приютом, Жучка только теперь заметила, что и сейчас он как будто не далеко ушел от нее. Удивительно похожими на ожидание стали домашние дни. Только если там, в приюте, ожидание было подкреплено надеждой на новый, лучший мир, то тут она сама даже толком не понимала, чего ожидала. С таким осознанием квартира могла стать даже хуже приюта.

Ее маленькая жизнь, подумала она, это вечный цикл, состоящий из радости и тоски, подкрепленный ожиданием изменений, которые, в сущности, ничего не значили. Тяжелая жизнь на улице, затем скучная жизнь в приюте, а теперь квартира. Со всеми этими улучшениями в ее жизни, казалось, будто она никуда не двигалась, а лишь качалась на морских волнах, двигаясь вверх и вниз. Ее вечное желание, требовало чего-то большего, чем простого движения по волнам. Маленький ручеек мысли превратился в бурную реку, которая сметала собой память, мысли, гостей, детей, хозяев и квартиру.

За окнами гремели фейерверки. Все, кто сидел за праздничным столом, разом пошли к открытому окну, чтобы получше разглядеть, что творится на улице. «Ура!» - кричали дети. «С новым годом!» - ликовали взрослые. Жучка выпрыгнула в открытое окно и вновь очнулась в пустом доме.

У страха глаза велики.

Вечер пятницы. Падает снег, покрывая землю своим мягким одеялом. Снежинки переливаются под желтыми лучами фонарей. Мороз, кажется, добрался до каждого, кто сейчас находился на улице, включая юную девушку, вышедшую на крыльцо школы. Она двинулась к дому. Под ногами хрустела снежная подстилка, люди вокруг смеялись и говорили о чем-то своём, но, казалось, девушка ничего не замечала. Она шла, глубоко погружившись в свои мысли, которые уже целый день не давали ей покоя.

"Как же так? Я не хочу покидать их всех, - носилось у нее в голове, - мы столько пережили все вместе, а теперь я должна уехать?! Почему мама не могла сказать мне этого раньше?" Она швырнула и без того уже красным носом, силясь не заплакать у всех на глазах. За все это время она и не заметила, как подошла к своему подъезду. Вытерев рукавом куртки небольшие капли, она достала ключи и вошла. Запах сырости этого дома никогда ещё не казался ей таким приятным. У нее в голове не укладывалось, что все это: раскрашенный ею почтовый ящик, надписи на стенах, которые когда-то оставила ее компания - все это придется оставить...

Она вошла в квартиру. Коридор уже был обставлен коробками. Из гостиной доносились тихие мамини причитания. Видимо, с кухней она уже закончила. Девочка стянула с себя занесённые снегом куртку и сапоги и тихо прошла на кухню. "Сколько же коробок понадобится нам для этого переезда?" - доносились до нее мамини слова. Переезд. Как можно меньше она старалась думать о нем, но, очевидно, это было невозможно. Мама вошла на кухню и, обняв дочь, произнесла: "Хорошо, что ты пришла. Иди собирай вещи, мы совершенно не успеваем, а новая работа, как ты понимаешь, ждать не будет. Я так хотела, чтобы меня приняли на эту должность. Вот увидишь, все будет классно!" Мама ободряюще улыбнулась, ожидая ответа. "Вик, ну ты чего?.."

Вика была совершенно не рада этой новости. Все ее эмоции, копившиеся целый день, вырвались наружу: "Это все, что ты хочешь мне сказать? Ты думаешь это так просто бросить своих друзей, родных, знакомых и переехать в абсолютно незнакомый город в тысячах километров отсюда?! Нет, мам, это очень сложно. А, стоп, конечно, я же маленький ребенок, у которого нет собственного мнения. Ты меня совершенно не понимаешь. Ты ведь даже не извинилась, что сказала мне это так поздно. А теперь ты хочешь скрасить все это одной улыбкой? Нет уж, спасибо!" Мама не успела сказать ни слова, в то время как Вика ушла в свою комнату, заперев дверь.

Ее комната ещё оставалась нетронутой. Она без сил свалилась на кровать прямо в одежде и бездумно глядела в потолок. Пришедшая ей идея написать друзьям и пообщаться

с ними не увенчалась успехом, ведь никто не положил денег на счёт интернета. Вика села на край кровати и стала искать себе занятие, пробегая глазами по всем предметам в комнате.

Внезапно ее взгляд наткнулся на неизвестную коробку, подобную тем, в коридоре. Она подошла к ней и заметила записку от мамы. Хмыкнув, она развернула листок и прочла: "Посмотри, может тебе будет интересно что-то из этого". Хоть девочка и не хотела этого признавать, но ей захотелось узнать, что в коробке. Она раскрыла ее и увидела много старых игрушек. Самым потрёпанным оказался плюшевый зайчик. Его розовая шубка местами была порвана, где-то виднелись бережно пришитые заплатки. Рассмотрев его, Вика заинтересовалась другой вещицей - коробочкой с чем-то внутри. Раскрыв ее, она увидела крошечные фигурки бегемотиков. Все они были как живые, в разных образах: моряк, танцор... Кого здесь только не было! Мама рассказывала, что в детстве пыталась собрать всю коллекцию.

Налюбовавшись ими, девочка добралась до самого дна коробки. Она нащупала какую-то книгу. Это оказался очень старый блокнот, со всех сторон облепленный наклейками. Открыв первый разворот, она нашла много рисунков и записок, вероятно, принадлежавших автору блокнота. Сразу было понятно, автором являлась ее мама, ведь вся эта коробка была наполнена ее детскими вещами. Наверное, она не заметила и со всеми этими старыми игрушками закинула туда и свой личный дневник. Немного подумав, но в конечном итоге отогнав свою совесть, Вика открыла его и начала читать.

1994 июнь.

Ура! У меня сегодня был настоящий праздник - день Рождения. Сегодня у нас дома собралась вся семья. Мама купила очень вкусный торт, он был шоколадный, с кремом. Но самое главное случилось потом - папа дал мне этот блокнотик! Я ведь так давно его хотела. У Кати и Машки, и вообще у всех в мире есть дневник, вот и у меня он появился. Я уже так люблю тебя, блокнотик!

Спустия пять часов.

Сегодня мне не спится. Мама сказала, что из-за праздника я буду спать "как убитая" - не знаю, что это значит - но все не выходит. За окном шумит ветер. По моей комнате летают страшные тени. Папа сказал, что все это выдумки, но я ему не верю. В окно что-то скребётся, а в темноте я вижу странные фигуры. Я укрылась одеялом, свечу фонариком и пишу это. Пока я пишу, все страхи отходят куда-то далеко-далеко. Что же сидит в этой темноте? Может прямо сейчас под моей кроватью сидит черный-черный монстр? А вдруг он вытащит меня из-под одеяла и съест, прямо как я сегодня кушала торт, а потом облизнется и будет ждать моих родителей?

Когда я была у бабушки в деревне, она рассказала мне секрет: надо 5 раз написать свое желание, зажмуриться, и оно точно-точно сбудется.

Хочу, чтобы монстра не было

Хочу, чтобы монстра не было

Хочу, чтобы монстра не было

Хочу, чтобы монстра не было

Хочу, чтобы монстра не было

Надеюсь, все получится...

Спокойной ночи, дневничок.

1997 май.

Привет дневник! Как же я рада! Ты точно хочешь узнать почему. Это все из-за того, что совсем скоро наступит лето, а это значит конец школе! Ха-ха-ха-ха, написала так, будто уйду отсюда навсегда. Нет, это не так. Но учителя рассказали нам, что в пятом классе все будет совсем по-другому. Мы будем как настоящие взрослые дяди и тети, представляешь?

Нас даже пустят в старшую школу. Туда мы обычно не ходим, там всегда все какие-то грустные. Наверное, получили двойку по математике - вот и расстраиваются. Я точно буду не такая. Мы с Машей будем самыми крутыми. С Катей мы больше не дружим. Она я беда!

Я начала больше общаться с Лёшей, оказалось, он знает много всего интересного. Он и правда умный, я думаю, в конце школа наградит его золотой медалью. Я тоже учусь неплохо, но совсем не понимаю математику. Эх, а что же будет дальше, дневничок? Что будет тогда, когда я перейду, например, в 8 класс - это же так далеко...

Знаешь что? Я уверена, у меня все получится, и я буду загорать на солнышке и купаться в бассейнах. Мама сказала: "Никто не знает, что случится завтра". Но я уже продумала свой план по захвату всего мира. Ха-ха-ха, шутка!

2000 октябрь

Привет, дневник. Как же мне нужна твоя помощь! Мне так сложно сейчас, но я не могу рассказать это никому, кроме тебя. Я не прекращаю думать о нем, о Боже... Как только начинаю представлять эти кудрявые волосы или его голос - тут же заливаюсь краской.

А сегодня, мы даже мило поболтали о том, о сем, но потом... Эх! Я наверняка стояла и бубнила себе что-то под нос. Он больше никогда со мной не заговорит!

Спусти 4 часа.

Да уж, сегодня был непростой день. Я даже толком ничего и не написала... Эмоции просто рвались наружу, и я думала, что лучше - пойти покричать в лес или написать все в дневник (В итоге сделала и то, и другое).

Конечно, я писала о Лёше... Я сегодня так провинилась перед ним. В школе давали кефир, и я даже не успела понять, как все случилось! Вот я хочу отнести посуду, встаю, меня толкают, я теряю равновесие и... и....

Провал! Полный провал! И что же теперь он будет думать обо мне? Конечно, я извинилась, но все произошло в такой спешке... Я мучаюсь, пытаюсь догадаться, продумать наш завтрашний диалог. Ах, если бы я только могла читать мысли людей, то мир бы стал в тысячу раз проще. Я бы сразу поняла взаимны ли мои чувства. Но, к сожалению, это невозможно. Весь театр человеческих мыслей скрывается за ширмой, темной и непроницаемой. Если бы я только могла её немного приоткрыть, то поняла бы, как с ним лучше поговорить, но это останется загадкой, пока я не начну экспериментировать.

Эта неизвестность так меня пугает...

2004 июнь.

Ну что, как обычно, здравствуй, дорогой дневник.

Этот блокнот так долго служил мне. Столько приятных, личных, странных, весёлых историй описано в нем. Я перечитала все свои записи, начиная от первой строчки, и эти чувства просто невозможно передать словами. Кажется, я только недавно писала о своем восьмом дне Рождения, но вот мне уже исполнилось восемнадцать. Через неделю мы будем праздновать окончание школы. Читатель, ты прошел огромный путь, изучая эти записи. Надеюсь, ты разделял со мной те же чувства, что испытывала и я... Не зря мама когда-то сказала мне: "Никто не знает, что случится завтра" - я убедилась в этом на собственном опыте, и вот, стою возле двери в огромный, бесконечно наполненный маленькими и большими чудесами мир. Я не могу предположить, что произойдет со мной дальше, но каждое мое действие, каким бы оно ни было, принесет мне испытания, а с ними придет и опыт, который ещё никогда и никому не вредил. Хочется дать совет и себе, и тебе - прощу, живи настоящим и ничего не бойся! Неизвестность не ломает, а закаляет.

Вика закрыла блокнот и погрузилась в свои мысли. Одна из последних фраз сильнее всего крутилась в ее голове, не давала ни на секунду отвлечься от нее. "Живи настоящим и ничего не бойся". Раньше она считала это словами глупых оптимистов, не снимающих розовые очки, но теперь, увидев истории близкого для себя человека, начала осознавать обратное.

"Ох, что же я натворила...", - пролепетала она, вспомнив о словах, сказанных маме в пылу ссоры. Она немедленно встала с кровати и, открыв дверь, скользнула к гостиной. Мама Вики сидела на краю дивана и, спустив рукава, складывала оставшиеся вещи. Увидев дочь со своим старым дневником в руках, она удивилась. "Мам, прости меня, пожалуйста.... За то, что накричала ... Я все это время думала, что ты совсем меня не понимаешь, ведь ты

давно уже не ребенок. И, когда сегодня утром ты сообщила мне о переезде, до меня сразу дошло - я потеряю всех тех, с кем могла поговорить по душам. Я действительно испугалась... Но, когда я прочла твой дневник, я поняла, что, возможно, могу попросить помощи у тебя?" - произнесла на одном дыхании Вика.

"Доченька...,- сказала мама, и нежная, теплая улыбка появилась на ее лице, - конечно, ты можешь обратиться ко мне. Да, ты права, я очень много раз за всю свою жизнь чувствовала страх, и всегда он был совершенно разным. Ты никогда не сможешь предугадать, откуда придет беда или предотвратить ее, но одно ты сделать можешь всегда: быть готовой бороться со всеми невзгодами жизни. Я понимаю, что в твоих глазах это кажется страшным и невозможным: взять и переехать оттуда, где ты жил всю свою жизнь. Но все это получится, стоит только посмотреть на ситуацию под другим углом. Тем более, если рядом с тобой есть человек, готовый помочь тебе в любую минуту", - с этими словами мама Вики распахнула руки, как бы намекая на себя и приглашая дочь в объятия.

Девочка тут же прижалась к ней, мысленно прощая все мамины сегодняшние ошибки. Да, несомненно, она все ещё грустила о переезде, но страх прошел. Вика понимала, что главного человека в ее жизни не заберёт никто. Это грело ей душу сильнее всего.

НОМИНАЦИЯ «СКАЗКА/ФАНТАСТИКА»

Зарипова Милана

Ромашка мечты

Полина жила в городе. Каждое лето она приезжала к любимой бабушке в её маленькую деревню. Деревня стояла на берегу реки. За ней находился чудный лес. Девочку он завораживал, поэтому она ходила гулять туда каждый день.

Июль. Жарко. Полина пошла в давно знакомый ей лес. Там она прогуливалась по сырой траве и собирала красивые цветы. Случайно девочка увидела на холме ромашку и побежала к ней, как будто заколдованная. Но только Полина до неё дотронулась, как холм резко обвалился, и Полина упала вниз. От страха она даже потеряла сознание.

Очнувшись Полина на мягкой траве. Она оглянулась по сторонам. Леса не было! Полина удивилась: «Где это я ? А где же лес, где же та прекрасная ромашка?» Она пыталась вспомнить, как она тут очутилась и куда пропал лес? Но она ничего не помнила.

Вскоре девочка захотела пить и тихонько сказала : «Я очень сильно хочу пить». И вдруг рядом с Полиной появился кувшин с водой. Она даже не поняла, откуда появилась эта вода. Девочка набросилась на кувшин и выпила из него всю воду. В её голове промелькнула мысль: «Мороженого бы мне, ванильного». И тут как в волшебной сказке на траве появилась тарелочка с ванильным мороженым. Полина подумала: «Может быть я могу управлять этим миром?» Она тихонько сказала : «Пусть будет ночь!» В тот же момент солнце исчезло, и появилась луна. Девочка испугалась и громко закричала: «Вернись солнце, вернись день! Я боюсь темноты!» И в ту же секунду наступил яркий теплый день.

Полина поняла, что оказалась в волшебном мире, где могут исполняться её желания. Она решила украсить этот неизвестный городок. У Полины, по её велению, появилась карусель, радуга и даже две банки с клубничным вареньем. Она улыбалась и радовалась этому. Но тут что-то защемило в её душе, и Полина вспомнила про бабушку и её маленький уютный домик. По её щекам покатались горькие слезы. «Где моя бабушка? Она меня, наверное, потеряла и ищет» - тревожно проговорила Полина. Только девочка произнесла последнее слово, как весь мир её начал разрушаться, и Полина оказалась на большой поляне, а в руках у неё была большая красивая ромашка. Она скорее побежала домой, чтобы увидеть любимую бабушку. Девочка залетела в дом, а с кухни веяло очень ароматным пирогом с клубникой.

Полина больше на этом холме не срывала ромашки, она ими просто любовалась.

Омельченко Алиса

К чему может привести искусственный интеллект

2070 год. К этому году развитие технологий вышло на высочайший уровень. 50 лет назад люди и не могли представить, что мир достигнет таких технологических процессов. Проблем с экологией больше нет, а с каждым днём количество людей, придумавших что-то новое, возрастает. Пятого мая 2070 года учёный по имени Франкль изобрёл устройство, благодаря которому наша планета могла быть обитаемой, при этом на ней не жило бы ни одного живого организма. На тот момент данное изобретение не являлось необходимым. Несмотря на это, по всем тройдам (так называли более современные телевизоры, которые можно было переносить в карманных часах) показывали это изобретение, представляя на всеобщее обозрение его как <<спасение для внеземных рас, которые бы искали себе новую планету, при случае конца света>>. Этот прибор решили соединить с недавно изобретённым <<полем>>, которое полностью охватывало нашу планету, тем самым делая её неуязвимой к различным опасностям, исходящим из космоса, но людей это <<поле>> не спасало. Однако одна коварная женщина решила воспользоваться тем, что были такие изобретения...

Шестое мая 2070 года. Почти всё население земного шара ожидало запуска устройства, изобретённого учёным только вчера. По их тройдам шла прямая трансляция запуска устройства. Вот, спустя достаточно длительный промежуток времени, на сцену выходит сын учёного. Слегка робкий и стеснительный парень, имя которого никому, кроме его семьи, так и не посчастливилось услышать. Оставалось несколько секунд до запуска. Я тоже с нетерпением ждала этого момента. Сын учёного запустил двигатель. Всё в округе после этого стало отдавать приятно зелёным оттенком. Как вдруг меня словно погрузило в сон.

Проснувшись, я увидела, что нахожусь в клетке. Это было огромное здание с большим количеством таких же камер, как и у меня. Я не понимала, что происходит, а тем более, как оказалась в камере, да и вообще за что. Тут начал доноситься громкий голос мужчины, который что-то объявлял на всех возможных языках. Когда очередь дошла до русского языка, я прислушалась к речи этого мужчины:

- Все вы сейчас находитесь в тюрьмах, ведь людям не место в этом мире! Именно люди наносили вред нашей планете, засоряя её! Именно люди устраивали войны, от которых также страдала наша планета! Теперь же в качестве наказания вы должны будете сидеть тут, голодать и умирать от скуки!

После всех этих слов люди, чьи камеры были рядом с моей, стали возмущаться, а кто-то начал плакать. Пока все они выплескивали эмоции, я решила поподробнее разобраться в словах этого мужчины. На русском он говорил отлично, без акцента, как и на других языках. Голос был один и тот же, а один человек не мог владеть всеми языками мира. Да и потом, он заявлял, что люди являются врагами для нашей планеты. Глупо делать такие заявления, при этом являясь человеком. Получается, что это вовсе и не человек говорил, а робот. И потом, войны давно уже прекратились, а мусора нигде на планете не наблюдается. Возможно, роботы решили захватить планету, пока она является экологически чистой, и никакой конец света или же огромный космический объект планету не разрушит, благодаря новым изобретениям.

Все свои мысли об этом я произносила вслух. Хотя из-за шума паникующих людей меня плохо было слышно, но всё же один умудрился подслушать.

- Ого, неплохо мысли излагаешь, - донёсся голос из соседней камеры.

Голос показался до ужаса знакомым. Я решила слегка посмотреть в сторону, откуда донёсся голос. Там я увидела своего одноклассника. Вот уж где-где, а здесь я никак не ожидала его увидеть. Ему, похоже, повезло, ведь в камере он был не один, а со своим лучшим другом. Это были Артём и Саша. Здороваться с ними в такой ситуации было глупо, так что я сразу же предложила им подумать о побеге:

-Давайте сбежим отсюда! Тем более, нас трое, это значит, что шансы на успех утроены!

После моих слов, один из них показал пальцем на что-то. Он показал на дыру в их камере, ведущую в соседнюю. Теперь ясно, их не вместе посадили, просто один из них пролез к другому.

- Откуда эта дыра? - спросила я у них, так как не могла унять любопытства. Да и если у них есть приспособление, благодаря которому они эту дыру сделали, то сбежать будет проще простого.

- Залезь в вентиляцию, которая находится сзади тебя, переползи через неё к нам. У нас в камере, видать, забыли карту этого здания, по ней видно, что где - то в углу твоей камеры находится люк. Тебе нужно будет отодвинуть кровать, чтобы добраться до него. А там уже и мы проделаем дыру, через которую попадем в вентиляцию - по ней можно будет выбраться.

Следуя их инструкции, я отодвинула кровать, залезла в люк и начала двигаться в сторону их камеры. Удивительно, но дыра уже была проделана. Причем совершенно беззвучно. Все вещи у нас забрали, так что, каким образом они проделали дыру, для меня оставалось загадкой, ведь на вопрос о том, как им удалось проделать дыру, они всё никак не хотели отвечать.

Мы ползли по этой тесной вентиляции, в которой до ужаса душно, достаточно долгое время. Тут мы заметили, что у вентиляции есть два прохода: налево и направо. Тут Саша произнёс:

- Ой, я, кажись, карту в камере оставил...

Думаю, не стоит объяснять, что мне хотелось его прихлопнуть за такую забывчивость. К счастью, Артёму удалось запомнить дальнейший маршрут. Вот, наконец, нам удалось выбраться из вентиляции.

- Наконец-то, свобода! - радостно закричали мы. Рано мы обрадовались. До нас дошёл очень едкий и неприятный запах, от которого сразу же бросило в сон...

Очнувшись, мы увидели, что оказались на острове. Остров был очень красивый: деревья, цветы, повсюду летали бабочки, прыгали белки по деревьям. Рядом стоял одноэтажный деревянный дом. В нём и мебель была вся деревянная. Да, для меня как человека, живущего в современном мире, такой дом показался чем-то необычным. Как только я осмотрела дом, проснулись и Артём с Сашей. Они так же были удивлены этой природной красотой, ведь в нашем мире почти не осталось деревьев. Человечеству они уже были не нужны, потому что технологии их заменили. Остров со всех сторон был окружен, как оказалось, бескрайним океаном. Только вот вся эта здешняя красота будто являлась прикрытием для того, чтобы мысли о красоте острова мешали нам думать о том, как мы здесь очутились. Я высказала ребятам эту мысль, на что они мне ответили:

- Да брось ты. Пусть это и так. Ну и что с того? На острове есть звери и птицы, а это еда. Вода тоже имеется. Жизнь прекрасна, а все эти твои мысли – полнейший бред.»

После их слов я поняла, что дальше находиться с ними смысла нет. Да и среди них я явно была бы третьей лишней. Наши пути на этом разошлись. Я дождалась ночи, а затем, когда они уже уснули, сбежала на другую часть острова. Там мне удалось найти еще один деревянный домик, только менее просторный и более современный. Будто для меня и строили!

Утром я пошла к берегу. Подумывала над тем, чтобы сделать плот для посещения соседнего острова. Но у океана была совсем смехотворная глубина, что можно было пройти пешком. Шла, шла я, уже стемнело. Наконец, я увидела очертание суши. Когда почти подошла туда, начала бежать. Из-за кромешной темноты я не увидела огромные стены, служащие оградой. Через главный вход идти мне не хотелось: оттуда доносились странные звуки, похожие на разговоры людей, но на непонятном мне языке. Немного похаживая вокруг этой стены, я нашла тайный проход, ведущий наверх этой самой стены. Поднявшись, я стала аккуратно глядеть вниз, чтобы увидеть тех, кто так странно говорил. Мне стало не по себе: внизу с достаточно большой скоростью передвигались силуэты, похожие на тени людей. Они были черные, а даже с такого расстояния мне удалось услышать их странное шептание. Через верх был проложен небольшой мостик, ведущий к другому краю стены. Было страшно, но всё же я решилась пройти по нему. И вот, все эти страшные существа позади, а я добралась до другого края стены. Там был такой же выход, что и у той стены. По нему я спустилась вниз. Впереди была всё та же красивая природа, что и на том острове, с которого я начинала путешествие. Глубина океана уже была достаточно большой, так что мне пришлось делать плот. Закончив это дело, я стала плыть прямо, как и в прошлый раз.

Ранним утром вдалеке я увидела очертание острова, с которого и начинала своё путешествие. Сначала, я не поверила, но, когда уже причалила к берегу, увидела здание, в котором поселилась, то поняла: «Это тот же самый остров! Но как такое возможно? Получается, нахожусь я сейчас вовсе не на Земле. В таком случае, где же? Эта планета тоже обитаема, но в разы меньше нашей, раз мне удалось так быстро осуществить путешествие в одну сторону. И если так подумать, то звезд, выполняющих роль светила я ни разу не видела...»

Я всё не могла понять, на какой планете сейчас нахожусь. Долго думала, но мои мысли прервали громкие разговоры. Я услышала голос Саши, Артёма и голос девушки, который до этого момента мне слышать не приходилось. Решила поглядеть, чем они там занимаются. Судя по их разговору, они что-то искали. А точнее кого-то, скорее всего меня.

-Она пропала уже как три дня!

-Весь остров обыскали, но её так и не нашли.

-Да не переживайте вы так! Если нужно будет, то она и сама объявится, - сказала эта незнакомая мне девушка.

В тот момент я сидела в кустах, не издавая ни единого звука. Несмотря на это, как только девушка закончила фразу, она тут же пристальным взглядом взглянула на кусты, в которых я сидела. Сразу заподозрила: тут что-то неладное. Согласно карте, осуществить побег можно было лишь через вентиляцию, которая находилась у меня в камере. В таком случае, каким образом ей удалось выбраться? Так много вопросов, но ответов на них пока нет. В доме я нашла бумагу и карандаши. На бумаге я начала строить различные теории. Проще говоря, начала обрабатывать свои вопросы и искать таким путём ответы. Весь день у меня на это ушёл.

- Итак, приемлемое объяснение для большинства вопросов найти не удалось... В таком случае, остается только один и это..., - произносила я вслух свои мысли.

Не успела я закончить фразу, как за меня её продолжила эта девушка:

- И это правда о девушке, что по неизвестной мне причине попала на остров, так ещё и ходит с моими одноклассниками. Верно?

На моём лице застыло удивление. Я не знала, что ей отвечать, но мысли в моей голове не давали покоя: «Откуда она здесь? Каким образом она поняла, о чём я тут размышляю, если до этого я делала это молча?»

-Что же, удивлена моему внезапному появлению? По твоему лицу заметно, что обо мне тебе ничего неизвестно. Спешу тебя разочаровать: твоя «экспедиция» была успешно провалена, так как обо мне тебе ничего не удалось узнать, - сказала эта девушка, с ехидной ухмылкой, словно издеваясь.

-Кто ты такая и что тебе нужно? - спросила я у неё, ведь особого выбора у меня не было.

-Ха-ха-ха! Я та, благодаря которой все люди оказались за решёткой. Стыдно не знать, ведь я совершила большое и великое дело. К твоим друзьям у меня претензий нет, они не собираются исследовать эту планету. А ты можешь хорошенько подпортить мои планы, сговорившись с, - тут она закончила свой рассказ, так и не продолжив его. Вероятно, не хотела, что бы я знала о том, с кем можно сговориться.

-Сговорившись с кем?

-Это уже не твоего ума дело. Я собираюсь расправиться с тобой, используя твоих же друзей. Сделаю из себя жертву, воспользовавшись своим талантом актрисы, который достался мне ещё с рождения. В такой ситуации они явно поверят мне, так как неизвестно, где ты пробыла целых четыре дня. Мало ли, что ты там успела вытворить за такой короткий промежуток времени.

-С чего вдруг у тебя уверенность, что поверят они именно тебе? Люди верят не в абстрактную истину, они доверяют людям. Со мной они уже знакомы достаточно долго, а вот с тобой от силы пару дней. Как думаешь, кому при таком раскладе они поверят? - сумела я опровергнуть её слова, поставив её тем самым в тупик. Видно было, как она растерялась, услышав то, что я сказала. Девушка соврала: нет у неё никакого таланта к актёрскому мастерству. Был бы он, она сумела бы его использовать на деле, скрыв настоящую эмоцию.

-Ладно уж, раз ты такая умная, то на время оставлю тебя. Но помни: настанет момент, когда я доберусь до тебя! - со злостью крикнула мне эта девушка, уходя из дома.

-Да не верю я, что она могла посадить всех людей в тюрьму! Каким образом ей бы удалось это сделать? Да и она говорила о ком-то, с кем, по её мнению, я могла бы сговориться.

Тут- то до меня дошло: нужно отправляться в другую сторону.

Утро. Я взяла свой плот и отправилась в правую сторону от острова. Примерно на половине пути мой плот начал расходиться на части. Плавать я в целом умела, но не на такое большое расстояние. Как вдруг вдали я заметила, как кто-то плывёт на лодке в мою сторону. Я начала кричать человеку, управляющему лодкой. Когда человек приблизился, я сразу поняла: это самый стеснительный парень, сын учёного Франкля. Парень был рыжим, с веснушками и ярко-зелёными глазами, носил очки.

-Давай зап-прыгивай на лодку, - слегка заикаясь сказал он.

«Та девушка говорила о том, с кем я могу сговориться. Не понимаю... Как такой парень, как он, может что-то замышлять?» - снова мысли у в голове проносились с огромнейшей скоростью.

-Как ты тут оказался? - спросила я у него.

-Я т-тут был с т-того м-мом-мента, как зап-пустил механизм. Я знал-л о том, что промыш-шляет эта девушка, так что п-принялся бежать. То устройств-во, которое як-кобы изобрёл мой отец, вовс-се не прин-надлежало ем-му, - закончил парень свой рассказ.

-Как, ты об этом уже знал? Почему другим не сообщил? И кому же тогда принадлежало звание изобретателя того устройства на самом деле?

-Мн-не угрож-жали расправой, так что я не мог сообщ-щить об этом. А устройство изобрёл я, только отец пожел-лал заполучить всемирную славу, так что отнял-л у меня устройство, а поз-же, назвался изобретателем. Тольк-ко вот он даже не знал-л, как работает устройство, т-так что запустить его пришлось мне.

-Твой отец нечестно поступил по отношению к тебе. Но откуда ты всё-таки узнал, что людей посадят в тюрьму?

-Дело в том, что моя мать в д-детстве ввела мне ч-чип, благодаря которому, я м-мог видеть ближайшее будущее ч-через сны. В-вот так я и узнал об этом.

К этому времени мы уже прибыли на берег острова, в котором жил этот парень.

-А зовут-то тебя хоть как? - спросила я у него, зная, что, скорее всего он мне его не назовёт.

-Реального имени не н-назову, ведь оно св-вязано с моим даром, н-но можешь з-звать меня Кириллом.

-Вот по какой причине твоё имя нигде не называли. Но всё-таки, каким образом ты сюда попал? То, что сбежал, это мне ясно, но как попал всё ещё остается загадкой. И потом, на какой планете мы находимся?

-Идём за мной, там сама всё поймешь.

Он пошёл вперёд, прямо к краю острова, а я за ним. Дальше был подъём наверх, а точнее гора. По ней сложно было забраться, но всё-таки мы забрались. Перед нами открывался вид на... ЗЕМЛЮ!?

- Подожди, мы что, находимся на Луне!? - удивлённо спросила я у Кирилла.

- Да, эт-то так. Ранее ты не мог-ла увидеть этого, ведь Луна всё время п-повёрнута к Земле одной сторон-ной. А жизнь т-тут у меня получилось сделать при помощи того самого устройства, когда тест-тировал его. А делал-л я это задолго до того, как все люди оказались в заточении, чт-то ещё раз-з говорит о челов-веческой невнимательности. А солнце тебе н-не удавалось н-наблюдать, так к-как Луна находится достаточ-чно высоко.

Раз мы находились на Луне, то вполне могли добраться до Земли, а там и спасти людей. Я предложила данную идею Кириллу, на что он сказал:

- Я б-бы с радостью, только мой космо-рат (так называлась более новая версия космической ракеты, которая была похожа на самолёт и могла разогнаться до невероятных скоростей) сломан. Для поч-чинки понадобится камень, а остальные материалы у меня имеются. Сам орудовать киркой у меня не пол-лучится, уж слишком слаб я для этого, так что доверю это тебе. Следуй з-за мной.

Кирилл повёл меня к своему дому. Мы спустились с горы, и вот уже был виден его дом. Он остановился напротив окна своего дома, повернулся в сторону, в которую выходило окно, начал что-то искать у себя в кармане. Вот он нашёл этот предмет. Я пригляделась. Это был пульт всего с двумя кнопками: большой красной кнопкой и маленькой зелёной. Кажется, он нажал на зелёную кнопку и испарился. Через мгновение

Кирилл вновь стоял на прежнем месте, только с киркой в руках. Кирка была странной: слегка прозрачной, отдавала синим оттенком.

-В-вот, возьми. Это усовершенствованная кирка м-моей собствен-ной разработки. Она хоть и автоматическая, но всё же нужно прилагать усилия, чт-тобы добыть необх-ходимые ископаемые.

Я взяла кирку и отправилась на поиски камня. Было очевидно: на его поиски следовало отправиться за гору. Я подошла к месту. Часа два я там стояла, только пытаюсь разобраться с киркой. Как оказалось, нужно было подумать об ископаемом, которое нужно было добыть, а там направить кирку в направлении того, что нужно добыть, а затем сжать кирку со всей силы. Возможно, нужно и не со всей силы было, просто не такая я уж и сильная. Я взяла добытый камень и направилась назад.

Кирилла нигде не было. Я уже хотела окликнуть его, как тут он появился.

-Да, д-долго же ты там была, - сказал Кирилл.

-Кто бы говорил! Еле как с этой киркой разобралась.

Был уже вечер. Оба мы были уставшими, так что начать ремонтировать косморат нам не хотелось, так что оставили эту затею на утро.

Я всё ещё помнила о тех странных существах, которые были на том острове, и решила поинтересоваться об этом у Кирилла:

- Ты случайно не знаешь о тех странных силуэтах, находящихся на том острове?

-А, ты об этом... Я п-пытался изобрести устройство, которое могло бы создавать людей, но что-то пошло не по плану. В ит-тоге вместо людей появились эти странные чёрные тени, говорящие на непонятном языке.

Я попыталась осмыслить данную информацию в голове. Всё ещё мне было не понятно, зачем он хотел создать такое изобретение. Мой мысленный ответ на свой же вопрос был таков: «Ох, чего только эти учёные не придумают!»

Проснувшись утром, я опять не застала Кирилла. Только если в тот раз он сразу же появился, то сейчас я ищу его уже на протяжении пяти минут.

- Кирилл, ты где? - всё же пришлось окликнуть его.

Странно, но ответа не последовало. Я подумывала о поисках Кирилла на горе, как тут меня кто-то схватил за горло.

- Ха-ха-ха! Попалась! Я ведь предупреждала, что рано или поздно найду тебя. Зря ты сговорила с ним. Так бы я тебя ещё долго не трогала, - произнес сзади женский голос.

Судя по фразам, это была та самая девушка, которая якобы посадила всех людей в камеры. Но сейчас голос её был не такой, как раньше. Я обернулась назад. И внешность была совсем другая! Что же за чертовщина - то такая...

- Что, не узнаешь меня в моём настоящем облики? Ты ещё пожалеешь о своём решении спасти всех этих жалких людей!

Я не успела ничего ответить, ведь в моих глазах потемнело. Очнувшись, я увидела себя в подвале, где рядом со мной сидел связанный Кирилл. Потолком подвала служило стекло, через которое можно было разглядеть удивительную красоту Луны. Как вдруг, перед нами загорелся прожектор, на котором высветилось изображение женщины, похожей на ту девушку, только женщина была старая и некрасивая. Видимо, она умела менять свой облик при помощи какого-либо устройства. Женщина, смотря прямо на нас, щёлкнула пальцем. Сначала я не заметила каких - либо изменений, но вдруг я посмотрела на прозрачный потолок: там виднелось тёмное небо, а все деревья исчезли. Тут она подобно самому коварному злодею начала свою речь:

- Что ж, раз уж мы с вами ещё не знакомы, то мне придётся представиться. Моё имя – Королева! Кислород и температура продержится тут недолго, всего лишь один денёк. А после вы станете, задыхаясь, умирать от холода, умоляя о пощаде!

В тот момент я начала жалеть о том, что мы не закончили свою работу ещё вчера. Говорила же мне мама: «Сделал дело – гуляй смело!», но я никогда её не слушала, о чём в очередной раз пожалела.

Я не знала, что делать, ведь женщина, что представилась «Королевой», следила за нами через прожектор на своём троне, ждала момента, когда мы будем молить её о пощаде. Тут я заметила, что на мне есть странный браслет, которого не было до этого. Я посмотрела на руку Кирилла. На его руке был такой же браслет. Видимо, за неподобающие действия или же поведение через эти браслеты должен был проходить ток,

проходящий по всему телу, нанося ужасающую боль. Я хотела предупредить Кирилла об этом, но опять не успела:

- Слушайте, Королева! Я считаю глупым и не обоснованным ваш поступок! Люди давно спасли планету от экологических проблем. Пусть мы и живём в современном мире, где развиты технологии, но они на экологию не влияют. Животные живут в специальных для них куполах, которые отведены для этого, так что никто их убивать не будет! И...

Всё-таки не сдержался Кирилл. Он был добрым и справедливым, судя по всему. Молчать на его месте было бы нелепо. Удивительно, но на этот раз он говорил уверенно, без каких-либо заиканий. Скорее всего, когда нужно отстаивать свою точку зрения, он прятал в себя всю свою неуверенность и скромность. Пока он это говорил, по лицу «Королевы» можно было понять: она явно не рада словам Кирилла. Они были верны, так что возразить она не могла. Со злости она ударила Кирилла током через браслет. Кирилл стерпел боль, не издав ни единого звука. Женщина была в ярости, ведь после такого мучения он ничего не сказал и не стал плакать, так что Королева ушла.

-Кирилл, у меня есть идея! - шепотом я сказала Кириллу.

-Д-да? Как-кая же? – спросил Кирилл уже с привычным для меня заиканием.

-Можно попытаться задобрить Королеву лестью. Просто говори что-то хорошее в её адрес, при этом восхищайся её «подвигами», – предложила я свой план Кириллу.

Он не стал ничего отвечать. Скорее всего понял тактику. Спустя время, женщина вновь вернулась на прежнее место. Мы поочерёдно с ним стали делать различные комплименты Королеве. Сказать, что было сложно такому ужасному человеку делать комплименты, это ничего не сказать. Делали мы это лишь ради спасения человечества.

- Ух, сразу видно, что после этой профилактики, находясь в запертом помещении, вы усвоили урок, что старших нужно уважать и гордиться их великими делами! В качестве подарка пойду принесу вам кое-что», - сказала женщина, отправившись куда-то.

Только я хотела предложить Кириллу действовать, как появились Артём и Саша. Как оказалось, они изначально не доверяли этой девушке; обратившись в женщину, она скрывалась под чьим-то обликом. Выходит, что хотя бы капля здравого смысла у этих двоих всё же осталась. Один из них достал очень маленький квадратик, похожий на старые сим-карты. Это был запрещенный предмет, которым можно было уничтожить все что угодно, но из-за размера этого квадратика, можно было уничтожить лишь часть предмета. Именно благодаря ему у них и получилось прокопать те ямы в тюрьме. Только была одна проблема: благодаря этому квадратика хоть и можно было что-то уничтожить, но там было ограничение в использовании. После использования должен был пройти один день, только так можно было использовать во второй раз.

- Главное - не промахнитесь, а то если направите не в ту сторону, то нам всем конец, а там и всему человечеству, - сразу же сообщила я Артёму с Сашей.

Повезло: они не промахнулись. Я и Кирилл пролезли через эту дыру. Там нам оставалось лишь найти место, где был космо-рат. Кирилл достал свой пульт.

- Хватайтесь все за мен-ня, при помощи пульта мы можем телепортироваться куда надо! - сказал он.

Как только мы выполнили указание Кирилла, сразу же оказались в странном подвале. Оставалось починить космо-рат. Артём изучал строение космо-ратов, так что он помогал Кириллу с его починкой.

-В-вы тоже на месте не стойте. Вам нужно будет сделать четыре костюма от тех запахов, которыми был-ла отравлена планета за пределами тюрьм-мы, - вновь дал указание Кирилл.

-Ты о тех газах, из-за которых бросает в сон? - поинтересовался Саша.

-Им-менно о них, - ответил Кирилл.

-Полагаю, газы выпустили роботы. Ловить сбежавших людей на планете не представляется возможным, а вот отправлять на Луну, где бы их сразу могла приметить Королева вполне возможно, - озвучила я свою точку зрения.

-Скорее всего, это так-к. А сейчас, сов-всем забыл дать вам чертежи для костюмов.

Кирилл выдал нам чертежи, и мы приступили к работе. Наконец всё было готово. Кирилл с Артёмом вывезли космо-рат на поверхность. Мы в него запрыгнули, пристегнулись и полетели на нашу родную планету. Когда мы отлетели, Кирилл достал тот же пульт. Как оказалось, в нём было намного больше кнопок. Только все они находились внутри пульта. Он ввёл некую последовательность из них.

-А что ты делаешь с пультом? У космо-рата ведь автоматическое управление, - вновь проявила я своё любопытство, спросив Кирилла об этом.

-Я заблок-кировал поле Луны. Теперь эта Королева не смож-жет сбежать.

-Пусть теперь расплачивается за свои злодеяния! – воскликнула я.

-Да! Так ей и нужно!

Когда до прилёта осталось совсем немного, мы начали потихоньку надевать нашу экипировку. Тюрьма была расположена по всему земному шару, так как людей на нашей планете очень много. Так что было не важно, в какую часть мира мы прилетим. По прилёте на Землю я была удивлена: как оказалось, в тюрьмы посадили не только людей, но и животных. Я не понимала к чему это, однако изобретение Кирилла работало потрясающе. Животные и насекомые сидели в клетках, а планета всё ещё была пригодна для жизни. Нам пришлось убрать все эти ядовитые газы при помощи воздухообработывателя (приспособление, которое может фильтровать кислород.) Оставалось лишь освободить всех людей и животных. Вход в тюрьму был лишь один: через ту вентиляцию. Ломать стену было не лучшим решением, ведь в тюрьме они были очень широкими. К счастью, мы находились не так уж и далеко от этой вентиляции. Мы пролезли по ней, уничтожили решётку. Там выкрали ключи, лежащие в старом кабинете Королевы. Освободив всех людей и животных, уничтожили это здание.

Десятое июня. Нас, четырёх героев планеты, отблагодарили грамотами и всемирной известностью. Отца Кирилла наказали, лишив премии и уволив с работы за воровство чужой идеи изобретения.

2076 год. Вот прошло шесть лет с тех пор, как мы спасли всех людей и животных на планете. Недавно астрономы сообщили очень важную информацию, которую люди перекидывали друг другу при помощи тройдов:

- Внимание, жители нашей планеты! Наша группа астрономов должна сделать важное объявление. Со спутника нашей планеты – Луны, исходил странный сигнал, похожий на угрозы людям, исходящий от роботов. Возможно, на нашем спутнике решили поселиться инопланетные расы. Есть вероятность, что роботы очень хорошо запрограммированы и могут напасть на нас...

Но это будет уже следующая история...

Замараев Олег

Сказка о Дружбе

Было это событие давно, на острове Абжурд. На том острове стоит золочёная Арка, на ней висит табличка с надписью Абжурд. По Арке ходит Кот Мудрец. Вверх поднимется – песни поёт, вниз – легенды, сказки о дружных жителях и о злой нечисти острова рассказывает. Было бы любопытно и занятно посмотреть на золочёную Арку, послушать Кота Мудреца. Читатель, это ещё не сказка, а – присказка. Сказка вся впереди!

Жили-были молодец Иванушка, да девица Елена-Длинная коса в одной деревне, на одной улице по соседству. С раннего детства они всегда вместе: зимой – с горки катаются, а летом – через костёр прыгают, в поле траву косят, в лесу ягоды, грибы собирают...

Однажды, летним утром, как только петухи пропели первую песню, молодец и девица отправились в лес. Иванушка – на охоту, а Елена-Длинная коса – за травкой лечебной для больной матушки. Пришли они в лес и договорились, что встретятся к полудню возле высокой берёзы, и что будут осторожны и внимательны, так как в лесу живёт нечисть, которая приносит зло людям, разошлись в разные стороны.

Услышала об этом травка, мятая и сухая. Передала мышке, подземной и серой, а мышка через подземные ходы нечисти, Колдуну Репью и Бабе-Вороний глаз о том, что в лесу находится Елена-Длинная коса. Колдун Репей давно за ней приглядывал, хотел украсть и жениться на ней. От радости у нечисти выросли крылья и взлетели в небо. Летели над лесом, кто – влево, а кто – вправо.

Пролетая над верхушками деревьев, Колдун Репей заметил девицу, в красном сарафане и золочёном кокошнике на голове. Приземлился неподалеку от девицы, завыл, как ветер, обернулся репьем и стал дожидаться Бабу-Вороний глаз. Услыхав вой ветра, Баба-Вороний глаз вмиг примчалась, ударилась о землю, превратилась в растение.

Стали они друг с другом перешёптываться:

– Девица на обратном пути пройдет мимо нас, увидит и удивится, что растения, репей и вороний глаз, необычайной красоты. Полбуется. Заденет рукой листочки, понюхает чёрные ягодки, цветные колючки, – сказала Баба-Вороний глаз.

– А в это время колючки выпустят свои длинные иголки и зацепят сарафан Елены-Длинной косы. Будет пытаться их отцепить, но, но ничего у не получится.

– Да, Елена-Длинная коса уж точно с ними не справится. Вот тут-то мы обернёмся в Колдуна Репья и Бабу-Вороний глаз, схватим, унесём на крыльях к себе в избушку.

– А потом уж и свадьбу сыграем, – замечтался Колдун Репей.

Всё так и произошло, как задумала нечисть. Елена-Длинная коса на обратном пути увидела красивые растения, задела колючки, которые крепко вцепились в сарафан. И как бы она не пыталась их отцепить, у неё ничего не получалось. Воспользовавшись моментом, нечисть завязала девице глаза, связала руки и вместе улетели в избушку, вглубь леса.

В это время Иванушка с дичью возвращался к назначенному месту. Долго ждал Елену-Длинную косу, аукал. Подумал, что, не дождавшись, ушла домой. Вернувшись в деревню, Иванушка первым делом подошёл к дому, где жила Елена-Длинная коса, постучался в окно и спросил: «Дома ли, Елена-Длинная коса?» Больная матушка ответила: «Нет её дома. Давно ожидаю, чтобы лечебной травки от кашля запарить». Молодец успокоил матушку: «Не переживайте, я найду Елену-Длинную косу».

Долго думал Иванушка, как найти Елену-Длинную косу. Вспомнил, что может Кот Мудрец на золочёной Арке подскажет, как найти. Подошёл молодец к золочёной Арке и рассказал Коту Мудрецу о том, что произошло. Кот Мудрец сказал: «Я тебе помогу. Дам тебе Божью Коровку, куда она полетит, туда и пойдешь. Приведёт тебя к избушке. В ней живут злые Колдун Репей и Баба-Вороний глаз. У них и Елена-Длинная коса. Любит нечисть беспорядок около избушки. От этого становятся ещё злее. Освободить Елену-Длинную косу можно тогда, когда они станут добрыми. Только тогда сами отпустят её». «Что мне нужно сделать, чтобы Колдун Репей и Баба-Вороний глаз стали добрыми?» – спросил Иванушка. «Дорогу к избушке тебе Божья Коровка покажет. А вот, что дальше делать, догадайся сам», – ответил Кот Мудрец.

Привела Божья коровка Иванушку к избушке нечисти. Перелез через забор высокий. Видит около избушки: трава с человеческий рост выросла, сухой лес на заборе повис,

грязные чугунки на земле разбросаны, родник камнями и мхом забит. Стал молодец порядок наводить. Траву выкосил, лес с забора убрал, чугунки помыл и на скамейку поставил, родник очистил. Слышит Иванушка, что из избышки кто-то кричит: «Ой, ай! Ой, ай! Что с нами происходит? Видно, кто-то дорогу к избышке нашёл? Кто-то порядок здесь навёл? Злость из нас выходит, а доброта приходит».

Зашёл Иванушка в избышку, видит за столом сидят Колдун Репей, Баба-Вороний глаз и Елена-Длинная коса, чай с баранками пьют. Молодца за стол пригласили и чаем угостили. А к вечеру и дорогу до деревни показали, извинение попросили и дружбу предложили.

С тех пор нечисть лесная и жители деревни много лет в согласии и мире живут, и землю русскую берегут. А Кот Мудрец по Арке золочёной всё ходит и ходит. И всем, кто к ней подойдет, сказывает: «Был остров Абжурд, стал островом Дружба».

Запомните, друзья:

«Дружба – важна!

Дружба – крепка!

Дружба по жизни всегда нужна!»

Анкудинова Дарья

Сон наяву, или мечты сбываются.

На окраине небольшого пригородного села в деревянном домишке живет семья. Каждый вечер мама перед сном читает восьмилетней дочке ее любимые сказки. Как и большинству девочек Майе нравились истории про попавших в беду принцесс, которых спасает принц от опасности, а потом они живут долго и счастливо в своем замке.

– Мама, мама, а расскажи мне ещё одну историю, – умоляюще попросила девочка, надеясь, что ей удастся помечтать еще чуть-чуть.

– Ну нет, милая, на сегодня уже хватит. Тем более, чтобы вырасти, тебе нужно хорошо высыпаться. Ты же хочешь стать взрослее? – улыбаясь, ответила русоволосая женщина и убрала книгу в шкаф.

– Да, очень хочу, тогда я постараюсь быстрее заснуть!

– Замечательно, сладких снов. Пусть тебе приснится замок и прекрасный принц, – произнесла мама, выходя из комнаты и выключая свет.

– И тебе, мама, спокойной ночи, – Майя укуталась одеялом, обняла своего плюшевого зайца и попыталась уснуть.

Но, как бы девочка ни старалась, она не могла уснуть, разные вопросы кружились в ее голове: «Каково это быть принцессой и жить во дворце? Что будет, если принц с принцессой не полюбят друг друга? Как принц спасет принцессу, если дракон окажется сильнее?» Мысли были навязчивыми и долго не покидали Майю. Но усталость взяла своё, и девочка уснула.

Разбудил ее звон стеклянного колокольчика и пение птиц. Открыв глаза, она увидела роскошную комнату: широкую кровать, застеленную кружевным постельным бельём, большой шкаф, через приоткрытые дверцы которого виднелись различные платья, туфли, короны, украшения. Рядом с ним стояло большое зеркало, виола на подставке и красивый расписной туалетный столик. На полу были расставлены большие вазы с великолепными цветами.

– Совсем как у принцессы в замке, – подумала про себя Майя, рассматривая комнату, – а что, если это я стала принцессой, как мечтала? Было бы здорово почувствовать себя ей хотя бы на денёк!

И тут Майя поняла, что она не спит, что она чувствует шёлковую ткань одеяла, вдыхает аромат цветов, ощущает нежный ветерок, дующий из окна комнаты. Девочка, скинув с себя одеяло, быстро подбежала к зеркалу и начала себя рассматривать. В отражении она увидела девушку лет пятнадцати, большие зеленые глаза выражали удивление и восторг, белокурые волосы спадали волнами по плечам. Майя радовалась необычному перевоплощению, кружилась по комнате, держа за подол ночную рубашку. Вдруг она остановилась и подумала о том, что будет делать дальше, что наденет, как выглядит ее принц и о многом другом. И тут в комнату вошла женщина среднего роста в одежде придворной дамы и сказала: «Мисс Майя, доброго Вам утра, семья ждёт Вас к завтраку, потом урок французского языка и этикета, после чего предстоит приём герцога Бернарда Колиньи. Вам стоит поторопиться, чтобы всё успеть, – произнесла милая дама, поклонилась и стала ждать ответа Майи.

– Эм, да... Хорошо, а что я буду там делать? Что мне надеть и надолго ли это?

– Ох, что Вы! Вы же не в первый раз туда идёте, – успокоила дама. – Платье для приема и завтрак уже подготовлено, я помогу Вам.

Она подошла к шкафу и достала темно-синие туфли на небольшом каблучке, белые банты и бирюзовое платье.

– Спасибо, а не могли бы Вы мне напомнить Ваше имя? Память начала меня подводить, – застенчиво сказала Майя.

– Сюзанной, но Вы можете называть меня просто мисс Сюзи, – произнесла она, затягивая на Майе корсет.

– Ну что ж, мисс Сюзи, давайте побыстрее закончим с одеванием и пойдем завтракать.

– Как скажете, мисс.

Придворная дама помогла причесать длинные волосы и завязать банты, и они спустились в столовую.

На завтрак Майя съела молочную кашу с мёдом и яблоком, выпила стакан сока. Затем пошла в комнату, которая находилась в другой половине замка, заниматься французским. Было сложно, но она запомнила всего лишь несколько фраз, которые помогут ей сегодня: «Bonsoir, nous sommes heureux de vous voir» – «Добрый вечер, мы рады Вас видеть», «Avec cette question, vous feriez mieux de contacter le roi avec la reine» – «С этим вопросом, Вам лучше обратиться к королю с королевой», «Merci pour la danse, ravi de vous voir» – «Спасибо за танец, были рады Вас видеть». После этого ей начали объяснять, как правильно пользоваться веером, и пришлось выполнить упражнения для тренировки осанки – ходить по комнате с тремя книгами на голове. Майя чувствовала себя некомфортно, в туго затянутом корсете ей трудно было двигаться.

Наконец наступило самое волнительное мероприятие, которого Майя ждала весь день, – приём герцога. Но на самом мероприятии ей было немного скучно, за столом обсуждали важные королевские дела, а она молча наблюдала за гостями. После, в честь приезда иностранных гостей был устроен бал, где каждый хотел потанцевать с принцессой, поэтому за весь вечер Майя смогла присесть лишь на несколько минут.

В конце дня в спальню вернулась совершенно другая Майя: уставший вид, волосы немного растрёпаны. Девочка никак не могла представить себе, что быть принцессой, это так трудно. Кто бы мог подумать, что для приема пищи существует много различных приборов, что в течение дня держать осанку так тяжело, что говорить на совершенно другом и непонятном языке еще труднее, а присутствовать на приеме с герцогом, соблюдая все правила этикета, и танцевать без перерыва на балу – стоило больших сил. Обессиленная и вымотанная обязанностями принцессы Майя с наслаждением вернулась в свою кровать, о которой она мечтала последние четыре часа. Едва коснувшись головой подушки, девушка уснула. В царство снов прибыла ещё одна гостья – принцесса Майя.

Утром в своей кровати проснулась маленькая восьмилетняя девочка, её окружали игрушки, платьишки, книги про принцесс. Майя поняла, что день, когда она была принцессой, – всего лишь сон маленькой девочки. Сначала её это очень огорчило, но, вспомнив, как трудно быть принцессой, Майя подумала, что лучше видеть сны и читать о красивой жизни принцесс в книжках.

После первого полета человека в космос прошло не так много времени - всего 10 лет; за это время произошёл громадный для всего СССР скачок развития в области космонавтики и летательных аппаратов: теперь шаттлы были оснащены гораздо надёжной техникой и подготовлены на дальние и долгие полёты, на них появилась еда и напитки, - теперь человек с лёгкостью смог бы покорять другие планеты, а возможно и галактики.

С технологическим «бумом» возникла потребность в закрытых городах, особых пунктах, «шестерёнках», как их называли сами жители. В таких населённых пунктах большая свобода для экспериментов и меньше вещей, на которые можно отвлекаться. Содержание этих городков возлагалось на плечи государства, а они в свою очередь должны были оправдывать затраты. Жителями таких «шестерёнок» являлись деятели различных направлений: от биологов до инженеров и военных, последние для надёжности. Таких пунктов было немного на территории страны. Они располагались в лесах, в дали от городов, деревень, даже не обозначались на картах ввиду особой секретности ведущихся разработок. В них просто так не попадёшь: нужно знать точное местонахождение, туда не ведут прямые дороги, поэтому приходилось много километров идти пешком до первого блок поста, где после предъявления пропуска выдавали транспорт, и можно было спокойно добраться до города.

Прогуливаясь по тротуарам «шестерёнок», создаётся ощущение другого мира. Всё знакомо ещё с детства, но только если присмотреться к этим обычным вещам, можно заметить, что телефонные будочки странно пусты, а телефонные автоматы повешены туда лишь для вида – нет монетоприёмника; бочки стоят на месте, около них нет продавца, если по ним постучать, слышен лишь звонкий металлический звук; в газелях стоят ящики, обёрнутые брезентом с зелёными и красными крестами, только выносят их люди в темно-зелёной форме с чёрными и светло-песочными пятнышками.

На улице в полдень почти никого: главная площадь пуста, как небо в пустыне, и только изредка попадаются люди, которые мелькают между зданиями и спускаются в метро – все заняты, все куда-то бегут, мечутся – конечно, у всех работа, - и не у кого спросить: «А что требуется? Куда идти? Да и что вообще происходит?».

– Григорий Елезарович, вам в правый корпус.

Названный подпрыгнул и оглянулся вокруг, ища того, кто его позвал, крепче сжал папку с документами и почувствовал мелкую вибрацию на левом запястье, отёрнул руку и посмотрел на источник этого тихого «дзззз». Это браслет, выданный ему на блок poste

–Не пугайтесь так. Вас предупреждали, что сейчас «завал по всем фронтам», и встретить будет некому, поэтому Вам и выдали аудиогид, - синие огоньки перемигивались между собой, голос кратко рассказал о занятости работников-жителей и структуре города – паутинке. От главной площади кольцами кружат дома, разделённые тонкими улочками-нитками, мелькали тёмные плашки – полигоны для простых наземных испытаний, но сама начинка находится под землёй. Она представляет из себя несколько крупных лабораторий, соединённых просторными тоннелями, а вишенкой является космодром, расположенный под главной площадью, которая в нужный момент расходится в разные стороны, давая шаттлу беспрепятственно подняться в воздух, правда, подниматься пока нечему, да и некому: подготовка ещё не завершена.

–Что ж, теперь вы знакомы со структурой города, поэтому предлагаю прогуляться до правого корпуса, где вы будете находиться ближайшие несколько дней, - браслет мягко жужжал в такт шуршанию листьев под ногами.

Уже наступила осень, но солнце всё так же отражалось бликами в глазах, добавляя беззаботность в окружающую обстановку. Григорий повернул на узкий тротуар с безлюдной площади и торопливо зашагал в сторону здания, которое поприветствовало его аккуратными кустами шиповника, доской у входа, обклеенной листовками и расписанием движения транспорта, низкими скамейками и пискливым, пронзающим звуком открытия железной двери, появившимся после приложения карточки доступа.

В подъезде было чисто и на удивление уютно, несмотря на то, что здание было построено впопыхах в связи со срочностью проекта. Несколько месяцев назад на новонайденную планету Лукс, что в переводе с латинского означало «свет», было отправлено два геодезических робота, которые должны были записывать происходящее вокруг и собирать образцы почвы. Планировалось, что видеозаписи будут ежечасно отправляться на Землю в главный Центр Связи, а роботы будут возвращены спустя год после прибытия на изучаемый объект. Через некоторое время операторы заметили, что сигналы стали поступать с задержками, а затем и вовсе прекратились. На последних записях было зафиксировано странное шипение. Вследствие этого правительство приняло решение отложить разработку нового спутника, которая проводилась в этом городе, и срочно собрать команду специалистов для вылета на Лукс и попытки устранения технических неполадок.

С остальными специалистами ему только предстояло познакомиться, но для начала над было разобрать коробки, лежащие у входа в квартиру. Григорий перенёс тяжёлый,

наполненный картон внутрь и принялся распаковывать, доставать содержимое. Сначала шли одежда и спальные принадлежности, далее уже рабочее оборудование:

телескоп, блокнот, самые разнообразные линейки, карта неба и сенсорные очки – всё, что нужно астроному.

– Неужели неинтересно, кто будут Ваши попутчики? – подал голос браслет, вновь вибрируя и мигая синим.

– Почему? Интересно, - он попытался разложить последнюю согнутую вешалку и повесить на неё спецовку. – Просветишь?

– Конечно, но я бы советовал во время моего рассказа смотреть в памятки сотрудникам, чтобы иметь хоть какие-то представления и не запутаться в людях. Их тут, как мака в булочке! – с некой усмешкой пробормотал голос, продолжая говорить. – Памятки лежат в верхнем ящике стола.

– А откуда ты знаешь, может переложили?

– Нет, оно у всех так. У меня тоже там лежали. Нашли?

– Да, - Григорий Елизарович осмотрел большую тонкую бумагу, на которой были в ряд расположены фотографии людей, возраст и должность. – И кто наши, а кто – нет?

– Все наши, весь этот калейдоскоп лиц. Вот тот в правом верхнем углу, например, главный авиамеханик и инженер будет – Максим Фёдорович Маслов.

– А почему кожа так блестит и такая чёрная? – мужчина поднёс бумагу ближе к лицу и прищурился.

– Маслов же! Из машинного масла, как он утверждает, состоит. Представьте, как удобно: маслёнку не надо с собой таскать, только перчатку снял – раз-раз – смазал.

– А этот? - он ткнул пальцем в юношу с круглой, как карамельная барбариска, головой персикового цвета, которая была окутана облаком ваты, и зелёными ягодками-глазами.

– Это Леденечкин Мирослав Евгеньевич. Наш журналист-документалист. Фиксирует всё быстро и подробно, не очень заметный в силу своего маленького роста. Следующий – Арсений Матвеевич Чашкин. Не советую пытаться потрогать эту пузырьковую копну, что он называет «волосами» - покусает. Он биолог и медик, очень любит ромашковый чай из

термоса, поэтому у него всегда с собой есть пара, - голос хмыкнул своим словам и ярче засветился, – лишних чашек.

– Ещё одним членом вашей команды будет Тимур Андреевич Железняков, - с особой гордостью высказал браслет, вжухнул и дальше затараторил. – Здесь нет фотографии, но Вы его обязательно увидите на собрании в шесть часов вечера.

Григорий скривился от услышанного. Не любил он собрания. Шум-гам, люди кричат, если решают какую-то проблему, накалённость, что мешает думать, томительное время ожидания этого самого собрания и неприятное жжение и гул в голове после – всё мешается неприятным вихрем внутри.

– Без меня доберётесь до базы?

– А ты куда-то спешишь, что собираешься покинуть меня?

Браслет на это звонко завибрировал, словно действительно задумался над ответом.

– Да, и оставьте устройство на столе, пожалуйста. Мало ли потеряете!

– Да ладно, не такой я и дурак уж. Оставлю-оставлю...

Время пролетает незаметно за обычной бытовой рутинной. Григорий быстрыми, короткими шагами направился на главбазу. Она была похожа на большой уложенный плиткой купол зелёного цвета с большими колоннами у входа. Стоящие там же охранники неодобрительно прищурились на него, но, когда тот показал карточку доступа, расступились и открыли тяжёлые на вид дверь в фойе.

Тусклый свет, лёгкий туман и кисловатый запах мгновенно ударили в нос. Григорий слегка сморщился и пошёл дальше по интересному, неподходящему к такому мрачному окружению, коридору: бархатные двери с хаотичными пушистыми заклёпками; гладкие стены, увешанные маленькими фотографиями празднования запуска человека в космос, кадры строительства этого городка, радостных людей, измазанных сажей и краской; низким мраморным потолком, редкие лампочки которого, как казалось, переговаривались между собой. В конце прохода виднелась узкая металлическая дверца синего цвета с надписью: «ТИХО! ИДЁТ СОБРАНИЕ!». Мужчина потянул на себя холодную ручку – дверь неприятно скрипнула. В маленькой комнате находился круглый стол, около которого стояли уже знакомые ему лица.

– О, пришёл всё-таки. Проходи давай! – Максим качнул головой и повернулся в сторону. – Тимур!

В углу комнаты что-то упало и громко звякнуло. К столу подошёл мужчина, напоминающий робота по своему внешнему виду: металлическая цилиндрическая голова, на макушке которой были две зигзагообразные антенки с огонёчками на концах, железная стружка вместо волос и голубые глаза-лампочки. Он нёс в руках коробку, наполненную до краёв флажками, тряпочками и какими-то фигурками – видимо для карты.

– Здравствуй, товарищ Звёздочкин. Рад, что ты всё же решил посетить нас, – знакомый голос разнёсся по пространству. Огоньки на лице мигали в такт каждому слову, словно на азбуке Морзе.

– Ты? Серьёзно? – Григорий почти подпрыгнул на месте то ли от удивления, то ли от возмущения.

– О, вы знакомы уже? – Арсений, казалось, совершенно не удивился произошедшему, в отличие от Леденечкина и Маслова, которые вертели головой из стороны в сторону.

– Да, думаю, да, – и, прежде чем кто-то успел что-то сказать, добавил. – Все вопросы после. Сейчас у нас важная проблема, которая не требует отлагательств. Нам нужен план, следуя которому мы быстро, успешно и, что самое главное, без потерь устраним неполадки. Есть у кого-то идеи?

В итоге их план заключался в самом простом и банальном: «Прилетел, увидел, починил». Требовалось также изучить местность и выявить причину неполадок, спрогнозировать дальнейшие происшествия, попытаться их предупредить, собрать образцы грунта, растений, если они там, конечно, есть – словом, все действия, что и обычно надо было делать космонавтам, отправляющимся на другие планеты чинить каких-то там геодезических гигантов, как сказало их начальство, а то, что они были первыми, не особо приняли во внимание. Тем не менее, несмотря на опытность каждого отдельного члена команды, им пришлось проходить все те же процедуры, что юным покорителям космоса – важным аспектом успешного полета были крепкие отношения в команде. Они быстро преодолели этот этап, и через месяц всё было готово для запуска.

Город был так же пуст, что и обычно, а вот подземелье кишело работниками миникосмодрома: некоторые пытались оттереть какие-то невидимые пятна с корпуса летательного аппарата, который все шутливо огласили «Сбитень» из-за специфического запаха машинного масла, кто-то паникующе проверял системы навигации, подкручивал гайки, – ой, это был Максим, – другие же сравнивали биометрические данные, карты неба, примерные маршруты и сроки возвращения. И вот уже зашумели турбины на реверсе; гудя и звоня, пиликали навигационные маячки; открылись пластины площади, оголяя внутреннее убранство технических помещений. Поднялся пар вперемешку с копотью, послышался скрежет и грохот балок, удерживающих стартовую площадку. Шаттл с жужжанием поднялся в воздух и, быстро набирая скорость, устремился ввысь, оставляя за собой белый след. Тропосфера, воздушная оболочка Земли преодолена – вокруг клубилась космическая тьма, проносились целые созвездия, миры.

В дали виднелась большая белая искрящаяся точка. По мере приближения она становилась всё более и более яркой. Шасси-лапки выдвинулись со скрипом и согнулись под весом «Сбитня», нагретые от столкновения с атмосферой – воздушная оболочка здесь была с низким содержанием кислорода, однако можно было спокойно находиться без скафандра. Команда спустилась на сияющую поверхность. Вокруг находились странные камни геометрической формы: расколотые матовые кубы, шары, сферы, – они образовывали специфическую мозаику наверху, которая хрустывала и вываливалась из-под ног.

– Ох, ты ж! – Мирослав поскользнулся, карандаш выпал из рук и покатился в сторону и притянулся обратно к юноше. Он фыркнул на это и почувствовал лёгкую дрожь под собой.

– И так. Нам сейчас нужно найти геодезических роботов. Максимка, по карте они где зацепились? – Тимур нагнулся над сумкой, где искал фонарики. Его голос был слегка приглушённым из-за ткани.

– Их... как бы это, – он почесал затылок. – Нет?

– Чего? – Чашкин подскочил к нему с фотоаппаратом — нужен для фотографий флоры и фауны, пока что там находились лишь пару белых фотографий с серыми пятнами. Григорий оторвался от бинокля и подошёл ближе, нахмурился: что-то было не так...

Камни зазвенели и запрыгали, ссыпаясь куда-то вниз и сбивая с ног, больно ударяя по ногам. Казалось, они пытались образовать воронку, вихрь — вокруг был лишь кристальный блеск, ослепляющий и мешающий двигаться, близко что-то щёлкнуло и резко перестала чувствоваться опора. Через мгновение вокруг стало темно, вся яркость куда-то исчезла, тихий писк раздавался где-то рядом — фонарики.

– Святые космики... – Лязг металла был резким и неприятным. Тимур протяжно засвистел, оглядываясь по сторонам. Позади него раздалось шипение: не живое, бездушное и серое, словно рация не могла поймать нужную волну. Арсений указал пальцем ему за спину. Это был летающий кубик, точно такой же, какой они встречали на поверхности, только целый и с антенной. Целый и с копьём, направленным в их сторону. Наконечник искрился голубыми волнами — электрический ток. Милое приветствие. Кубик издал шипение — из груди поднялись другие объёмные фигуры с копьями и тоже зашипели, махая копьями.

– Доболтались, – Григорий с разочарованием поднял руки верху, показывая местным жителям, что он не представляет опасности.

– Зато, кхм, мы нашли наших геодезических — вон там, из них горки сделали, – Максим качнул головой влево.

Местные повели их, под спины тыкая электрокопьями, в самое высокое здание. Можно было рассмотреть теперь окружающую среду. Видно сильное развитие технологий: ящики на тротуарах, которые перевозили фигурки, белая, чистая и однообразная архитектура покрывала здешние земли. Такая безысходность ощущалась. Перед входом в главное здание группу остановили, провели дальше лишь Тимура, остальных же посадили на скамейках у высоты.

В тронном зале, куда привели его, было просторно, холодно, всё так же бездушно. На троне, больше похожем на обычный старый стул, грубо выточенный из дерева, сидел или

стоял, находился, проще говоря, Конус с тремя антеннками, в то время как у остальных жителей встречались лишь одна или две. Он неожиданно заговорил с ним на родном языке. Тимур его понимал в отличии от стражников, которые ему что-то пытались шипеть. Мужчина спросил правителя, зачем они здесь и что от них надо. Король начал из далека, из глубины истории. Это было не особо интересно, он включился в разговор лишь на моменте происшествия. У жителей закончилась энергия Чипунь — она заключалась в мелких осколках, которые питали радостью жителей, город процветал, технологии развивались, но несколько лет происходила деградация эмоционального фона геометрических форм из-за того, что сами осколки были утеряны в следствие обрушения неба - верхних пород, как раз оттуда упала их команда.

Источники энергии когда-то нашли самые первые жители в самой глубине планеты. Всего есть три слоя: самый верхний, покрытый частями смельчаков, которые решились пойти за энергией, средний, где и находится город, и третий - самый опасный из уровней, оттуда никто не возвращался: там жил опасный монстр, который пожирал оставшуюся энергией. Жители отчаялись и уже не знали, что сделать. Всем надоело такое бездушие вокруг, поэтому правитель и попросил помощи незнакомцев, которые выглядели гораздо более сильными, кажется, они могли победить монстра и вернуть радость жителями.

Тимур скосил лампочки в сторону и ответил, что ему нужно переговорить с товарищами. Конус согласился на это неохотно и только в присутствии стражников. Железняков быстро спустился в низ по лестнице к своим. Они его мгновенно окружили и начали закидывать вопросами. Он кратко пересказала им всю историю.

– Не, может стоит попытаться сбежать? - Арсений отвинтил крышку от термоса и разлил по чашкам чай, вкусно пахнувший цветочками. Все с благодарностью расхватили напитки.

– Думаешь, нападение сейчас лучший вариант? - Григорий покачал головой и нахмурился. Он протирал свой бинокль и смотрел в даль.

– Однозначно нет. Мне кажется, что они не совсем понимают силу монстра и что он вообще из себя представляет, - Тимур поправил сумку на плече с оборудованием и отхлебнул чая. Максим согласно с ним кивнул. - Может это и не монстр вовсе? Что если это лишь какой-то из городских сумасшедших? Мала вероятность, что мы сможем сбежать даже с ключом. У нас тут до кучи оборудования для самых различных ситуаций. Так что, это будет, как погладить мех шмеля!

– Что? - Мирослав перестал что-то записывать в своём блокноте и покрутил головой.

– Легче лёгкого, но с изюминкой, то есть.

Тимур сообщил о решении команды и готовности помочь. Их провели к центру города. Там была пробурена большая дыра, внизу которой виднелся свет, такой же яркий, как сама планета снаружи. Ребята прицепили парашюты к спине, разбежались и прыгнули вниз. Парашюты замедлили падение и теперь можно было разглядеть, что происходило внизу: поле цветов, похожих на большие ландыши, кое-где валялись крупные бронзовые камни, будто это была пещера. При приземлении из растений выскочили зелёные насекомые, сродни маленьким кузнечикам, которые пытаются не попасть под ноги, убегая от незнакомцев. Арсений сразу стал фотографировать всё окружающее: листья, бутоны цветов, стебли, камни, Мирослава, который пытается вылезти из парашюта и найти свой блокнот.

– И-и-итак... - Григорий огляделся и не увидел ничего примечательного. - Куда дальше?

– Сказали, что тут уже есть тропинка, протоптыженная другими исследователями... Вон! - Максим вскинул руку в сторону неприметной тёмной тропки - она почти сливалась с цветами.

Вдалеке виднелась пещера, увенчанная большими кристаллами-колоннами у начала. Внутри было довольно светло: на потолке приклеились светящиеся звёздочки-стёклышки. Коридор заканчивался обширным гротом, посреди которого рассыпались крупные минералы светло-жёлтого цвета с яркой белой сердцевиной внутри. Самым необычным было скопление сталактитов нежно-зелёного цвета, они росли по спирали горизонтально и напоминали желе: мелко дрожали и колыхались от ветра.

Спираль дрогнула и рухнула вниз, зарывав. Ребята отошли назад и прикрылись руками от облака пыли. Перед ними предстал тот самый монстр, о котором говорил правитель... Это был кот. Крупный кот. На его мордашке красовался один большой голубой глаз, шерсть была длинная и пушистая. Он обнажил клыки и высунул язык.

– Шуша! - Железняков неуверенно улыбнулся хищнику. Его уши-кисточки дёрнулись. Кот встрепенулся, рыкнул и прыгнул вперёд. В следующую секунду Тимура уже не было видно за слоем шерсти, только антеннки пиликали и перемигивались. Кот радостно облизывал его макушку и гладил лапами плечи.

– Тима! - Арсений подбежал к ним, вцепился в шерсть животного и попытался потянуть на себя.

– Я в порядке, - его голос был приглушён. - Шуша, слезь, пожалуйста.

Кот послушно выполнил команду и уселся рядом, преданно смотря в глаза. Все удивлённо уставились на них, переглянулись. Казалось, только Максим не очень был удивлён и осматривал грот, перебирал кучки минералов.

– Это, так скажем, мой друг. На самом деле, я думал, это сон или что-то в этом роде. Я был ребёнком, когда он ко мне начал приходить, - Он качал головой, огоньки мигали, образовывая дуги. - Ты чего тут делаешь, друг? - Он почесал его за ушком. Кот кивнул на цветки, а потом на минералы. - Охраняешь? - Шуша кивнул и облизнулся. - А зачем?

Он мотнул мордашкой на центр кратера, где виднелись несколько ямок. Максим собрал несколько минералов в кулак и положил туда. По полу завитушками поплыла энергия, желтоватая и искрящаяся, она пошла дальше по стенам, и в центре потолка, где лежал Шуша, загорелась звезда. Должно быть они сейчас наладили поток энергии. Быстро собрав оборудование, парашюты, команда направилась к месту приземления. Сообщить о том, что они живы, помог Шуша, который мяукал достаточно громко, чтобы надоесть жителям и они вышли узнать, что вызывает шум. Теперь весь город преобразился в лучшую сторону: на улицах загорелись фонари, антеннки жителей радостно мигали жёлтым, в зданиях появились тёплые, телесные цвета. Тимур быстро объяснил горожанам, что Шуша только кажется большим и грозным, на самом деле он белый и пушистый внутри.

В благодарность правитель разрешил им забрать их геодезических роботов, Максим наконец нашёл себе дело и был доволен — всю дорогу обратно он бурчал, что зря летел сюда, ведь даже астроном пригодился в космическом пространстве гораздо больше, чем механик. Шушу в итоге забрали: не за чем было оставлять его на планете, ведь он пугал жителей. Арсений летит домой с шикарным букетом гигантов-ландышей, в бутонах которых и были спрятаны минералы, которыми питался город и жители. Мирослав всё не отрывался от своего блокнота, предвкушая, как ему заплатят сполна и начальство будет им гордиться, и мама с папой.

– А почему в итоге фигурки разбивались? - Григорий перехватил рычаг передач поудобнее и повернул штурвал.

– Хм-м-, думаю, они разбивались, приземляясь в поле цветов. Скорее всего даже не от приземления, а от кузнечиков. У меня, к примеру, о них остались синяки, - Тимур пожал плечами и перевёл центр тяжести при повороте.

– У тебя, синяки? Ты ж металлический! - Арсений убрал расческу от Шуши, который пытался её съесть. - Это противоречит всем законам!

–Я живу не для того чтобы следовать законам физики, - Гордо перемигивая антеннами, ответил Железняков. - Следуй я им постоянно, жизнь была бы скучной, да и не стал бы я космонавтом... А ты вообще из чашек пьёшь, чашка!

Вокруг пролетали созвездия, возможно даже миры. Шаттл медленно плыл по космическому пространству. На корабле не утихала жизнь: что-то перекачивалось,

скреблось, кто-то пытался подняться из-под огромного кота, а Мирослав всё писал и писал, обсуждая с Григорием самые яркие звёздочки галактики.

Ковалева Варвара

Между нами

- Привет, Лёль, гулять пойдёшь?

- Извини, заболела. Горло першит весь вечер.

- Ну, Лёля, мы же договаривались за неделю... Вечно ты так. Может, тебе просто не хочется со мной общаться?

- Вик, ну что ты! У меня действительно было много дел, а сейчас вообще плохое самочувствие. Неужели ты не можешь меня понять?

- Да, конечно. Выздоровливай.

Я положила трубку, и в комнате повисла тишина. Не могу поверить, что мы опять не сможем провести время вместе! Вообще, иногда начинает казаться, что Лёля специально меня избегает. Надо поговорить.

Через полчаса я уже стояла недалеко от Лёлькиного дома. В рюкзаке у меня была шоколадка и большая коробочка сока, на случай, если она действительно за что-то обижается. Говорить подруге я ничего не стала, иначе она не открыла бы двери. В последнее время Лёля на сообщения - то отвечала неохотно, так что о гостях не было и речи.

Быстро дойдя до нужного подъезда, я набрала номер квартиры «семь два». Гудки. Ничего. «Семь два». Гудки. Ничего. И так раз десять подряд! Хорошо, я подожду.

Вдруг какая-то бабушка вышла на улицу, тут же забежала внутрь, и громоздкая железная дверь захлопнулась прямо у меня за спиной. Стало как-то неудобно, и, если честно, я не до конца понимала, зачем вообще пришла. Казалось бы, ну не хочет с тобой человек общаться, так не навязывайся. Но сердце чуяло, что что-то не так.

Нажала кнопку пятого этажа, и лифт тронулся. Вот, я уже совсем близко. А если её нет дома? Нет, она же не могла обмануть, что болеет. А вдруг на самом деле Лёля ушла гулять с другой девочкой, а мне не сказала ничего? Ходят сейчас вместе, наверное, обсуждают меня... А я всё равно буду ждать, даже если никто не откроет! Домой ведь она должна вернуться... Сегодня, надеюсь.

Я позвонила в квартиру, но реакции не последовало. Тогда, прижавшись ухом к двери, я поняла, что внутри есть люди. Не просто люди, а родители! Что же они мне не открывают? Понимаю, не ждали гостей, но ради приличия ведь можно спросить: «Кто там?». Они о чём-то непринуждённо болтали, но разобрать о чём именно, конечно же, было

невозможно. Тогда я начала названивать, как самый наглый человек на свете, а затем прислоняться и подслушивать. Тон беседы вообще не менялся, что казалось очень странным.

Всё-таки, если бы в мою дверь так ломились, я бы как минимум начала возмущаться, а их реплики словно проигрывались с диктофона. Но вдруг так и есть? Нет, ну не сидит же она там, слушая записанные голоса родителей, в самом деле! Тогда я принялась неистово барабанить по обивке руками и лишь через пару минут услышала быстрые шаги.

Ну всё, мне крышка! Уже, мысленно приготовившись оправдываться, я напряжённо гипнотизировала дверь. Но несмотря на мои ожидания, из темноты квартиры выглянула...сама Лёля! Её лицо было каким-то бледным, практически призрачным, а большие зелёные глаза казались жёлтыми и злыми из-за противного «подъездного света».

- Лёлочка, что случилось? Тебе сильно плохо? Извини, что приехала, я просто хотела...

- Что ты тут забыла?

Это было очень грубо.

- Лёль, о чём ты? Мы с первого класса дружим, неужели я не могу навестить тебя во время болезни?

- Тебе же не открывали, чего трезвонить?

- Но ведь в квартире - люди!

Создавалось ощущение, что я сейчас лопну от нарастающего напряжения.

- Послушай, Вик, - начала она. – Ты чудесная подруга, но я не могу пустить тебя к себе. Просто, понимаешь, родители очень сильно поссорились, и...

- Я устала слушать враньё. Они спокойно разговаривали всё это время, игнорируя меня. Думаю, они мило сидели, а не ссорились!

Лицо Лёли сделалось ещё более злым.

- Ты обещаешь, что это останется между нами?

- Конечно. Клянусь на мизинцах!

- Тогда пошли.

Я аккуратно шагнула внутрь, и меня поглотил неприятный полумрак. Наспех повесив куртку в коридоре, я обратила внимание, что всё вокруг какое-то безжизненное... что ли. Да, я всё ещё слышала разговор родителей подруги, но только сейчас поняла: что-то не так.

- Часы, лампочка, носок, замок!

- Шапка, двор, олень, лекарства?

- Конь и щебень! Щебень!

Это был набор случайных слов.

- Лёль, у меня пара вопросов...

- Тихо! Не хочу их активировать. Они чуть не подорвались, когда ты начала долбиться к нам. Еле обратно усадила.

Краем глаза я осмотрела комнату, мимо которой мы проходили. Там, почти в полной темноте, спиной друг к другу сидели дядя Серёжа и тётя Света, произнося эти странные вещи вслух. Вдруг меня одолел невообразимый страх. Такой, что затряслись коленки. Что здесь вообще происходит?!

Мы оказались в комнате Лёли. Комната выглядела так, как будто по ней «Мамай прошёл», как любит говорить мой отец. Разбросанные детали, какой-то производственный мусор, несвойственный школьнице, и ещё очень сильный запах масла.

- Дело в том, что дядя Денис уехал в командировку в другую страну и немного там задержался. На две недели.

- И?..

- И мне самостоятельно нужно провести технический осмотр!

- Чего?

- Ну не только осмотр, я, конечно, вижу, что они и так не в порядке... Надо устранить проблему, произвести починку, так сказать. Иначе плохо кончится.

Они вообще не хотят сидеть на месте, включила вот режим беседы. Вроде, не гуляют.

- Ты сейчас о родителях своих? Брось, вроде первое апреля не скоро ещё!

- Да какое там апреля, на руки мои посмотри! Стала бы я так ради шутки мазаться?

И правда, почти до локтей они были чёрные, масляные.

- Давай сначала, то есть твоя семья – роботы?

- Не просто роботы, а высокотехнологичные биороботы с наличием сознания и иных человеческих черт. И я, кстати, тоже.

Моя челюсть отвисла до пола, когда грудная клетка Лёли вдруг открылась, как задняя крышка телефона, и передо мной во всей красе предстало её искусственное сердце.

Я осела на пол.

- Так, Вика, без обмороков! Сейчас водички принесу!

- Н-не надо в-водички...

- Ну вот, собственно, почему я не хотела приглашать тебя в гости. Да и гулять не могла. Нельзя их в бессознательном состоянии оставлять, дел таких натворят, что не разгребёшь потом!!!

- И что нам делать?

- Что-что - чинить! Я правда пока не могу разобраться, что к чему в этих древних моделях. У меня-то осмотр был ещё до дядиногo отъезда, да и требуется он мне реже. Дядя делает для меня новые детали каждые полгода, чтобы производить «пересборку». Я выросла на два сантиметра за год!

Подруга, улыбаясь, указала на дверь, где чёрточками был отмечен её рост в разные годы. Как же это всё странно...

- А ещё родители хранят мои старые детальки до сих пор. Скорее бы привести их в норму. Поможешь?

- А? Да, конечно! – сказать, что я растерялась, значит, не сказать ничего.

- Ты не представляешь, как давно я хотела с кем-нибудь этим поделиться! Я доверяла тебе всю жизнь, но мне было запрещено о таком распространяться. Надеюсь, это останется нашей тайной.

- Знаешь, Лёль, - поднявшись, я подошла к ней с максимально серьёзным видом, - я хочу сказать, что твой дядя - настоящий гений, раз создал мне такую прекрасную подругу. Я буду дружить с тобой, будь ты хоть... червяком!

Мы крепко обнялись, и я заметила облегчение в Лёлькиных глазах. И как это у робота получается так живо передавать эмоции? А, впрочем, какая разница, кто твоя подруга, если она может заменить сестру. Лёля поддерживала меня, когда глупые мальчики дразнили, а девочки пускали гадкие сплетни. Мы являлись опорой друг для друга на протяжении всей жизни. Что же я, не помогу её родителям в трудной ситуации после всего, что она сделала? Как бы не так! Я отдала ей гостинцы, и мы принялись за сложную работу.

Весь оставшийся вечер мы возились с родителями, подобно микрохирургам. Лёля рылась в настройках, перебирала сложные схемы, меняла масло и всё такое, а я лишь ассистировала.

Вдруг, я увидела, как дядя Серёжа шевелит бровями. «Быстро, собирайся, они не должны знать, что ты знаешь!» - засуетилась подруга. Я пулей вылетела из комнаты, наскоро помыв руки. Перешагивая порог квартиры, оглянулась на Лёльку, всю перепачканную и растрёпанную.

- Помни, клятва на мизинцах! - шутливо сказала она, после чего дверь закрылась.

Я неспешно шла домой, разглядывая вечернее небо. Ну, наконец-то, все дела сделаны, и уже завтра мы сможем погулять!

Вот здорово! Ни у кого нет такой подруги! И эта тайна останется только между нами...

НОМИНАЦИЯ «ПУБЛИЦИСТИКА/КРАЕВЕДЕНИЕ»

Саленн София

Огромная трагедия одной семьи.

Здравствуй, дорогая Таня!

Пишет тебе твоя сверстница – София. Сегодня 28 января 2024 года. Я уже почти полгода учусь в 5 классе. Для меня эти полгода стали самыми трудными днями учебы в школе! С сентября у нас появились новые учителя, новые предметы. Значит, новые требования. А я люблю учиться, на протяжении четырех лет учебы в начальной школе я была отличницей. Мне не хочется сдавать свои позиции. Я стараюсь! Мне сложно, трудно, но я не сдаюсь! В конце декабря я принесла маме приглашение на Директорский прием (это праздник, где администрация школы выражает благодарность и ученикам за отличную учебу, и их родителям за достойное воспитание детей). Я могла собой гордиться, что у меня все получилось. Меня всегда поддерживала моя мама. Она говорила: «Я знаю, что все будет хорошо, у тебя все получится. У вас в школе очень хорошие учителя». Учителя, действительно, у нас замечательные. Они многому нас научили и еще многому научат! Особенно учитель истории. Я люблю историю. Мне нравится копаться в архивах, в исторических документах; я люблю проводить параллели прошлого с настоящим. Вот и на этот раз учительница нам рассказывала о мужестве и героизме советских солдат в годы Великой Отечественной войны.

На уроке мы много говорили о Ленинграде (так назывался твой любимый город тогда, в годы проклятой войны), о подвиге, который совершили твои земляки. Я даже представить не могу, что вам, ленинградцам, пришлось вынести и преодолеть, сколько мужества вы проявили, оставаясь в окруженном фашистами городе. Я теперь знаю, что ваша блокада длилась 874 дня. Это почти два с половиной года. Вы - сильные и мужественные люди!

На уроке учительница рассказала нам о твоём дневнике как о реальном свидетельстве ужасов войны. Я листаю твой дневник. Всего девять страниц! Но каких! Таня, ты сильная и стойкая девочка! Читая твои записи, я поняла, что ты осталась совсем-совсем одна.

Таня, я знаю, что с начала войны вся ваша семья помогала армии, фронту. Твоя мама занималась шитьем формы для военных, сестра Нина работала на заводе и рыла окопы, брат Миша ушел на войну, а Женя стала донором. Это подвиг! Ведь вам самим нужна была помощь! Люди сотнями умирали от голода и холода, но вы до последнего вздоха верили, что вас вот-вот освободят.

Таня, твой дневник – это настоящий свидетель тех страшных дней! Он смог рассказать о преступлении, совершенном гитлеровцами против мирных жителей советского города. Твой дневник я видела только на фотографиях. Но... Я поняла, как много он значил для тебя. Это твоя история, печальная, трагичная история твоей большой семьи.

Из твоего дневника я узнала, что в первую блокадную зиму погибли все твои родственники. Я очень сожалею об этом и сочувствую тебе. Я не знаю, как такая маленькая девочка, как ты, жила в таких нечеловеческих условиях. Каждый день ты голодала. Даже хлеба не было, не говоря уже о каше! Печку растопить было нечем. Тебе было очень холодно, ты замерзала. Я теперь знаю, что первая блокадная зима была самой жестокой, холодной и голодной. В первую блокадную зиму погибло большинство жителей Ленинграда. Но город не сдался! Город продолжал жить! Работали школы, заводы, даже театры. Дмитрий Шостакович написал в блокадном Ленинграде первые три части знаменитой "Седьмой симфонии". Таня, ты знаешь, что премьера этой выдающейся симфонии прошла в Куйбышеве в 1942 году? Я слушала на уроках музыки фрагменты этого исключительного произведения. Меня тронуло. В этой музыке я услышала героизм советских солдат, которые отчаянно сражаются с фашизмом, и гордость за наших людей, сумевших выстоять и не сдаться. Таня, вы, простые жители Ленинграда, тоже борцы! Показать фашистам, что город живет, город не сдается, не встает на колени перед фашистами – это настоящая борьба, это настоящий подвиг. Вы боролись за жизнь, за свои мечты, за будущее без войны!

Таня, ты - настоящий герой! Таня, спасибо тебе за твою силу духа, мужество, смелость. Таня – ты научила меня не сдаваться, верить, мечтать! Теперь, когда мне бывает трудно, сложно, я вспоминаю тебя. Твое мужество придает мне уверенности. Я говорю себе: «Ты сможешь! Таня еще не такое испытала! Она была смелая. Ты, Соня, тоже должна быть такой же, как Таня!» Таня, ты для меня – настоящий пример!

Таня, 27 января исполнилось 80 лет со дня полного снятия блокады Ленинграда. В этот день у нас в школе прошли линейки памяти. Я вспоминала тебя. В классе я рассказал о Ленинграде и о тебе, о твоём подвиге, потому что современные дети должны знать о твоей жизни, о твоей смелости, о твоём подвиге! Твой подвиг навсегда останется в моем сердце и памяти! Об этом надо помнить, нельзя забывать, «какой ценой завоевано счастье...».

Головы в скорби великой склонив...

Лето... Какое замечательное слово! Но очень короткое, точно такое же, как и время, теплое, удивительное, запоминающееся, вкусно ароматное, но быстротечное! Поэтому каждое лето хочется ощутить много эмоций, получить море впечатлений. Где? Как? Конечно, путешествие.

И вот. Август, последний летний месяц. А мы еще столько не успели посмотреть, не успели узнать, ощутить, со столькими не успели встретиться!.. Собираем чемоданы. Проверяем машину. И вперед.

На этот раз папа поставил нас перед фактом, что везет нас, т.е. нашу семью, в Белоруссию. Там у него школьный друг проживает, в Борисове. Когда-то разошлись их пути-дорожки, а вот дружбу сумели сохранить. Настало время встретиться. И даже наше тяжелое время не станет препятствием для встречи.

2300 км. 2300 мыслей. 2300 чувств и ощущений. 2300

Я еду туда впервые, что там меня ждет? Что я оттуда привезу? Говорят, путешествуя, человек меняется. Я тоже изменюсь? Пока не знаю...

Через двое суток у нас была очень теплая встреча. Мы впервые увидели семью папиного друга, о котором многое слышали. Был долгий вечер приятных воспоминаний и добрых эмоций, слез и смеха.

Наутро мы все решили, что поедem знакомиться с городом, с его историей. Оказывается, Борисов - очень старинный город с богатой военной историей. Борисовский край связан и с Наполеоном, и с фашистами (здесь решалась судьба не только французской армии, но и всей Европы). Многие старинные здания хранят память последней самой страшной войне XX века. До сих пор стоит в руинах Борисовский замок, как напоминание о кровавых событиях той жестокой войны, много этот день мне принес впечатлений... Хочется все-таки еще ближе познакомиться с белорусской землей, хочется узнать ее тайны: о чем она думает, чем живет, чем дышит.

Решаем: завтра новое маленькое путешествие. Всего 70 км от Борисова.

"Что день грядущий нам готовит?"¹

Утро... День обещает быть жарким... Усаживаемся в машину. Едем... Почему-то мне не говорят куда. Почему? Чем сегодня меня хочет удивить белорусская земля? Какую ещё не открытую мне тайну она хранит? Или хочет о чем-то предупредить, предостеречь?

¹ А.С.Пушкин «Евгений Онегин»

Всего час... И... Надпись "Хатынь"... Какое интересное и непонятное мне название. Борисов, к примеру, все ясно: Борис основал, так и назвали. А Хатынь?.. Может, от слова «хата», то есть место с хатами? Возможно. Только где хаты, там люди... А здесь людей совсем нет, ну в смысле, местных жителей, живности там всякой. Где все это? Это же деревня? Да?..

Жуткая тишина и разрывающий эту тишину повторяющийся каждую минуту звон колоколов?.. Да, это и есть колокола, только звон какой-то поминальный, тяжёлый, знающий очень многое, готовый рассказать нам о трагедии, произошедшей здесь 80 лет назад. 22 марта 1943 года.

Входим на территорию... Впечатляющий монумент, на нем надпись: "186 деревень сгорели вместе с людьми".

Молниеносно проносится в голове вопрос: "Как? Все жители? И дети и взрослые?.." Не может этого быть! Сердце стучит всё сильнее. Я уже слышу только стук своего сердца, сливающийся со звоном набата. Не могу идти... Но хочу узнать, что же всё-таки здесь произошло? В чём виноваты мирные жители? Почему? Воюют солдаты, государство, а страдает мирное население? Дети, которые только начинают жить? Дети, у которых есть мечта?.. Раз... И всё... Оборвать одним разом и мечту, и жизнь.

Нас встречает непокорный отец Иосиф Каминский. Он держит на руках умершего сыночка, свою кровиночку, своего родимого. "Как же так? Вы же люди, - слышу голос отца. - Даже зверь не может убить своего детёныша. Изверги... Что сделали вам ребёнок? Он не держал в руках автомата! Он не направлял на вас дуло пистолета! Вы не люди! Нелюди!"

От услышанного меня пробирает холод. Не могу поверить, что в одночасье можно лишиться семьи: жены, дочери, троих сыновей. Так, просто, потому что наказали.

Иосиф Каминский - единственный взрослый свидетель Хатынской трагедии. Позже он вспомнит: «Убитые граждане падали на меня. Ещё живые люди местами в общей толпе. Лилась кровь из тел раненых и убитых... Обвалилась сгоревшая крыша. Страшный, дикий вой людей ещё усилился. Удалось протиснуться к дверям сарая. Неподалёку я увидел стоявшего и стрелявшего по пытавшимся спастись людям карателя. Меня ранили. Я претворился мёртвым. Когда уехали каратели, услышал знакомый, но очень слабый голос: "Па-па...". Это был мой сын. Он был словно перерезан пулями пополам. Сынок успел спросить про маму и сестру, но ответа он уже не услышал...»²

Иду дальше, в груди волнение, трепет, страх.

Воссозданные улочки Хатыни, дома, таблички с именами тех, кто проживал.

² <https://www.savehistory.by/nashi-geroi/iosif-kaminskiy-edinstvennyy-vyzhivshiy-v-tragedii-khatyni/>

"22 марта... весна... ещё прохладно, но уже небо синее, чистое. Солнце высоко. Скоро-скоро всё расцветёт. Зазеленеет трава. Скоро-скоро закончится эта проклятая война. Надоело каждый день бояться. Устали от этой неизвестности. Ежедневно слышать автоматные очереди, а не пение птиц. Как хочется мира. Моему брату Мишеньке сегодня исполняется два года. Будет праздник!.. Мы постараемся сделать сегодняшний день весёлым..." - слышится мне около дома номер пять, где висит табличка Новицкие Александр и Александра, их дети: Леонид, Евгений, Мария, Анна, Константин Анюта, Михаил.

Пробирает дрожь. В этот день семья Новицких готовилась к дню рождения самого маленького, самого любимого братика Мишеньки. Они не знали, какой подарок приготовили фашисты.

Поднимаю глаза кверху и вижу над домом маленького ангелочка. Он как будто растворился в воздухе. но я явственно слышу его голос, детский, чистый, невинный: „Я не думал, что на мой день рождение соберется вся деревня! Значит, все меня любят? Правда?"

Не могу смотреть ему в глаза. Стыдно и совестно за поступки взрослых людей, стыдно за отнятые детские жизни, стыдно за неосуществленные детские мечты, стыдно, что взрослые обнадёживают детей, а дети им верят...

В этой деревне 26 домов! В каждом дети, старики, женщины. 149 жизней. 75 - детских!

Дом № 22.

Слышу:

- Спи, сынок, спи родной.

Баю-баю-баю-бай.

Спи, мой ангел засыпай!

Девятилетняя Надежда Яскевич чистила картошку, Шестилетний брат Владислав носил дрова в дом. Надо, чтобы было тепло, ведь в хате маленький братик Толик, ему всего семь месяцев. Мама его укачивает. Он всю ночь плакал. Маленькие дети часто по ночам плачут. Вот теперь минутка тишины. Хочется много успеть: прибраться в доме, накормить скотину, приготовить обед. Маме одной не справиться – помогают старшие.

Прислушиваюсь к сердцу. Столько разных эмоций я никогда не испытывала. И гнев, и жалость, ненависть и любовь, жестокость и нежность к малышу. Он-то в чем виноват?

Явственно вижу в небе над нами 75 ангелочков! И у всех вера в глазах, вера в людей!

У меня не укладывается в голове, что из-за встречи с партизанами утром 22 марта 1943, когда была обстреляна автоколонна фашистов, что из-за смерти одного немецкого офицера, озверевшие фашисты вынесли смертный приговор ни в чем не повинным мирным

жителям. Не могу поверить, что можно было все население деревни от мала до велика согнать в один сарай... что прикладами автоматов поднимали с постели больных стариков, женщин с грудными детьми.

Иду мимо сарая— памятника. Он поставлен там, где стоял сожженный сарай с людьми. Ясно слышу: "Мама, мамочка, мне страшно...Мне тяжело дышать... Не могу..." "А ты прижмись ко мне. Я крепко держу тебя, Региночка..." Я вздрогнула. Это я? Мне? Нет! У девочки такое же имя, как у меня. Только судьба другая, печальная, трагичная. Регине Иютке всего 6 лет. Как много она испытала, как много она вынесла страданий за свои 6 лет.

И опять... Ангелы в небе! Боже, какая суровая правда!

Как жестоки бывают люди! Так и хочется сказать: люди останьтесь людьми, сохраните человечность!

Уезжать было мучительно, невыносимо больно. Все молчали, как будто тоже страдали вместе с теми людьми, которые были сожжены в сарае, только страдали от боли другой, не прекращающейся через 80 лет.

Да, Хатынь - тяжёлое место! Страшно, что таких деревень, сожженных нацистами на территории Белоруссии, было сотни! А это тысячи мирных невинных жизней!

Уезжала я из этого места с горьким сердцем. На глаза накатывались слезы скорби и горя, безутешного, незаживающего.

Война закончилась 78 лет назад, а горе не уходит! Деяние фашистов – это настоящее преступление против человечества, и в наших силах остаться людьми, сохранить друг к другу любовь, сострадание, гуманность. Мы не должны допустить таких трагедий!

В настоящее время идут военные действия на территории Донбасса, Запорожья. Я не видела следы от разрыва бомб, снарядов. Но понимаю, что опять страдает мирный народ! А это дети, старики, женщины! Страдания, лишения, тревоги, боль! Дети должны жить, мечтать, радоваться открытиям...

Да, иногда путешествие приносит и такие эмоции, испытываешь и такие чувства! А вы были в таких путешествиях?

Мне было пять лет...

Во всем мире 11 апреля - в День памяти освобождения узников фашистских лагерей - вспоминают тех, кто пострадал от фашизма, кого убил нацизм. Этого не должно повториться!

Более одного миллиона детей и подростков было отправлено в концентрационные лагеря в годы Великой Отечественной войны. Большинство детей, прибывших туда, подлежало уничтожению. Маленькие люди, только начавшие свой жизненный путь, вместо радости и счастья, стали биологическим сырьем, подопытным материалом и малолетними рабами.

Судьба детей военного времени страшна. Нацистская политика - уничтожать детей, не жалеть никого. Например, евреев и цыган сразу убивали. Слабых или маленьких отправляли тоже на смерть в газовые камеры. Детей подвергали бесчеловечным экспериментам, из них выкачивали кровь для фашистских раненых, им давали конфеты с ядом, гоняли голых по морозу. Многие умирали от голода, замерзали, не выдерживали издевательств и физической нагрузки.

Из лагерей живыми вернулись немногие. Те, кому это удалось, вспоминают эти годы со слезами на глазах.

Моя семья знакома с одной из узниц концлагеря. Ее зовут Кожинова Вера Серафимовна. Я встретила с ней и попросила рассказать о своем детстве.

Алена: Здравствуйте, Вера Серафимовна. Рада Вас видеть. Простите меня, если то, о чем я Вас спрошу, будет тяжелым воспоминанием. Я знаю, что вы были Председателем Асбестовской организации бывших узников малолетних жертв нацизма, что маленькой вы попали в концлагерь.

Вера Серафимовна: Да, действительно это так. В городе Асбесте нас, малолетних узников концлагерей, раньше проживало 56 человек. Война заковала нас в колючую проволоку.

(Вера Серафимовна достала папку, вынула из нее лист)

Алена: Что это?

Вера Серафимовна: Это мы, прошедшие этот ад. Наши имена.

Алена: (беру лист и начинаю читать). Рожденные в 1926, 1929, 1930 годах. Этим ребятам, когда началась война, было 14-11 лет. Как мне, мне 14 лет. Антипина Роза Иосифовна, Винарская Галина Петровна. Родились в 1943 году. Они ведь совсем маленькие. Ахромеева Тамара Фроловна, Савина Тамара Александровна, Кожинова Вера Серафимовна. Родились в 1936 году. Вам было пять лет, когда фашисты напали на нашу Родину?

Вера Серафимовна: Я родилась 15 июля 1936 года в посёлке Лесном Суземского района Брянской области. Фамилия моя была Дорошева Вера. Мой отец работал в лесничестве и с первых дней войны ушёл защищать страну. Мама осталась с четырьмя своими ребятишками, племянницей и младшей сестрёнкой. Еще с нами жила бабушка, а дед погиб, подорвался на mine. Да, мне было 5 лет...Я помню, как в наш посёлок пришли оккупанты. Люди побежали лес, чтобы спрятаться. А наша семья не успела. Мама была одна, а нас шестеро маленьких. Фашисты схватили нас у самого леса и угнали в соседнюю Сумскую область в районный центр Середина Буда, где находился концлагерь. В лагере мы все заболели тифом, младшая сестрёнка умерла.

Алена: Это на Украине был лагерь?

Вера Серафимовна: Да. На границе с Украиной. Мы жили в полевых условиях. Пленными в основном были многодетные матери, которых фашисты рано утром выводили на принудительные работы. Малыши от голода целый день кричали, а дети постарше, плача от жалости, нянчили их, как могли. Мы не знали ни игрушек, ни игр. Очень холодно было, кушать всегда хотелось. Мы слышали, как расстреливали партизан, как страшно лаяли собаки. Хорошо, что моя мама и бабушка были рядом, они обнимали меня всегда.

Алена: Вы ждали Красную Армию? Верили в освобождение?

Вера Серафимовна: Конечно, верили. Но когда нас освободили, мы не могли уйти домой. С Брянщины фашистов еще гнали. Вернулись мы в поселок лишь в 1944 году. До войны в посёлке было 340 домов, а после оккупации остался один погреб. В нём спали дети, а взрослые - в шалашах.

Алена: Очень страшно. Это чудо, что Вы выжили в эту страшную войну. А ваш папа, который воевал на фронте?

Вера Серафимовна: Мы думали папа погиб. Но однажды получили письмо. Отец жив, лечится в Свердловском госпитале. Потом он всех нас перевез на Урал. Так я попала в Асбест.

Алена: Вера Серафимовна, я знаю, что Вы работали учителем, профессию и учеников очень любили.

Вера Серафимовна: Да, работала в школах 30, 21. Потом преподавала швейное дело в учебном комбинате, раньше уроки труда там проходили.

Алена: А Ваш муж? Дети и внуки?

Вера Серафимовна: Мой муж работал машинистом экскаватора в Центральном рудоуправлении. У нас сын Марк и дочь Люба. Есть внук и четыре внучки. Правнук и правнучка. Я так счастлива, что у них счастливое детство, такое, какое и должно быть. С играми, без забот, они ходят в детский сад, рисуют, поют. Мир – это главное, что должно

быть у людей. Фашизм и нацизм - это жестокость, бесчеловечность, смерть. Слова счастье и фашизм просто несовместимы. И надо помнить о той страшной войне, чтобы эта трагедия не повторилась.

Потом мы с Верой Серафимовной посмотрели фото, она дала мне на флэшносителе документы – имена всех 56 малолетних узников концлагерей, живших в Асбесте, записанные воспоминания тех, кто ребенком оказался за колючей проволокой, видеоролики, в которых рассказывается о тех страшных годах.

Вере Серафимовне Кожиновой 87 лет. Я пожелала ей здоровья, поблагодарила за встречу. А материалы, которые она мне дала, обязательно покажу сверстникам на классном часе. Эти преступления против детства, против всех людей, эту войну забыть нельзя.

Фомин Егор

«Русская гармонь – душа народа»

У каждого народа есть своя неповторимая «изюминка», своё «родимое» пятнышко. У испанцев – зажигательная коррида, у итальянцев – вкуснейшая паста, у аргентинцев – большой футбол, а у россиян ... В этом знаменитом ряду среди перезвона колоколов, чистоты русских берёз, золота ржаных полей, плача гонимых ветром журавлей, - центральное место занимает русская песня и любимая русская гармонь.

Народная музыка и волшебные переливы гармонии всегда благотворно влияли на души людей. Гармонь можно смело назвать нашим культурным и национальным символом. Она была накрепко связана с жизнью народа: и в праздниках, и в буднях, и на войне.

Гармонь и война. Казалось бы, понятия, которые не сочетаются... Когда речь идет о проводинах, о свадьбе, о народном гулянии, - это одно, а это ВОЙНА! Ужас, кровь, смерть, страдания, жестокость и... вдруг звонкая мелодия русской гармонии. Кто-то скажет, что во время войны не до музыки и не до песен было. Ан нет, золотые слова Александра Твардовского и образ простого русского солдата Василия Теркина с гармонью за плечами: «Гармонь была как сто дивизий, что победила ад и смерть!³» Песня спасала, песня согревала сердца бойцов, песня иногда задорная, а иногда душевная дарила покой и светлые воспоминания о доме.

³ Поэма «Василий Теркин», написанная А.Т. Твардовским в 1942-1945 г.г.

Важную роль в истории моей семьи сыграла гармонь. Казалось бы, распространенный музыкальный народный инструмент. «Любимая гармошка», - как говорил когда-то мой прадедущка Григорий Александрович Фомин. Но сколько фронтовых воспоминаний связано с ней!

Прадед не учился в музыкальной школе, не осваивал музыкальную грамоту, но был одаренным гармонистом, имел хороший слух, понятие ритма и отличную память. Во всем проявлял находчивость, смекалку, выдержку и мужество, нередко, организаторские способности. Вспоминал о своем боевом пути, где неизменно рядом с ним была гармонь.

На привалах, после боя его «фронтальная подружка» творила чудеса: слушали бойцы задушевные звуки гармонии, притопывали и подпевали любимым песням, и тут же стихийно душа рвалась в пляс. Равны были перед русской гармошкой и молодые новобранцы, и бравые капитаны со Звездой Героя на груди. Гармонь и русская песня, как щит и меч русского духовного оружия, поднимали боевой дух товарищей. Под светлый, жизнерадостный голос гармонии в сердце каждого солдата зарождалась надежда, что война скоро закончится, и победа будет за нами!

Гармонь объехала с прадедущкой немало фронтовых дорог. В госпитале, когда был ранен, выручала гармонь и песня. Она давала силы жить, будоражила кровь, врачевала израненные тела и души бойцов. «Барыня», «Смуглянка», «Рассыпуха», легендарная «Катюша» - песни, написанные простым и понятным русским языком, помогали начисто погасить чувство страха и выстоять в самых экстремальных условиях.

Прадед прошел всю войну, встретил победу в Австрии. Когда прозвучало долгожданное слово «Победа!» - обнимались, целовались, кто плакал, кто смеялся. Под звуки гармошки, которые весело лились со всех сторон, начинались песни и пляски. Гармонисты были молодцы! Столько энтузиазма и веселья было в их игре, что каждый солдат мог прочувствовать радость великого события. Победа! Победа! Победа!

Закончилась Великая Отечественная война, наступило мирное время. Григорий Александрович вернулся домой. Каждый раз, доставая гармонь, звучали песни военных лет. Песни огненные, которые трогают сердце своей прямоотой, трагизмом, душевностью. «Землянка», «Синий платочек», «Темная ночь». Их исполнение возвращало к вечно живым воспоминаниям военных лет: «Гармонь была как сто дивизий, что победила ад и смерть!⁴»

Шли годы, все дальше в глубь истории уходило страшное слово «война», теперь уже дети и племянники Григория Александровича умело аккомпанировали себе на музыкальном инструменте. Гармонь звучала заливисто и звонко.

⁴ Поэма «Василий Теркин», написанная А.Т. Твардовским в 1942-1945 г.г.

Гармонист в селе - фигура центральная, «первый парень на деревне», завидный жених. Без него не обходились ни вечерние гулянки, ни свадьбы, ни проводы в армию. Пели частушки, развесёлые народные песни, но ни одно застолье не обходилось без фронтовых песен.

Как вновь не вспомнить Великую Отечественную, если каждую семью не обошло стороной это страшное время? Многие односельчане так и не вернулись с войны, пропали без вести, многие до конца своей жизни носили в себе осколки вражеских снарядов. Звучат мелодии военных лет, и каждый – от мала до велика подпеваает гармонисту:

«Эх, дороги... пыль да туман,
Холода, тревоги да степной бурьян.
Знать не можешь доли своей:
Может, крылья сложишь посреди степей⁵».

Военные песни звали в бой, скорбели о погибших, вселяли бодрость и напоминали о далеких любимых, дорогих, путь к которым идёт через войну. Да! У нашего народа есть прошлое, настоящее и будущее, многовековая история, культура и великое русское слово. Нам есть что сохранять, развивать, ради чего жить.

Дети Григория Александровича выросли, каждый из сыновей, а их было б! - отдал свой долг Родине службой в армии. Мой дедушка – Фомин Владимир Григорьевич, служил хоть и в мирное время, зато в воздушно-десантных войсках в Литве. На службу провожали всем селом. Переливистые звуки гармони заряжали будущих солдат оптимизмом и верой в свои силы.

Дедушка вспоминает то время, как настоящую школу мужества. Не зря десантников называют «элитой армии» и говорят, что они «бойцы земли и неба».

За время службы в ВДВ Владимир Григорьевич совершил немало прыжков с парашютом, каждый раз перед вылетом спасали от напряжения звуки родной тульской гармони.

Кто сказал, что во время службы в армии не нужна песня? На далекой стороне родные мотивы как никогда скрашивали тоску по дому. И вот уже песню подхватывают боевые товарищи. У каждого своя малая родина, свои обычаи и традиции. Песни иногда лучше политруков говорили о патриотизме, солдатской дружбе и любви. Дедушка привёз дембельский альбом, в котором помимо фотографий с большой любовью были записаны известные нам всем песни и их народные вариации. И такие альбомы были у многих солдат.

⁵ Советская песня «Эх, дороги...», написанная Анатолием Новиковым на стихи Льва Ошанина в 1945 г.

У каждой песни, родившейся в период военной службы, своя история, свой путь и своя судьба.

Любимая гармонь и песня – друзья бойца. Они, как никогда, помогали сплотить товарищей, помогали легче переносить тяготы боевой солдатской жизни, поднимали боеспособность и формировали настроение всего личного состава.

Служба в армии не прошла для моего дедушки зря. Когда я спрашивал у него: «Чем тебе запомнилась армия»? Он, как и положено военному человеку — быстро, четко, без запинки называл главные качества, которые сформировались в воздушно-десантных войсках: «Человечность, справедливость, чувство долга».

Военная служба осталась позади. Встречают дембелей всем селом. Соседи сдвигают столы, выносят нехитрую закуску, соленья, заводят песни под гармонь. Сосед-фронтовик дядя Витя достает трофейную гармонь и поет «Застольную»:

«Ну-ка, товарищи, грянем застольную!
Песню отцов, матерей!
Выпьем за тех, кто командовал ротами,
Кто погибал на снегу,
Кто в Ленинград прорывался болотами,
Горло ломая врагу...⁶»

Важную роль сыграла гармонь в зарождении семьи Фоминых. Представьте: статные, сильные, смелые, вежливые, а в форме ещё и красивые. Каждая девчонка мечтала выйти замуж за такого бойца. А если боец еще и на гармони играет так, что душа разворачивается – просто сказка! Так мой дедушка произвел впечатление на бабушку, с которой они вместе прожили уже 49 лет:

«Заиграй, сыграй, тальяночка, малиновы меха.
Выходи встречать к околице, красотка, жениха.
Васильками сердце светится, горит в нём бирюза.
Я играю на тальяночке про синие глаза⁷».

Мой папа – Леонид Владимирович Фомин не стал гармонистом как его дед и отец, но за компанию с дедушкой может исполнить нехитрые мелодии. Главное – желание и большая любовь к народной музыке и инструменту.

Мой дедушка весело любит говорить, что он уже со всех сторон дед. У него четверо внуков, да и в районе он самый старый ВДВ-шник. Бывает, соберутся с ребятами вспомнить

⁶ Советская песня «Волховская застольная», написанная Исааком Любаном на стихи Павла Шубина в 1942 г.

⁷ Стихотворение «Заиграй, сыграй, тальяночка...», написанное С.А. Есениным в 1912 г.

годы службы в армии: кто стар, кто млад. Но когда начинает звучать веселая гармошка – возрастные границы стираются, и уже весело все подпевают песни военных лет:

«Эх, путь - дорожка фронтовая,
Не страшна нам бомбежка любая.
А помирать нам рановато,
Есть у нас еще дома дела...⁸»

Мы поддерживаем дедушку во всем. Да и как не зарядиться весельем и оптимизмом, когда зажигательная мелодия так и льется из знакомой любимой гармошки!

Дедушка рад, что растет достойная смена, а мы радуемся тому, что у нас есть такой дедушка!

«Гармонь была как сто дивизий, что победила ад и смерть!⁹» - вновь вспомнились слова русского поэта, когда в редакцию местной газеты «Алапаевская искра» зашел мужчина с гармонью в руках. Это мой дедушка - Фомин Владимир Григорьевич решил поддержать наших бойцов, участвующих в специальной военной операции:

- Вот принес свою тульскую гармонь! – протягивая музыкальный инструмент, сказал Владимир Григорьевич. – Больше тридцати лет служила она мне верой и правдой, пусть сейчас ребят наших воодушевляет на победу. В боях – не до музыки будет, а вот в минуты отдыха, между боями или в госпитале – в самый раз! Для наших ребят пусть служит.

Сегодня, в это непростое для всей страны время, когда жестокая битва происходит не только на поле боя, но и в сфере культуры, миропонимания, мироустройства, - сердце народа, его духовные ценности, история, вековые традиции, культура и русский язык как никогда нуждаются в НАШЕЙ воле, НАШЕЙ правде на НАШЕЙ земле! Поэтому важно, чтобы звуки любимого русским народом инструмента не смолкали и продолжали волновать сердца слушателей.

Чтобы каждому из нас почувствовать себя русским, надо петь песни, которые пели наши предки. Только так мы объединимся в единое целое. А русская гармонь всегда была нашей верной подругой и вечной спутницей. Если такая сила у русской песни и русской гармонии, то сохраним ее нашим потомкам! И еще, народ, который сочиняет и поет такие песни, нельзя «сломать». Его можно очень сильно согнуть, но «сломать» нельзя! Слова русской песни под гармонь одинаково близки седым ветеранам и молодежи.

⁸ Советская песня «Песенка фронтового шофёра», написанная Б. Мокроусовым на стихи Б. Ласкина в 1947 г.

⁹ Поэма «Василий Теркин», написанная А.Т. Твардовским в 1942-1945 г.г.

Родной с детства.

Говорят, что у птички-ореховки отличная память, конечно, и я не исключение. Из всех людей, которых я встречала, больше всего мне запомнился один интересный путешественник. Но запомнила я его не потому, что он был добр ко всем и предан был своей Родине, а потому что был глуп! Он странствовал по разным странам и городам и всё искал ответ на вопрос: какой же у людей во всём мире любимый язык? Странно, ведь ответ был очевиден, а вот глупец пока его нашёл.

Как-то раз, приехав из столицы Монголии Улан-Батора к себе на родину - в город Ростов, думал он, куда бы ему отправиться дальше. Вместе с ним я побывала во многих странах! Это было удивительно, как за несколько лет можно было объехать почти весь мир! В общем, вспомнив все места, где он был, из нашего Ростова мы отправились в Пуну – город в Индии!

Приехав в город, дабы найти ответ, он сразу начал спрашивать прохожих: «Какой ваш любимый язык?». Говорил он на английском, так как это международный язык, но не все индийцы могли на нем свободно разговаривать, а значит, и понять путешественника. Ну а я свысока наблюдала за всей этой пустой болтовней. У всех людей ответы были совершенно разные! Но все же большая часть отвечала: «Хинди». Это язык, на котором говорят в Индии. Проведя еще пару дней в этом городе и спрашивая людей, он, не найдя ответа, решил отправиться обратно. «Как он все еще не догадался?» - думала я. Отдохнув, он начал размышлять над ответами людей. Несколько дней и ночей он лежал, думал, предполагал. Сколько же времени он потратил на раздумья! Тогда он принял решение – если не найдёт ответ, посетив еще один город, точно сдастся.

Выбрал странник город Китая – Гуанчжоу. Этот город просто волшебный и необычный по своей удивительной красоте и истории! Как обычно, по приезде в город ринулся он спрашивать людей. У него уже были догадки, что половина людей ответит: «Китайский». ... И тут его осенило! Был он в Англии, где люди отвечали: «Английский». Побывал он и в Бразилии, там ответ был – португальский. В Индии ответом был язык хинди. Он понял, что любимый язык каждого человека во всём мире тот, на котором он говорит с детства и хорошо знает. Это язык своей Родины! Ведь он сам вырос в своем родном городе Ростове, где говорили на русском, это и был его любимый язык. Как же он обрадовался, когда нашел то, что искал несколько лет – ответ на такой понятный всем нам вопрос! Даже мне на душе стало весело от того, что все его старания были не напрасны. Но вот и его странствия закончились, и мне пора

возвращаться на свою Родину – в таежный лес. Как ни говори, а родной язык всегда останется родным...

Тумакова Алена

Черемуховое дерево

Учитель – какое главное и значимое слово! У каждого из нас в жизни свои учителя! Они разные, но очень любимые и достойные! В любом случае учитель – от слова учить. Он умеет передать опыт, привить человеческие, нравственные ценности. Он образец для подражания, тот, кто навсегда останется в твоём сердце, будет гореть, как маячок, подсказывая дорогу, и чей бесценный опыт заставит тебя однажды задуматься ... о самом сложном и одновременно простом.

Эта работа не о школьных учителях. В ней я хотела бы вспомнить своих прадедушку и прабабушку. Моя семья трепетно хранит память о тех, кто прошел войну. Они тоже настоящие учителя: совершили подвиги, готовы были принести себя в жертву в тяжелые военные годы, выжили, не сломились, сохранили в себе человечность. И хотя они давно уже на небесах, мне кажется, что мы до сих пор получаем от них бесценный опыт, ведь моих родственников, а значит, и меня эти люди сопровождают в жизни. Так считает моя мама. Мы помним, как непросто было пережить войну и не растерять в себе человечность. Истории, которые я расскажу, достоверные, и они передаются из поколения в поколение.

Моя прабабушка, Тарабукина Анна Ивановна, родилась в Ленинграде в 1929 году. Во время блокады она потеряла всех родных, а сама выжила благодаря своей маме, которая отдавала последнее и однажды точно решила, что должна выжить дочь, а не она... После смерти последнего и самого близкого человека Аню выводили в приюте. Бабушка совсем не любила вспоминать об этом. Однако об одном событии она рассказывала постоянно. Так утверждали ее дети и внуки.

Окончание войны. Первая, вроде бы победная, настоящая весна! Но не привыкли еще люди к счастью! Она возвращалась с завода домой. Шла медленно, успокаивая себя от усталости, не замечая прохожих, которые куда-то спешили, радуясь долгожданному теплу. Навстречу беспечно бежала детвора. Анна не успела опомниться, как нежные, слегка желтоватые, совсем юные цветочки черемухи коснулись ее шершавой, натруженной руки. Что-то до боли знакомое вспомнилось ей: аромат весны, выпускной вечер, живые родители и счастливые довоенные будни... В раздумьях она подняла голову и увидела... высокое, сильное дерево, одиноко стоявшее между домами. Оно было похоже на невесту, скромно и

стыдливо укрывшуюся фатой. «Как же я раньше не замечала этого? – подумала моя прабабушка и добавила. – Как это дерево, достающее кроной до второго этажа, могло выжить в войну, да еще и в блокадном Ленинграде, когда все сжигали всё, чтобы растопить печь и согреться. Неужели люди на пороге смерти думали о растущем дереве?» «Я живая, - будто бы улыбнувшись, сказала черемуха. – И вы живые! И ты живая, деточка! А все остальное – пустое!» Аня улыбнулась, глубоко вдохнув аромат цветущего дерева и, распрямив уставшие плечи и спину, зашагала дальше. Теперь уже навстречу к Жизни!

Со своим будущим мужем, моим прадедушкой Тарабукиным Иваном Захаровичем, она познакомилась после войны. Дедушка тоже не любил вспоминать о страшных военных событиях, но мои родственники бережно хранят память о нем в семейном альбоме. Мы знаем, что он родился в 1922 году в деревне Коротково Курганской области. Во время Великой Отечественной находился в составе 3-го Украинского фронта, который внес значительный вклад в Победу, участвовал в Днепропетровской, Кишиневской, Белградской, Будапештской, Венской и других наступательных операциях. В изложении его боевого подвига (помимо личных архивов есть информация на различных сайтах, например, «Память народа») сказано, что И.Тарабукин был одним из лучших разведчиков дивизиона. На его счету множество засеченных артбатарей, минбатарей и других точек противника. За проявленное мужество и отвагу Иван Захарович был удостоен правительственной награды ордена «Красная звезда», отмечен медалями «За отвагу», «За трудовую доблесть», «За боевые заслуги» и орденом Отечественной войны второй степени. Да, прадедушка прошел огромный боевой путь, дошел до Берлина, но он никогда не хвалился своими медалями и не рассказывал о подвигах.

После войны Тарабукины остались в Коротково, где у них родилось двое детей: Галина (моя бабушка) и Татьяна. К сожалению, нам с мамой не удалось застать дедушку живым, но по рассказам родственников мы можем сказать: Иван Захарович обладал сильным характером, что подтверждается стихотворением «Фотография деда» Сергея Перунова, его внука, шадринского поэта, автора нескольких поэтических сборников.

Незатейливый сделал портрет
Деревенский фотограф-любитель:
На меня смотрит с карточки дед,
Хоть давно он уже небожитель.

Черный пот вытирает со лба
Рукавом полотняной рубахи.
На войне был разведчик-солдат,

После – скотник, механик и пахарь.

А работа была на износ,
Да к тому же еще и задаром,
Мужиков – десять душ на колхоз,
А земли-то гектары, гектары...

Полусказку творя, полубыль,
Не сломили тебя душегубы.
Развлечения: водки бутылъ
Да гармонь в развалившемся клубе.

Ты не спился и не озверел
В годы культа, в период застоя,
Ведь черемухи белой цветок
Распускался к Победе весною!

Время шло, проносились года,
Их считали от сева до жатвы.
Жизнь не продал, недаром страдал,
Помнить будет тебя вся держава!

Вырос деревом тонкий росток,
Что посажен тобой за оградою.
Я поставлю сегодня на стол
Пожелтевший портрет-фотографию.

Это черемуховое дерево, посаженное прадедушкой (так он его называл) в палисаднике деревенского дома, в Коротково растет и сегодня. Это память о дедушке и бабушке, Анне и Иване Тарабукиных, прошедших Великую Отечественную. Черемухе больше семидесяти лет. И каждый редкий раз, когда приезжаем туда, мы вспоминаем слова: «Я живая! И вы живые! И ты живая, деточка! А все остальное – пустое!»

9 Мая, в День Победы, мы обязательно будем в строю Бессмертного полка с портретами наших ветеранов. И, как обычно, дома поставим «пожелтевший портрет-фотографию», а рядом букет из черемухи. И, как обычно, будем ждать лета, чтобы вновь вернуться в дом с черемуховым деревом и почтить память самых дорогих людей,

совершивших настоящие подвиги. Не это ли настоящие учителя, которые выиграла Войну?
Точнее сказать, выстояли!

Жизнь, смерть, война, страдание, горе...

Запах черемухи! Победы в доме!

Бесценный опыт, а на сердце раны...

Спасибо Вам, родные ветераны!

Ваши уроки и подвиги останутся в наших сердцах навсегда! Мы всех будем помнить!

Соболева Анна

Письмо внукам от моего прадедушки Павла Савельевича Ворончихина

Несколько недель назад закончилась Великая Отечественная война. Я возвращался в родную деревню и уже не мог дождаться встречи с моими родными. Я знал, что дома меня ждут мама, сестра и любимая жена с дочкой. Как же я по ним скучал!

Я шагал по знакомой улице, ноги будто сами несли меня к дому. Деревня выглядела печально, многие дома опустели, некоторые разрушены. Лес, который ранее покрывал деревню зелёной завесой, заметно поредел, оставшиеся деревья выглядели серо и бедно. Я не вглядывался в этот пейзаж, так как предвкушал встречу с семьёй. В моей голове то и дело возникали образы родных. Вот они все хлопчут по дому. Мама готовит что-то на кухне. Как же приятен запах этой домашней еды. Он словно пропитывает всё вокруг, окутывает тебя, погружая прямиком в детство. В детство, где всё так ярко и беззаботно, туда, где самое защищённое место - это дом, и не существует никаких проблем, и нет этой разрушительной войны. Сестрёнка Евдокия, скорее всего, вяжет. Спицы в её руках быстро ударяются друг о друга с тихим металлическим звуком. И непонятно, как она так быстро набирает новый ряд петель. А моя Аринушка, наверное, нянчит доченьку. Я её ещё даже не видел, но мы хотели назвать её Леной, Леночкой, в честь бабушки...

За этими приятными размышлениями я и сам не заметил, как зашёл в дом. Из спальни, услышав скрип открывшейся двери, выглянула Евдокия. Она явно не ожидала меня увидеть.

– Паша, ты вернулся! Мы тебя так ждали! – воскликнула она. И в этот момент на глазах сестры проступили слёзы, она затараторила что-то невнятное и глубоко мне неясное. Евдокия часто так делала, когда начинала переживать. Я подумал, что её волнение связано с моим возвращением, поэтому просто приобнял её, продолжив слушать. Я успокаивал сестру и всё пытался уловить суть её речи. Но она плакала, заклёбывалась в слезах,

начинала заикаться, и плач её раздавался с новой силой. Мне казалось, Евдокия упорно пытается выговорить что-то очень важное, значимое. Вдруг с её уст буквально сорвались два слова, которые она так долго пыталась произнести: «Арина умерла!».

Всего два слова, но они заставили меня оглохнуть и ослепнуть. Я перестал осознавать происходящее. В моей голове по кругу множество раз звучали эти слова. Вокруг всё плыло и шаталось. Я не понимал, что происходит. Я собрался и, тряхнув Евдокию, попросил её повторить то, что она сказала. Я не ошибся. Осознание произошедшего чуть не свело меня с ума. По моим щекам потекли слёзы.

Может, всё это страшный сон, и я вот-вот проснусь? И тогда окажется, что я просто уснул по дороге в свою деревню. Но я не просыпался. В мою голову лез навязчивый поток мыслей: «Почему именно она? Как это произошло? Неужели Арина действительно умерла?...» Как я не пытался остановить этот шквал вопросов, на которые ответов найти не мог, всё было тщетно.

Я осознал, что никак не был готов к смерти близких. На фронте я видел, как гибли люди. Но всякий раз, когда мою голову посещали мысли о том, что мои родные, близкие люди могли также умереть, я просто гнал этот ужас подальше. Мне было проще сбежать от этих раздумий, скрыть их в самых тайных уголках моего сознания и не вспоминать о них никогда. Но теперь, столкнувшись с этим, я был растерян и не понимал, как жить дальше и что делать.

И тут меня захлестнула новая волна вопросов: «Что с моей дочкой? Что с Леночкой? А если она, как и Арина...» Но вдруг в соседней комнате раздался громкий и пронзительный плач ребенка. Я побежал в комнату и увидел в кроватке девочку. Она успокоилась, как только я взял её на руки. Волосы девочки были тёмные, а глаза ярко-голубые, словно ясное небо в тёплый июльский день. Она так была похожа на Арину. Я смотрел на Леночку, и моя растерянность потихоньку отступала. Я начинал понимать, что мне есть для кого жить, что я должен быть сильным. Я чётко осознал, что хочу воспитать ребёнка, который не познает ужасов войны: голода, изнурительной работы, потерь близких, страха за свою и их жизни.

Дорогие мои дети, внуки и правнуки! Дорогие внуки и правнуки моих однополчан! Сейчас, когда нет войны, главная задача людей не допустить того, чтобы война повторилась. Ведь она приносит слишком много бед, отнимая жизни невинных. Война не щадит ни детей, ни взрослых, ни стариков. Она несет с собой только разрушения, оставаясь горьким следом в судьбе человечества.

Портреты тех, о ком будем помнить всегда

Великая Отечественная война – это страшное время для нашего народа, которое принесло много боли и скорби. События войны – «сороковые, роковые» - были отражены во многих газетах, статьях, фильмах и музыкальных произведениях того времени. Но и во второй половине двадцатого века Великая Отечественная война также была главной темой писателей. Писателями были фронтовики Константин Симонов, Александр Твардовский, Виктор Астафьев, Евгений Носов, Юрий Нагибин, Василий Быков. Они защищали Родину и считали своим долгом во имя погибших и для будущего мира рассказать об этой ужасной войне. Одним из писателей-фронтовиков был Борис Львович Васильев, его повесть «А зори здесь тихие» тронула меня до глубины души.

Я прочитала «А зори здесь тихие» на летних каникулах. Она оставила у меня глубокое впечатление. Во время чтения передо мной, как живые, стояли главные героини повести. Героини - защитницы – молодые девушки, чуть постарше меня. И я решила зарисовать их в своём дневнике. Портреты тех, о ком будем помнить всегда.

16 июня 2023 года. Первый портрет - Рита Осянина, строгая и рассудительная девушка. У неё была тяжёлая судьба. Война забрала её мужа и разделила с маленьким сыном. Все эти потери отражались на её характере и лице. Она редко улыбалась и смеялась. Именно поэтому я рисую её лицо спокойным, без улыбки. Глаза усталые, с опущенными уголками. Но в её глазах есть блеск. Он появился в глазах Риты, когда в её отряд перевели Женю Комелькову, с которой она смогла стать подругой. И только с ней она могла быть с собой. Губы сжаты в линию. На лице Риты есть капли крови, которые остались после того, как она выстрелила себе в висок.

17 июня 2023 года. Второй портрет - Женя Комелькова. Семью Жени расстреляли немцы на её глазах. Несмотря на тот ужас, который она пережила, Женя смогла остаться весёлой и общительной девушкой. Ярким цветом я вырисовываю Женькины рыжие волосы. Окружающие называли молодую девушку русалкой. У Жени губы красивой формы, ровный, чуть курносый, нос. Я отображаю на портрете озорной огонек, что есть в её зеленых глазах. Как писал Б. Васильев: « Глаза детские: ...круглые, как блюдца...». Но посмотрев в глаза Жени, можно увидеть и невероятную силу, которая в них таится.

18 июня 2023 года. Затем я приступаю к третьему портрету - Лиза Бричкина. В повести она описывается как «Коренастая, плотная, то ли в плечах, то ли в бедрах...». Она является умной и толковой девушкой. Лиза собиралась поступать в техникум, но война

прервала её планы. До того, как попасть в зенитную часть, Лиза рыла окопы. Я изображаю лицо Лизы круглой формы. Глаза большие и умные. Плечи девушки я представляю чуть широкими и покатыми. Её одежда и лицо всё в грязи, ведь она погибла в болоте, когда выполняла задание от старшины.

19 июня 2023 года. Четвертый портрет - Соня Гурвич. Соня в книге описывается как незаметная, тихая девушка низкого роста. Она словно «серая мышка». В своём блокноте я изображаю её лицо чуть острым, худым и небольшим. Волосы, как и у всех девушек, собраны. Она не выделяется особой внешностью, поэтому я передаю на лист бумаги самую обычную девушку с самыми обычными чертами лица. Но именно такие «обычные» люди и совершали подвиги во имя Победы. Её бесстрашие и смелость перед лицом врага и желание помочь старшине, я считаю, достойно уважения и гордости.

20 июня 2023 года. Пятый портрет - Галя Четвертак. Самая молодая в отряде зенитчиц. На фоне всех нарисованных портретов её получился самый маленький, что обусловлено её небольшим ростом. Она похожа на воробушка, маленького и вызывающего жалость своим видом. Её ещё детские глаза, которые раньше были полны желания воевать, сейчас наполнены только слезами. Галя была мне ближе всех. Я практически одного с ней возраста, я чувствовала ее больше всех.

21 июня 2023 года. Я листаю свой дневник. Передо мной лица Победителей. Эти молодые девушки тогда думали не о себе. Смело они шли вперед, верили в Победу и отдали свои жизни за Родину, за счастливое будущее, за нас.

22 июня 2023 года. 82 года назад фашистская Германия напала на Советский Союз, на мою Родину. Общие потери СССР (вместе с мирным населением) составили более 29 миллионов человек. И это не последняя цифра. Страшная, ужасающая, ведь уже никого не вернешь, не воскресишь. Повесть как бы говорит будущим поколениям: война – это страшно, она не различает пола и возраста. Если мы будем хранить и передавать эту память из поколения в поколение, война не повторится.

Доктор с тетрадкой

Был тихий весенний майский вечер. Вокруг меня царила тишина, будто время остановилось. Я сидел за рабочим столом в своей уютной комнате, откуда-то доносилась песня «А знаешь, всё ещё будет!». Мне стало интересно, кто написал эти слова. Набрав в Интернете поиск, узнал, что автор Вероника Тушнова. Она в 1941 году должна была начать учиться в Литературном институте. Но война... Я задумался о том, как прекрасна моя юность, и как трудно жилось людям во время Великой Отечественной войны. Одна тяжелая мысль за другой, одна суровая картина за другой возникали в моей голове. Мне вдруг захотелось написать все это на бумаге. В моей душе были волнение и страх, казалось, меня коснулось дыхание войны. Мыслей было много, но соединить их вместе я не мог.

Внезапно около моего окна закружилась стайка птиц. И одна из них залетела в комнату. Как будто сама судьба захотела, чтобы я встретился с человеком из прошлого, с тем, кто мог мне рассказать о войне. Я на мгновение замер. Передо мной стояла молодая женщина. Какое милое лицо! Какие сияющие глаза! Сколько женственности! Это была Вероника Тушнова. Я еще не успел задать ей вопрос, она сама сказала: «Я пришла к тебе рассказать, как жила во время страшной, но священной для нашего народа войны». Так и начался её рассказ.

Однажды в ночи, когда все уже ложились спать, раздался ненавистный визг сирены. Все моментально проснулись. Надо было опять бежать в бомбоубежище. Ужас охватил меня. Я помогла своей маме, на руки взяла дочку Наташеньку, и мы сбежали вниз по ступеням. Вместе с другими испуганными соседями спрятались за стальной дверью с задвижкой. Нам тогда казалось, что она нас защитит. Пригнувшись к полу, держа друг друга за руки, мы слушали взрыв за взрывом, вздрагивали. Кто-то шептал имя любимого, кто-то оцепенел, но все мы ждали, когда закончится бомбежка. Темнота всколыхнулась, казалось «до корня вздрагивает зданье, и кто-то шепотом: «Не в нас». А потом стало тихо-тихо. Мы с трудом открыли дверь. Дым, пыль, горящий соседний дом, черное небо - вот что мы увидели. Крики, плач - вот что мы слышали. Боль, беда, горе - вот что мы почувствовали. Но самое страшное, что не только фашистские бомбы убивали советских людей, а еще и голод, болезни, холод тоже забирали тысячи жизней. Старичок-сосед умер от голода, девочка из пятой квартиры заболела и тоже умерла, моя подруга погибла на улице во время бомбежки.....А я всю войну спасала людей на операционном столе. Ведь я хирург.

Опять идут измученные люди,
Опять носилки, костыли, бинты,
Страданье, кровь, простреленные груди
И хриплый бред палатной темноты.

И даже когда казалось, уже ничем не помочь, мы верили в чудеса. И чудо случалось. Вероника Тушнова рассказывала, а передо мной стояли лица тех, кто навсегда остался в памяти, о которых забыть невозможно. В 1943 году она написала стихотворение «Хирург», которое посвятила Н.Л. Чистякову. У этого доктора в боях за Одессу погиб сын. Хирург спас тысячи раненых солдат, каждый из которых для него стал сыном: ...он паренька с раздробленной ногой сынком назвал, совсем не по уставу.

А потом Вероника Тушнова как будто растаяла. Мне очень захотелось узнать о ней больше. И написать. Всю войну Вероника Тушнова работала в госпиталях. Врачей совсем не хватало, раненые поступали и поступали. В госпитале ее считали главной утешительницей. Могла вдохнуть жизнь даже в безнадежных больных. Бескорыстно помогала всем, чем могла. В перерывах, когда было несколько свободных минут, записывала стихи в тетрадь. Ее так и звали - доктор с тетрадкой.

После войны поэтесса много писала, ее стихи о любви и счастье стали песнями, светлыми и чудесными. Я уверен, что о тех, кому выпала тяжкая доля – жить в войну, кому пришлось защищать нашу Родину, нельзя забывать. И о тех, кто боролся за жизнь каждого бойца, тоже надо вечно помнить. В Великую Отечественную войну медики вернули в строй 72 процента советских солдат и офицеров. Маршал Советского Союза Константин Рокоссовский говорил, что эту войну мы выиграли ранеными – абсолютное большинство красноармейцев за годы Великой Отечественной войны были ранены или контужены, а многие и не единожды. Наша память о всех – это святое, доброе дело.

Глебова Мария

Лето. Июль. Петербург. Что может быть прекраснее? Теплые лучи солнца дарят свою улыбку. Небесный купол, где то и дело появляются облака причудливой формы: одни похожи на диких животных, другие - на волшебные замки и башни... Чистое голубое небо отражается в искрящихся на солнце бликах Невы. Впереди так много всего яркого, интересного, наполненного особенно прекрасным и любимым питерским ветром! Такой Петербург, уникальный город с великой историей, встретил Марию.

Ей восемнадцать. Она приехала сюда поступать в музыкальную консерваторию. Маша с детства была одаренной и способной девочкой, прекрасно играла на фортепиано, закончила обе школы с отличием. Музыка для нее – это мир, полный гармонии, удивительных красок, радости и печали, это целая жизнь! Музыку она чувствовала каждой клеточкой своего тела, увлеченно изучала творчество величайших композиторов, немного сочиняла сама.

Сейчас, оказавшись в Петербурге и подав заявление о поступлении, Мария, окрыленная, счастливая, но немного взволнованная перед сдачей экзаменов, решила прогуляться по улицам города и познакомиться с ним. Набережная реки Мойки, Невский проспект, Казанский собор (в жизни она не видела ничего красивее) и вдруг Михайловская улица... Большой зал филармонии имени Шостаковича! Маша знала о нем многое: Дмитрий Дмитриевич был не только гениальным композитором, но и настоящим человеком, истинным патриотом своей страны. Она увидела афишу и не поверила глазам: сегодня прозвучит его знаменитая Седьмая симфония!

Купив билет, девушка поспешно заняла почетное место в пятом ряду. Душа томила от ожидания и волновалась. Маша была знакома с биографией композитора: Великая Отечественная война застала его в Ленинграде в должности председателя экзаменационной комиссии на фортепианном факультете. Шостакович трижды пытался пойти добровольцем в Красную Армию, однако неизменно получал категорический отказ. Работая над симфонией №7, он желал «скорее внести свой осязаемый вклад в борьбу». 9 августа 1942 состоялась премьера в зале Ленинградской филармонии. Для её исполнения созвали всех музыкантов, бывших в городе, а также тех, кто играл в армейских и фронтовых оркестрах под Ленинградом, дирижировал Карл Ильич Элиасберг. Трансляция осуществлялась по радио.

В этот день в городе звучала не одна симфония. В окрестностях Ленинграда слышалась другая музыка. Её исполняли гвардейские пушки, огонь батарей 42-ой армии. Главной задачей было не дать врагу сорвать концерт...

Картины, промелькнувшие в сознании Марии, заставили её сердце учащенно биться. Лица девушки коснулась грустная улыбка. «Мне хотелось создать произведение... о наших людях, которые становятся героями, которые борются во имя торжества нашего над врагом...» – говорил Шостакович. Именно эта фраза композитора не выходила из её головы вплоть до самого начала симфонии...

Услышав широкую и распевную мажорную мелодию, девушка словно окунулась в события того времени. Перед ней то и дело всплывали образы мирной жизни. Вскоре началась побочная партия. Она напомнила Маше нежную колыбельную, которую

ласковым, наполненным любовью голосом поет мама. Спокойные мысли прерывает дробь барабана, раздающаяся издалека. Мелодия усиливается: присоединяются все новые и новые инструменты, на смену одноголосным мотивам приходит мощная аккордовая фактура. Так передал автор нашествие врага. В один момент девушке показалось, что музыка рисует образ чего-то ужасного и злого, того, что способно стереть все на своем пути. Но вот она слышит, как начинается противодействие. Следующая за кульминацией реприза выступает мрачной, в минорных красках. Далее все звучит тоскливо и одиноко. Соло фагота заставляет Марию поймать себя на мысли, что от колыбельной не осталось совсем ничего. Это плач, прерываемый мучительной болью. Лишь в конце Мария услышит мажорную тему. «Борьба. Борьба за жизнь, – промелькнуло в ее голове. – Мир спокойствия и величия столкнулся с миром войны, гнева и смерти. Зачем?»

Вторая часть позволила девушке окунуться в мир довоенного Ленинграда. Привлекательный и светлый образ города предстал перед ней. Но потом снова жесткие мотивы, которые рисуют совершенно иные картины. Реприза опять звучит печально. Она словно возвращает Машу в военную реальность.

Третья составляющая симфонии наполнена болью и скорбью. Адажио открывает хоральное вступление, звучащее словно реквием. Невозможно сдержать слез... В голове всплывают образы людей, навсегда покинувших этот мир... Музыка трагична и печальна. Но вот слышится более светлая тема, олицетворяющая упоение жизнью, преклонение перед природой. Начинается переход к последней части.

Заключительный могучий финал полон действенности и активности. Мария слышит тремоло литавр, тихое звучание скрипок. Девушка затаила дыхание, словно для того, чтобы вдохнуть полной грудью через несколько мгновений. Это было похоже на затишье перед бурей. На ночь перед финальной битвой. И вот в сумеречной тьме Мария слышит отголоски первой темы. Мелодия набирает обороты, наполняется неукротимой энергией. Она звучит могущественно и величаво. В ней девушка видит борьбу, народный гнев, желание стоять и биться до конца. Слезы каплют по ее щекам. Свет и тьма сталкиваются в последний раз. Главная партия звучит как символ мира, символ грядущей победы!

Услышав финальные аккорды, зал на минуту погружается в оцепенение... Только после встает с мест и начинает рукоплескать. Маша не помнила, как начала плакать, не помнила, как встала и аплодировала, не жалея сил и крича «Браво!» вместе со всеми, не помнила, как вышла из филармонии и, посмотрев на чистое июльское небо, сказала тихое спасибо.

Пораженная до глубины души, девушка направляется к Михайловскому замку. В ее голове то и дело крутятся пять слов: «Я Вас никогда не забуду». Не забуду великого композитора, не забуду всех павших в боях, не забуду тебя, Ленинград!

Мария прошла Марсово поле и вскоре оказалась перед Литейным мостом через Неву. Почему я тут? Что-то это напоминает... Точно, именно здесь в 1942 году стоял Алексей Воронов, герой повести ленинградской писательницы Тамары Цинберг «Седьмая симфония», которую она недавно прочла. Книгу о блокадном городе, о войне, о любви, о предательстве. Книгу, которая пробирает до мурашек, заставляет плакать и осознавать, как тяжело было выжить в суровые годы Великой Отечественной и не сломаться, а остаться Человеком.

Именно здесь, на Литейном мосту, главный герой произведения услышал из репродуктора прекрасную музыку симфонии №7 Бетховена. Да, уже не Шостаковича, а Бетховена. «Внезапно над его головой раздался спокойный женский голос: «Мы передаем Седьмую симфонию Бетховена. Часть вторая. Аллегретто. Трансляция производится по записи».

Мария подумала: настоящая музыка... иногда может помочь и в тяжелое время!

Воронов понял «до конца всем своим существом, что этого города врагу не взять никогда, и, может быть, именно потому, что, обороняя его из последних сил, они сражались здесь за все высокое и прекрасное, на что способен человек».

А потом он встретит Катю, пятнадцатилетнюю девочку, которая, оставшись одна во время начала блокады, спасет от голода и холода двухлетнего больного ребенка.

«— Очень любишь своего Сережу? — как-то глухо, вполголоса спросил Воронов.

— Да, очень. — И, помолчав, она сказала совсем тихо, не глядя на него: — Конечно, человеку плохо, если его никто не любит. Только, я думаю, это еще хуже, если самому некого любить. Правда? Надо, чтобы у каждого человека был кто-нибудь, кого бы он любил.

— Вот как? — начал Воронов и замолчал».

Тогда Алексей вспомнит о своей семье (он думал, что она погибла), поможет им: даст хлеба, и об этом Катя не забудет никогда!

Маша застыла в оцепенении. Почему-то сегодня Санкт-Петербург вновь и вновь напоминал ей о войне. Она опять тихо заплакала, обратившись к прошлому. В книге Сережа окажется сыном Воронова. Его бросила мать, спасая себя, эвакуируясь через Ладожское озеро. Но об этом никто не будет знать. Только читатель! Как Марии тогда хотелось помочь им, подсказать, что Сережа (так назвала мальчика Катя) — это Митя, сын Алексея. К счастью, в финале повести они будут вместе!

Потом был Летний сад и памятник Крылову, и девушка вспомнила, как Катя, Алексей и Митя в день Победы шли мимо него, и уже шестилетний мальчик признался, что здесь когда-то зимой он видел знаменитую Ворону и Лисицу баснописца. А затем они вновь услышали Бетховена.

«— Седьмая симфония? — пробормотал Воронов с глубоким недоумением.

Невысокий стройный человек, который тоже, слушая музыку, стоял рядом с ними под окном, быстро обернулся.

— А почему это вас удивляет?

— Седьмая симфония? — снова повторил Воронов. — Но она ведь такая печальная, я же помню...

— Печальная? Почему же... а, вы, очевидно, имеете в виду знаменитое аллегretto? Да, это действительно очень скорбная вещь, но симфония в целом, — он рассмеялся и закончил с торжеством, — симфония написана в мажоре!»

Да, обе, и Шостаковича, и Бетховена, написаны в мажоре! Ведь Маша, проделав путь от Эрмитажа, Большого зала филармонии до Летнего сада, подслушав биение прошлого – блокадного Ленинграда, вновь многое для себя поняла. Надо сражаться! Надо любить! Надо жить для других! Тихие слезинки скатились из ее глаз... И она, обновленная, навстречу новым поискам и открытиям, навстречу питерскому ветру, устремилась дальше. Впереди была стрелка Васильевского острова. Впереди было поступление! Теперь Мария точно знала: на экзамене в музыкальную консерваторию она будет играть Седьмую симфонию! И совершенно неважно, какого автора. Впереди – будущее!

Снова светило ослепительное солнце, снова лучи его играли в салки, снова природа Санкт-Петербурга улыбалась ей. Как все-таки прекрасна жизнь!